

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 16

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2021

Редколлегия:

*И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
А. С. Быстрова, канд. экон. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ ФНИСЦ РАН);
Г. В. Еремичева, канд. филос. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент (Карлов университет, Прага, Чехия);
Симо Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)*

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Социология здоровья

<i>Бояркина С. И.</i> Политико-экономические детерминанты антивакцинационного конфликта в индустриальной Англии	5
--	---

<i>Галкин К. А.</i> Особенности социологического интервью с пожилыми людьми с деменцией. Опыт травмы	22
---	----

Методы анализа данных

<i>Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С.</i> Проблемы смысловой реконструкции теоретического текста в социологии	44
---	----

Социология культуры

<i>Лебедев Н. В.</i> Социокультурная значимость творческого наследия Зиновия Яковлевича Корогодского в современных общественных представлениях	64
--	----

Очерки, эссе, зарисовки

<i>Щёлкин А. Г.</i> Иронические заметки о текущей ситуации в социологии	107
---	-----

In Memoriam

Памяти Светланы Владимировны Лурье	131
Памяти Будимира Гвидоновича Тукумцева	133
Памяти Александра Васильевича Тихонова	136

CONTENTS

Sociology of Health

<i>Boyarkina S. I.</i> Political and Economic Determinants of Anti-Vaccination Conflict in the Industrial England	5
--	---

<i>Galkin K. A.</i> Features of a Sociological Interview with Older People With Dementia. Trauma Experience	22
--	----

Methods of Data Analysis

<i>Kanygin G. V., Poltinnikova M. S., Koretskaya V. S.</i> Problems of Semantic Reconstruction of a Theoretical Text in Sociology ...	44
--	----

Sociology of Culture

<i>Lebedev N. V.</i> The Socio-Cultural Significance of Zinovy Yakovlevich Korogodsky's Creative Heritage in the Modern Public Perceptions	64
---	----

Essays and Sketches

<i>Shchelkin A. G.</i> Ironic Notes on the Current Situation in Sociology	107
---	-----

In Memoriam

In Memoriam Svetlana V. Lourie	131
In Memoriam Budimir G. Tukhumtsev	133
In Memoriam Alexander Tikhonov	136

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-16-1

С. И. Бояркина

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АНТИВАКЦИНАЦИОННОГО КОНФЛИКТА В ИНДУСТРИАЛЬНОЙ АНГЛИИ*

В статье представлены результаты историко-социологического исследования генезиса конфликта, возникшего во второй половине XIX в. между представителями оппозиционно настроенных групп, сопротивлявшихся реализации закона об обязательной вакцинации, и правительством Англии. Проведенная реконструкция исторических событий, связанных с распространением вакцинации на территории страны, и деталей существовавшего социального контекста позволили представить вакцинационный конфликт как результат политико-экономического давления, оказываемого на целевые социальные группы — представителей низов среднего класса и рабочих. Положение этих групп в социальной структуре индустриального английского общества и специфика существовавших условий социального контекста стали основанием для консолидации усилий в деле противостояния государственной социальной политике. Реализация политических решений, принимаемых в условиях практически поголовной заболеваемости оспой, сопровождалась дискриминацией и стигматизацией наиболее уязвимых слоев населения, статусным расслоением и вместе с тем статусным самоопределением маргиналов, готовых бороться с вышестоящими социальными группами не только за собственную свободу медицинского выбора, но и за свое место в социальной структуре общества.

Ключевые слова: Англия XIX в., эпидемии оспы, вакцинационная политика, социальный контекст, вакцинационный конфликт, вакцинационное законодательство.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ».

SANIYA I. BOYARKINA

POLITICAL AND ECONOMIC DETERMINANTS OF ANTI-VACCINATION CONFLICT IN THE INDUSTRIAL ENGLAND*

The article presents the historical and sociological analysis of the vaccination conflict that arose in the second half of the 19th century in industrial England. It has become the result of confrontation between social groups that resisted the implementation of the law on compulsory vaccination, and the government of England. The reconstruction of historical events related to the spread of vaccination in the country and the details of social context made it possible to present the vaccination conflict as a harvest of political and economic pressure exerted on target social groups — representatives of the lower middle class and workers. Position of these groups in social structure of industrial English society and specific of existing social context formed the background for consolidating efforts in opposing the state social policy. The implementation of political decisions taken in the context of an almost total smallpox incidence was accompanied by discrimination and stigmatization of the most vulnerable population segments, deepening status stratification and, at the same time, the status self-determination of marginalized people who were ready to struggle with higher social groups not only for their own medical choice freedom, but also for its place in the social structure of society.

Keywords: England of the 19th century, smallpox epidemics, vaccination policy, social context, vaccination conflict, vaccination legislation.

Введение

История сопротивления вакцинации насчитывает уже более полутора веков. Его появление было связано с введением обязательной вакцинации, ставшей первой профилактической мерой борьбы с оспенными эпидемиями, поражавшими население европейских стран в XVII–XIX вв. Оспа была страшна не только высочайшими показателями смертности, доходившими до 40 % от числа заболевших, но и последующими инвалидизирующими осложнениями: слепотой, поражениями костно-суставного аппарата, уродующими внешность рубцами.

* The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00314 «Social order in conditions of epidemic: socio-philosophical analysis».

В Англии XVII–XVIII вв. на фоне отступающей чумы оспа становилась наиболее распространенным инфекционным заболеванием. Только в 1634 г. в Лондоне жертвами болезни стали 12,6% населения, умершего не от чумы; с 1649 по 1688 г. доля умерших составляла около 8% от общей смертности. Всего за период с 1660 по 1799 г. в городе было зарегистрировано 37 вспышек заболевания, сопровождавшихся ростом показателей смертности (Carmichael, Silverstein 1987: 161; Duncan 1994: 255–256).

Являясь статусно-нейтральной болезнью, оспа поражала представителей всех социальных страт, независимо от уровня достатка, условий и образа жизни. От нее страдали и бедняки, и члены королевских фамилий: только на протяжении XVIII в. в Европе погибли пять правящих монархов. В Англии во время эпидемии 1707 г. от оспы скончался наследник трона — последний представитель линии Стюартов, что привело к смене правящей династии и вступлению на престол Георга I, курфюрста Ганновера (Святловский 1891).

Оспа угрожала преемственности высшей власти, сохранению численности населения, военной мощи, территориальной автономии и экономическому росту государств, поэтому политические элиты Англии были крайне заинтересованы в появившейся возможности профилактики заболевания и распространении массовой вакцинации в качестве регулярной меры охраны общественного здоровья.

Принятие первых законов об обязательной вакцинации в 1853, 1867 и 1871 гг. сопровождалось становлением антивакцинационного движения и организованными им массовыми протестами, крупнейшим из которых стала демонстрация 1885 г. в Лестере, привлечшая около 100 тысяч человек. К концу XIX в. активистам движения удалось добиться значительных изменений законодательства и предоставления права выбора отдельным категориям граждан, а к концу первого десятилетия XX в. — полной отмены обязательной вакцинации.

Стремительные изменения, к которым привело развернувшееся противостояние, стали предметом научной дискуссии, продолжающейся до сих пор, в центре внимания которой находится изучение последствий вмешательства оппозиционеров в государственную политику охраны общественного здоровья. Это демонстрируют результаты проведенного в июне 2021 г. сплошного поискового библиометрического анализа метаанных публикаций, размещенных в международной базе научной литературы Web of Science (WoS): Core Collection. Проведение поискового запроса по ключевым словам «anti-vaccin movement» в топиках

публикаций позволило обнаружить 125 статей в ядре WoS; всего по всем базам WoS — 307 статей с 1960 г., из которых 101 статья относится к дисциплинарному полю социологии.

Существенно меньшее количество публикаций посвящено анализу социальных характеристик антивакцинационного движения, зародившегося в Англии, социально-структурной принадлежности его участников, их аргументации. Так, при проведении поисковых запросов по ключевым словам «anti-vaccin, Engl» было найдено 27 статей, «anti-vaccin, movement, Engl» — 10 и «anti-vaccin, protest» — 5 статей.

Как позволяет заключить анализ метаданных литературы, кластер статей, посвященных антивакцинационному сопротивлению, крайне узок, наименее изученными остаются вопросы влияния социального контекста на динамику конфликта, социально-структурные характеристики и мотивы поведения его участников. При этом анализ приведенных социальных оснований позволяет ответить на вопрос о том, какие обстоятельства — субъективные и объективные — стали причиной сложившейся конфликтной ситуации и что позволило противникам вакцинации осуществить вмешательство в государственную вакцинационную политику и добиться отмены формальной нормы обязательной вакцинации.

Краткая история антивакцинационного конфликта

После изобретения и успешной апробации Э. Дженнером процедуры вакцинации по решению парламента в 1807 году была создана врачебная комиссия, состоявшая из представителей элиты медицинского сообщества Англии, которая единогласно признала, что вакцинация является лучшей санитарной мерой для борьбы с натуральной оспой. В 1808 г. по инициативе Коллегии врачей был основан Национальный институт вакцинации, в уставе которого были указаны имена авторитетных вакцинаторов и описаны процедуры проведения прививки и последующего лечения осложнений (National Vaccine Establishment 1816).

Вскоре после этого вакцинация широко распространилась в большинстве европейских стран, что происходило в первую очередь благодаря покровительству представителей властной элиты, заботившихся не только о собственной физической безопасности, но и о сохранности численности населения подвластных территорий. В стремлении

остановить эпидемии страшной болезни европейские правительства одно за другим начали вводить законы об обязательной вакцинации.

Несмотря на активные действия государственных органов законодательной власти, общий уровень развития медицины, отсутствие общих стандартов проведения медицинских вмешательств и незнание принципов асептики и антисептики часто приводили к локальным вспышкам оспы, заносимой в ходе проведения процедуры. На фоне неудач, сопровождавших вакцинационные кампании первой половины XIX в., в профессиональной среде развернулось противостояние между сторонниками нового метода — вакцинации (прививки коровьей оспы человеку) и последователями прежнего способа оспопрививания — вариоляции* (прививки натуральной оспы от человека к человеку).

В 1840 г. коллегия врачей подала петицию в парламент, предлагая запретить вариоляцию и обеспечить государственную поддержку вакцинаций. Они полагали, что эпидемия 1838–1839 гг. возникла из-за прививок натуральной оспы, распространенных в среде необразованных бедняков — сельских жителей и рабочих, не доверявших новому методу и прибегавших к услугам не имеющих отношения к медицине неграмотных оспопрививателей. В ответ на запрос профессионального сообщества в том же году был принят первый закон, формализующий процедуру вакцинации, в котором полностью запрещалось проведение вариоляций (наказанием за нарушение было тюремное заключение), а проведение вакцинаций разрешалось только врачам (Крейтон 1889).

После принятия в Великобритании закона о вакцинации начался новый этап расширения масштабов охвата населения профилактическими вакцинами: дети, отправляющиеся в школу, и кандидаты при устройстве на работу должны были предъявлять специальные

* Вариоляция (инокуляция натуральной оспы) представляла собой прививку вируса, взятого от больного человека и переданного ребенку. Применялась для профилактики болезни жителями Османской империи и Африки, для территорий которых оспа была эндемичным заболеванием. Практика вариоляций была привезена в Европу в 1718 г. супругой посла Англии в Константинополе М. Монтегю, которая опробовала прививку на себе и своем сыне и выступала с пропагандой новой профилактической меры среди английской аристократии. (Подробнее см.: *Микиртичан Г. Л.* Из истории вакцинопрофилактики: оспопрививание // Российский педиатрический журнал. — 2016. — № 1. — С. 55–62.) Однако многочисленные сообщения об опасности вариоляций способствовали поиску альтернативных методов защиты от оспы. После ряда экспериментов с применением биоматериалов кур и лошадей, в 1798 г. Э. Дженнером были опубликованы результаты апробации нового эффективного способа, дававшего наилучшую защиту от натуральной оспы, — инокуляции коровьей оспы, названной вакцинацией от латинского «vassa» — «корова».

свидетельства о наличии у них прививки от оспы. Однако этого оказалось недостаточно. После очередной эпидемической вспышки по инициативе Комитета вакцинации Эпидемиологического общества в 1853 г. парламентом был принят закон об обязательной вакцинации детей первых трех месяцев жизни, предусматривавший наказание для родителей, не соблюдающих закон в виде штрафа, ареста имущества и / или тюремного заключения. Для дальнейшего увеличения числа вакцинированных в 1867 г. был принят новый закон, предусматривавший обязательное прививание детей в возрасте до 14 лет и сохранявший возможность применения наказания к нарушителям. Для их выявления в 1871 г. было принято решение о назначении территориально закрепленных должностных лиц (Weber 2010: 664–669). Это политическое событие ознаменовало собой повсеместное распространение специфических структур исполнительной власти, претворявших в жизнь формальные принципы охраны общественного здоровья. Реализация этих принципов стала возможной не только в городах, но и в сельских поселениях Англии, где в период с 1873 по 1881 г. численность вакцинированного населения в возрасте до 14 лет значительно превышала значения других лет (Williams 1994: 402).

На фоне снижения смертности от оспы и нарастающего административного давления со стороны государственных властей из стихийных протестов против вакцинации зародилось социальное движение. Основными участниками первых антивакцинационных кампаний 1850–70-х гг. стали: оппозиционно настроенные врачи-консерваторы — сторонники вариоляционных практик и натуропаты, сомневавшиеся в безопасности вакцины; высокопоставленные религиозные деятели, считавшие прививку коровьей оспы человеку смертным грехом; юристы — защитники медицинских свобод граждан; активисты — представители верхушки рабочего класса, борцы за права рабочих, сопротивлявшиеся любому политико-экономическому давлению; простой народ, больше доверявший знахарям, чем врачам. Эти люди — представители разных социально-структурных групп, имевшие различный жизненный опыт, убеждения и мотивы, — консолидировали усилия для организации сопротивления новому закону о вакцинации и социальным службам, претворявшим его в жизнь.

В результате возникшего противостояния в 1866 г. возникла Национальная лига противников обязательной вакцинации (National Anti-Compulsory Vaccination League), зародившаяся в южных провинциальных районах Англии и находившая там поддержку прежде

всего среди представителей среднего класса. К 1869 г. агитационные центры появились в центральных районах страны — Бирмингеме, Лидсе, Бредфорде и ряде других. Центром антивакцинационного движения стал промышленный район Лестершир, где в 1875–1878 гг. более трех четвертей населения платили штрафы за неисполнение закона о вакцинации. На севере страны, в урбанизированных, индустриально более развитых территориях, где основывались локальные организации сопротивления обязательной вакцинации (Челтенхэм 1874), поддержку движению оказывали ремесленники, представители рабочего класса, городские низы. В ходе расширения географии антивакцинационных кампаний происходило поэтапное слияние региональных оппозиционных структур, и к 1880 г. было образовано Лондонское общество борцов за отмену обязательной вакцинации, привлечшее в свои ряды влиятельных членов парламента, что оценивается исследователями как момент политической легитимации протестного движения (Williams 1994: 403).

Наибольшую активность оппозиционеры начали проявлять после принятия закона 1871 г. об обязательной вакцинации и повсеместного применения принудительных мер по отношению к родителям детей и подростков. По их инициативе были основаны специализированные журналы, публиковались брошюры и книги.

В ответ на требования общественности в 1880 г. правительство предложило законопроект, содержащий ослабление санкций. Предполагалось, что следует отменить постоянное преследование родителей до тех пор, пока их детям не исполнится 14 лет, и ограничиться однократным наложением штрафа, ареста на имущество или тюремным заключением. Однако проект не был принят из-за возражений врачей и Королевского общества. С точки зрения медицинского сообщества — последователей зарождающейся доказательной медицины, — противники вакцинаций представляли собой «злонамеренных агитаторов», распространяющих подстрекательскую литературу среди беспечных и невежественных людей (Крейтон 1889; A replay to the Anti-vaccinators 1880: 138).

Кульминацией конфликта стала демонстрация 1885 г. в Лестере, организованная членами лиги, привлечшая около 100 тыс. человек. Ее участники настаивали на том, что государственная легализация вакцинации означает легализацию телесных повреждений и нанесения ущерба здоровью гражданам страны, а политическое давление, оказываемое на представителей социальных низов, нарушает их гражданские права.

Требования антивакционистов сводились к трем основным пунктам: недопущение посягательств на частную жизнь, уважение личности, ее убеждений и права выбора и проведение вакцинации исключительно на добровольной основе (Кубарь 2018: 163–173).

Общественное давление, возникшее в стране благодаря деятельности Лиги противников вакцинации и сконцентрированное преимущественно в ее промышленных центрах, привело к необходимости государственного регулирования конфликтной ситуации и созданию Королевской комиссии, которой поручалось рассмотреть аргументы противников вакцинации и ее сторонников. К 1896 г. после проведения расследования комиссия пришла к выводу о неоспоримой пользе вакцинации, однако, в качестве уступки требованиям оппозиционеров, рекомендовала отмену штрафов и введение послаблений, касающихся условий содержания нарушителей в тюрьмах.

Принятый в 1898 г. новый закон о вакцинации содержал «положение о совести» и предусматривал возможность получить сертификат об освобождении от вакцинации для родителей, которые не считали вакцинацию эффективной или безопасной (Swales 1992: 1019–1021). К 1907 г., на фоне снижения заболеваемости оспой, комиссией было принято решение об отмене обязательной вакцинации и предоставлении гражданам Великобритании права отказаться от прививки по личным соображениям (Hennock 1998).

Политико-экономические факторы вакцинационного конфликта

Вторая половина XIX в. описывается в литературе как период резкого роста городов, обусловленный началом промышленной и аграрной революций, предопределивших дальнейшее развитие европейских государств. Появление производств, предоставлявших новые рабочие места, провоцировало массовую миграцию крестьян, вытесняемых фермерами-капиталистами из сельской местности в города, что привело к резкому увеличению доли городского населения. Если в 1750 г. в городах проживало около 15 % европейцев, то в 1880 г. — уже 80 % (Porter 1999: 398). В Великобритании в 1801 г. почти 80 % англичан были жителями сельских поселений, а уже к 1851 г. ситуация существенно изменилась и численность городского населения стала незначительно меньше сельского: в английских городах проживало 8 294 240 человек, в сельской местности — 9 633 360 человек (Census of Great Britain

1851: 62). Во второй половине века активный рост городов продолжился, и к 1901 г. только пятая часть населения Англии и Уэльса жила в сельской местности, 80 % жителей были горожанами, что значительно превышало показатели других стран Европы того времени. К 1901 г. в Великобритании насчитывалось 74 города с населением свыше 50 тыс. человек, а Лондон, который викторианцы называли «метрополис», увеличил количество жителей с 2,3 млн в 1851 г. до 4,5 млн в 1911 г. (если считать вместе с пригородами — до 7,3 млн человек) (Matthew 2010: 529).

Многочисленные европейские города в период промышленной революции, стремительные социальные перемены, рост прослойки интеллектуалов-изобретателей, исследователей и зажиточных горожан, появление больших масс рабочих и выходцев из села привело к установлению нового общественного порядка.

Разрастание производств и установление капиталистического типа хозяйствования привело к обострению статусных неравенств и формированию социальной пропасти между классами. В результате продолжающейся массовой миграции произошло не только увеличение числа безработных и неимущих, но и ухудшение положения городских низов. Индустриализация и урбанизация резко изменили материальные условия труда, быта, питания, характерные для аграрной эпохи. На смену сезонному труду сельского жителя пришел каждодневный рутинный многочасовой труд в закрытом помещении с использованием сложных механизмов, физических и химических процессов. Деревенскую избу сменили ночлежка, каморка или «угол» в плотно населенном рабочем квартале (Киценко 2019).

Положение рабочего в 1815–1848 гг. предполагало тяжелый физический труд, неудовлетворительные жилищные условия, низкую заработную плату, постоянную нестабильность жизни, которые обусловили распространение в пролетарской среде инфекционных заболеваний и алкоголизма. Люди, покинувшие разорявшуюся деревню, вынужденные соглашаться на любые условия заводского труда, пополняли районы городской нищеты, окружавшие правительственные центры и новые буржуазные части городов. Городские трущобы становились центрами эпидемий инфекционных болезней — оспы, туберкулеза, холеры, дизентерии, — от которых погибали и бедняки, и состоятельные горожане (Хобсбаум 1999: 281).

Социальные низы и их жилища воспринимались как источники болезней, представляющих угрозу благополучию общества. Поэтому

начатая в XVII в. на фоне эпидемий чумы борьба с бедностью и бедными людьми оставалась в числе первоочередных задач европейских правительств, не утративших своей актуальности в условиях происходивших индустриальных трансформаций (Бояркина 2020).

В условиях распространения оспы наибольшее давление со стороны государства испытывали на себе представители низкостатусных социальных групп, подпадавших под действие законов о бедных (Poor Laws), которые должны были способствовать искоренению бедности. Предполагалось, что нищие и безработные (бездельники) смогут поправить свое положение, если лишить их возможности получать социальные выплаты и предоставить место работы. Законы предусматривали упразднение возможности получать пособие по бедности в местных приходах и вынуждали обратившихся за материальной помощью соглашаться на общественные работы и проживание в работных домах. Условия пребывания в этих режимных учреждениях предполагали раздельное содержание мужчин, женщин и детей, в том числе и членов одной семьи, изнурительный труд, телесные наказания и крайне скудное питание. Эти условия создавались намеренно, чтобы мотивировать людей к использованию любых других возможностей заработка и минимизировать число обитателей работных домов, которыми часто становились сироты, старики, инвалиды, душевнобольные (Барлова 2009).

Представители низкостатусных слоев населения являлись предметом особого внимания не только социальных, но и медицинских служб прежде всего потому, что бедные, ослабленные голодом люди составляли абсолютное большинство пациентов с оспой в больницах Англии; среди них было и наибольшее число невакцинированных. Именно поэтому бедняки становились основной целью государственных вакцинационных кампаний и пополняли число осужденных за нарушение вакцинационного законодательства (A report on vaccination and its results 1898; Weber 2010: 664–669).

Организационная структура системы социального обеспечения и медицинской помощи предполагала, что те же чиновники, которые направляли бедняков в работные дома, следили и за предоставлением бесплатной общественной вакцинации тем, кто не мог оплатить услуги практикующих врачей. Поэтому для родителей из низов среднего и рабочего классов вакцинация воспринималась как акт стигматизации. Вмешательство в их жизнь социальных учреждений порождало страх, что от вакцинации до работного дома один шаг (Yale 2014).

Дискриминирующие, стигматизирующие системы оказания социальной помощи и правосудия, регламентируемые законами о бедных, и сложившиеся в Англии социально-экономические отношения, основанные на эксплуатации рабочих и угрозе безработицы, способствовали росту социальных неравенств и дестабилизации общества.

Возникшие в этих условиях социальные волнения, инициированные хартиями рабочих, позволили последним добиться определенных успехов и привели не только к конкретным изменениям системы организации труда и предоставления социальных гарантий работающим людям, но и сформировали специфический конфликтный тип взаимодействия между представителями социальных классов. И в этом смысле антивакцинационное движение было одним из многих оппозиционных социальных движений, набиравших популярность прежде всего в среде рабочих и низов среднего класса.

Антивакцинационизм процветал в районах с активным трудовым движением, где проводимая политика государства ставила под угрозу жизнь и материальное благополучие рабочих. Провоцирующим фактором становилось требование о вакцинации, предъявляемое отдельными работодателями взрослым сотрудникам предприятий в обмен на сохранение рабочего места (Durbach 2000). Из инструмента охраны здоровья населения вакцинация превратилась в инструмент политико-экономического манипулирования массами рабочих, которые, объединяясь в профсоюзы, предпринимали попытки солидарного сопротивления властному доминированию государства и буржуазии в базовых сферах их жизни — труде и здоровье.

Акты о вакцинации закрепили существовавшие классовые различия и обострили восприятие социальных неравенств теми, кто считал вакцинацию государственно санкционированным физическим насилием или понес наказание за невыполнение закона. Эта группа, ставшая основной движущей силой антивакцинационного сопротивления, состояла из экономически разнородных элементов. Квалифицированные рабочие, успешные ремесленники и мелкие торговцы — благополучные, добропорядочные члены консервативного викторианского общества — оказались в одинаковой жизненной ситуации с такими же недовольными государственной политикой представителями городских низов и социального дна, которыми наполнялись работные дома и тюрьмы Англии. Поэтому борьба противников вакцинации — представителей верхушки рабочего класса и низов среднего — не сводилась к противостоянию внешнему давлению вышестоящих социальных

слоев. Осознание внутриклассовых различий и выделение границ групп «респектабельного» и «грубого» рабочего класса привели к тому, что борьба с принуждением к вакцинации со стороны привилегированной группы отчасти становилась борьбой за собственный социальный статус.

В викторианской Англии социальный статус жестко определял место человека в обществе, его социальные и политические права. Люди, в силу жизненных обстоятельств оказавшиеся в рабочих домах, лишались права голоса, что приближало их в социальной иерархии к положению рабов. Поэтому сохранение статуса и сопутствующих гражданских прав становилось определяющим мотивом многих общественных движений того периода, в том числе антивакцинационного. Его ядро составили представители респектабельного рабочего класса, так же активно участвовавшие и в кооперативном движении, и в профсоюзном. И хотя антивакцинационное движение было национальным, объединившим выходцев из разных социальных слоев и сфер деятельности, оно было сосредоточено в тех же районах, где процветали другие движения за социальные реформы, с которыми был связан антивакцинационизм (Blume 2006).

Тема социальных реформ была, пожалуй, самой актуальной темой того исторического периода, вокруг которой формировалось общественное мнение, возникали социальные волнения и которую активно использовали участники политической борьбы. В условиях сформировавшейся двухпартийной системы и появления «массового избирателя» общественное мнение по социальным вопросам стало для партийных лидеров инструментом получения голосов избирателей, определяющих расстановку сил в парламенте, а для активного большинства — способом влияния на проводимую государственную политику (Цветкова 2017).

В существовавшем социальном контексте, отличавшемся крайней нестабильностью социальных настроений и наличием лидеров, способных оказывать влияние на мнение избирателей, решения, принимаемые парламентом в конце XIX — начале XX в., в том числе в сфере охраны общественного здоровья, были обусловлены пониманием собственной политической выгоды и в то же время страхом перед возможным повторением Великой французской революции на территории Англии. Включение интересов рабочих в повестку принимаемых политических решений привело к расширению их избирательных прав и последующей отмене положения о лишении

права голоса тех, кто обратился за социальной медицинской помощью (The Health Foundation 1885). Проводимые социально-демократические преобразования и распространение либеральных ценностей сопровождались дальнейшими политическими уступками со стороны правительства, что и повлекло за собой изменение вакцинационного законодательства, внесение поправок в закон о вакцинации в 1898 г. и его полную отмену в 1907 г.

Заключение

Викторианское законодательство о вакцинации было частью несправедливой, классово стратифицированной, принудительной и дисциплинарной системы здравоохранения и правосудия. Бедные люди подвергались политическому и экономическому давлению, в то время как наиболее обеспеченные граждане страны находились вне фокуса внимания органов охраны общественного здоровья. На фоне общего недовольства сложившимися социальными структурами и отношениями между ними противники вакцинации сопротивлялись не столько вакцинации как таковой, сколько принуждению со стороны вышестоящих классов. Их аргументация была основана в первую очередь на политических убеждениях, в центр внимания были помещены понятия свободы воли и гражданских прав личности, а государство рассматривалось как инструмент насилия и биополитической диктатуры. Используя язык классового дискурса, оппозиционеры пытались, с одной стороны, апеллировать к проблеме социальных неравенств, а с другой — ревностно оберегали свой собственный статус и границы привычной социальной самоидентификации, стараясь отгородиться от социальных слоев, статус которых определялся ими как низший.

В условиях нарастающей социальной стратификации, общей реорганизации общества и появления новых, связанных с этим процессом рисков, угрожавших многочисленным социальным группам, появление недовольных происходившими переменами было неизбежно. И вакцинационный конфликт стал частью общего массового протеста против существовавших политико-экономических обстоятельств, так же как и его урегулирование — частью политического процесса, направленного на сохранение властных позиций, социальной стабильности и социальное реформирование индустриальной Англии.

Источники

Барлова Ю. Е. Работные дома в истории английской социальной политики [Электронный ресурс] // Наука и школа. — 2009. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabotnye-doma-v-istorii-angliyskoj-sotsialnoy-politiki> (дата обращения: 13.09.2021).

Бояркина С. И. Социальное структурирование эпидемического (не)благополучия в истории западноевропейских обществ XIV–XX веков [Электронный ресурс] // Медицинская антропология и биоэтика. — 2020. — Т. 2, № 20. — URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=4975 (дата обращения: 13.09.2021).

Киценко О. С., Киценко Р. Н. Индустриальная революция конца XVIII — XIX веков и новые риски для здоровья // Вестник Смоленской гос. мед. акад. — 2019. — № 1. — С. 214–222.

Крейтон Ч. Дженнер и прививки. Странная глава истории медицины. — Лондон, 1889 [Электронный ресурс]. — URL: <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

Святловский В. В. Эдуард Дженнер. Его жизнь и научная деятельность. — СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891 [Электронный ресурс]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003630043/ (дата обращения: 08.09.2021).

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Цветкова Ю. Д. Борьба вокруг социальных реформ и общественное мнение Великобритании в 70–90-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2017.

Этика вакцинации (критерий научного и гуманитарного прорыва) / Под ред. О. И. Кубарь. — СПб.: ФБУН НИИЭМ им. Пастера, 2018. — 176 с.

A replay to the Anti-vaccinators [Electronic resource] // British Medical Journal. — 1880. — P. 138. — URL: <https://archive.org/details/britishmedicaljo11880brit/page/63/mode/1up> (access date: 13.09.2021).

A report on vaccination and its results: based on the evidence taken by the Royal Commission during the years 1889–1897. Vol. 1: The text of the commission report. Contributors Great Britain. Royal Commission on Vaccination [Electronic resource]. — Publication/Creation. — London: New Sydenham Society, 1898. — URL: <https://wellcomecollection.org/works/b228rewe> (access date: 13.09.2021).

Blume S. Anti-vaccination movements and their interpretations // Social Science & Medicine. — 2006. — Vol. 62, No. 3. — P. 628–642.

Carmichael A. G., Silverstein A. M. Smallpox in Europe before the Seventeenth Century: Virulent Killer or Benign Disease? // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. — 1987. — Vol. 42. — P. 147–168.

Duncan S. R., Scott S., Duncan C. J. Smallpox Epidemics in Cities in Britain // Journal of Interdisciplinary History. — 1994. — Vol. 25, No. 2. — P. 255–271.

Durbach N. 'They might as well brand us': working-class resistance to compulsory vaccination in Victorian England // Social History of Medicine. — 2000. — Vol. 13, No. 1. — P. 45–63.

Census of Great Britain, 1851 [Electronic resource]. — URL: <https://archive.org/details/censusofgreatbri00grea/page/62/mode/2up> (access date: 23.09.2021).

Hennock E. P. Vaccination Policy against Smallpox, 1835–1914: A Comparison of England with Prussia and Imperial Germany // *Social History of Medicine*. — 1998. — Vol. 11, Iss. 1. — P. 49–71.

Matthew H. C. G. The Liberal Age. The Oxford History of Britain / Ed. by K. O. Morgan. — Oxford: Oxford University Press, 2010.

National Vaccine Establishment. 1816 [Electronic resource]. — URL: <https://archive.org/details/b21362956/page/14/mode/2up> (access date: 13.09.2021).

Porter R. The greatest benefit to mankind. A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. — London: Fontana Press, 1999. — 833 p.

Report of Conference held on Wednesday, December 31st, BY the Parliamentary Bills Committee, to consider Dr. Cameron's Bill for Animal Vaccination [Electronic resource] // *British Medical Journal*. — 1880. — P. 63–68. — URL: <https://archive.org/details/britishmedicaljo11880brit/page/63/mode/1up> (access date: 13.09.2021).

Swales J. D. The Leicester anti-vaccination movement // *The Lancet*. — 1992. — Vol. 340, No. 8826. — P. 1019–1021.

The Health Foundation. Policy navigator. Medical Relief Disqualification Removal Act 1885 [Electronic resource]. — URL: <https://navigator.health.org.uk/theme/medical-relief-disqualification-act-1885> (access date: 13.09.2021).

Weber T. P. Alfred Russel Wallace and the antivaccination movement in Victorian England // *Emerging infectious diseases*. — 2010. — Vol. 16, No. 4. — P. 664–669.

Williams N. The implementation of compulsory health legislation: infant smallpox vaccination in England and Wales, 1840–1890 // *Journal of Historical Geography*. — 1994. — Vol. 20, No 4. — P. 396–412.

Yale E. Why Anti-Vaccination Movements Can Never Be Tamed [Electronic resource]. — 2014. — URL: <https://religionandpolitics.org/2014/07/22/why-anti-vaccination-movements-can-never-be-tamed/> (access date: 13.09.2021).

References

A replay to the Anti-vaccinators [Electronic resource]. *British Medical Journal*, 1880, p. 138. URL: <https://archive.org/details/britishmedicaljo11880brit/page/63/mode/1up> (access date: 13.09.2021).

A report on vaccination and its results: based on the evidence taken by the Royal Commission during the years 1889–1897. Vol. 1. The text of the commission report. Contributors Great Britain. Royal Commission on Vaccination [Electronic resource]. Publication/Creation. London, New Sydenham Society, 1898. URL: <https://wellcomecollection.org/works/b228rewe> (access date: 13.09.2021).

Barlova Yu. E. Rabotnye doma v istorii anglijskoj social'noj politiki [Workhouses in the history of English social policy] [Electronic resource]. *Nauka i shkola*, 2009, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabotnye-doma-v-istorii-anglijskoy-sotsialnoy-politiki> (access date: 13.09.2021). (In Russian)

Blume S. Anti-vaccination movements and their interpretations. *Social Science & Medicine*, 2006, vol. 62, no. 3, pp. 628–642.

Boyarkina S. I. Social'noe strukturirovanie epidemicheskogo (ne)blagopoluchiya v istorii zapadnoevropejskikh obshchestv XIV–XX vekov [Social structuring of epidemic (un)well-being in the history of fourteenth — twentieth — centuries Western European societies] [Electronic resource]. *Medicinskaya antropologiya i bioetika*, 2020, vol. 2, no. 20. URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=4975 (access date: 13.09.2021). (In Russian)

Carmichael A. G., Silverstein A. M. Smallpox in Europe before the Seventeenth Century: Virulent Killer or Benign Disease? *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 1987, vol. 42, pp. 147–168.

Cvetkova Yu. D. *Bor'ba vokrug social'nyh reform i obshchestvennoe mnenie Velikobritanii v 70–90-h gg. XIX veka* [The struggle over social reforms and public opinion in Great Britain in the 70–90s of the XIX century]. PhD in Historical Sciences Dissertation Abstract. Moscow, 2017. (In Russian)

Duncan S. R., Scott S., Duncan C. J. Smallpox Epidemics in Cities in Britain. *Journal of Interdisciplinary History*, 1994, vol. 25, no. 2, pp. 255–271.

Durbach N. 'They might as well brand us': working-class resistance to compulsory vaccination in Victorian England. *Social History of Medicine*, 2000, vol. 13, no. 1, pp. 45–63.

Etika vakcinacii (kriterij nauchnogo i gumanitarnogo proryva) [Ethics of vaccination (criterion of scientific and humanitarian breakthrough)] / Ed. by O. I. Kubar'. St Petersburg, FBUN NIEM im. Pastera, 2018. 176 p. (In Russian)

Census of Great Britain, 1851 [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/censusofgreatbri00gre/page/62/mode/2up> (access date: 23.09.2021).

Hennock E. P. Vaccination Policy against Smallpox, 1835–1914: A Comparison of England with Prussia and Imperial Germany. *Social History of Medicine*, 1998, vol. 11, iss. 1, pp. 49–71.

Hobsbawm E. (1999a) *Vek revolucii. Evropa 1789–1848* [The Age of revolution. Europe 1789–1848]. Rostov-on-Don, Feniks, 1999. (In Russian)

Kicenکو O. S., Kicenکو R. N. Industrial'naya revoluciya konca XVIII–XIX vekov i novy'e riski dlya zdorov'ya [The industrial revolution of the late XVIII–XIX centuries and new health risks]. *Vestnik Smolenskoj gos. med. akad.* [Courier of Smolensk State Medical University], 2019, no. 1. (In Russian)

Krejton Ch. *Dzhenner i privivki. Strannaya glava istorii mediciny* [Jenner and vaccinations. A strange chapter in the history of medicine]. London, 1889 [Electronic resource]. URL: <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton.htm> (access date: 29.08.2021). (In Russian)

Matthew H. C. G. *The Liberal Age. The Oxford History of Britain*. Ed. by K. O. Morgan. Oxford, Oxford University Press, 2010.

National Vaccine Establishment. 1816 [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/b21362956/page/14/mode/2up> (access date: 13.09.2021).

Porter R. *The greatest benefit to mankind. A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present*. London, Fontana Press, 1999. 833 p.

Svyatlovskij V. V. *Eduard Dzhenner. Ego zhizn' i nauchnaya deyatel'nost'* [Edward Jenner. His life and scientific activity]. St Petersburg, Yu. N. Erlih Press, 1891 [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003630043/ (access date: 08.09.2021). (In Russian)

Swales J. D. The Leicester anti-vaccination movement. *The Lancet*, 1992, vol. 340, no. 8826, pp. 1019–1021.

The Health Foundation. Policy navigator. Medical Relief Disqualification Removal Act 1885 [Electronic resource]. URL: <https://navigator.health.org.uk/theme/medical-relief-disqualification-act-1885> (access date: 13.09.2021).

Weber T. P. Alfred Russel Wallace and the anti-vaccination movement in Victorian England. *Emerging infectious diseases*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 664–669.

Williams N. The implementation of compulsory health legislation: infant smallpox vaccination in England and Wales, 1840–1890. *Journal of Historical Geography*, 1994, vol. 20, no. 4, pp. 396–412.

Yale E. *Why Anti-Vaccination Movements Can Never Be Tamed*. 2014 [Electronic resource]. URL: <https://religionandpolitics.org/2014/07/22/why-anti-vaccination-movements-can-never-be-tamed/> (access date: 13.09.2021).

Бояркина Саняя Исааковна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
s.boyarkina@socinst.ru

Boyarkina Saniya I., PhD in Sociology, Senior Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
s.boyarkina@socinst.ru

К. А. Галкин

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ С ДЕМЕНЦИЕЙ. ОПЫТ ТРАВМЫ

В статье представлен анализ интервью информантов с диагнозом «деменция» в сравнительном контексте с информантами — подопечными дома-интерната, не имеющими подобного заболевания. Основное внимание уделено особенностям работы исследователя с данными интервью, которые, в отличие от большинства интервью, сложны для анализа, в них присутствуют смысловые сбои и противоречия. Привычные методы социологической интерпретации оказываются неэффективны в таких случаях, и исследователю необходим принципиально иной подход к восприятию и анализу материала, чтобы прорваться сквозь необычные размышления и временные коллизии и приблизиться к пониманию информанта. В статье автор обращается к концепции травмы для того, чтобы понять и описать, как опыт пережитой и переживаемой травмы пожилых людей с деменцией преломляется в настоящем времени; и также в статье автор отвечает на вопрос о том, как подобный материал может использоваться для социологической интерпретации.

Ключевые слова: исследования старения, пожилые люди, интерпретация интервью пожилых людей с деменцией, аспекты травмы пожилых людей.

KONSTANIN A. GALKIN

FEATURES OF A SOCIOLOGICAL INTERVIEW WITH OLDER PEOPLE WITH DEMENTIA. TRAUMA EXPERIENCE

The article presents an analysis of interviews of informants with a diagnosis of “dementia” in a comparative context with informants who are wards of a boarding school who do not have such a disease. The main attention is paid to the peculiarities of the researcher’s work with interview data, which, unlike most interviews, are difficult to analyze, they contain semantic failures and contradictions. The usual methods of sociological interpretation are ineffective in such cases, and the researcher needs a fundamentally different approach to the perception and analysis of the material in order to break through unusual reflections and temporary collisions and get closer to understanding the informant. In the article, the author refers to the concept of trauma in order to understand and describe how the experience of experienced and experienced trauma of elderly

people with dementia is refracted in the present tense and also in the article, the author answers the question of how such material can be used for sociological interpretation.

Keywords: aging studies, elderly people, interpretation of interviews of elderly people with dementia, aspects of trauma of elderly people.

Деменция — болезнь или недуг, имеющий множество определений в разных науках и практических сферах. Деменция рассматривается как изменение организма, особенная мозговая и нейронная активность, которая требует медицинского ухода и норм работы с больными. Именно «дементные больные», «болезнь» — такие определения можно встретить в статьях по медицине и клинической психологии, анализирующих деменцию. Эффективный менеджмент и медицинское решение проблем больных медикаментозно или с использованием специальных психологических тактик — вот основные способы сохранения и поддержания здоровья пожилых людей с деменцией (Hughes et al. 2019). И кажется, что при таком раскладе сам человек теряется из вида, он становится «незаметным», «невидимым» и объективированным биомедицинским подходом.

В этой статье я хочу отойти от привычных определений деменции как медицинской проблемы, глобальной социальной проблемы или особого заболевания, с которым можно «бороться», используя медицинские способы. Я планирую рассмотреть деменцию, прежде всего, с позиции интервью между информантом и исследователем. Такой фокус, безусловно, не лишен и недостатков; наверное, читатель сразу захочет возразить мне и скажет: «Какой возможен диалог? Когда это, скорее всего, просто терапевтическая беседа с элементами психологических советов и способов поддержки твоего визави?» И с этим трудно не согласиться, однако мой аргумент в противовес этим доводам читателя — это, наверное, риторический вопрос: «Когда мы излишне объективируем пациента и задаем ему рамки заболевания, пытаемся навязать свою сциентическую точку зрения, не отступаем ли мы от разделяемых и так горячо любимых канонов нашей профессии, а именно идеи, что нет ничего очевидного и лежащего на поверхности?» Возможно, да! На первый взгляд интервью с пожилым человеком с деменцией — это почти придуманная история, сфальсифицированные данные, не имеющие под собой никаких оснований, но это только

на первый взгляд! Критическая геронтология, которая активно развивается сегодня в противовес неолиберальным концепциям, ставит одной из своих задач понимание индивидуальных потребностей пожилого человека, а не попытки ограничить индивида рамками успешного старения или семейными ценностями.

Изначально, еще до активного развития клинической психологии и различных психологических и биомедицинских дисциплин, деменция рассматривалась как сенильность, а именно как одна из форм повреждения разума наряду с меланхолией и истерией (Lyman 1989; Fletcher et al. 2020). В Новое время роль врачей в процессе лечения больных, имеющих подобный недуг, несомненно, вырастает. Особенно это касается пожилых людей, часто страдающих деменцией. Контроль над стареющим телом — одна из ключевых характеристик работы врачей и процесса постановки диагнозов в Новое время (Blumer 1907; McGaffin 1910). При этом старость, старение в Новое время рассматривается с позиций естественной неразумности и, как следствие, становится одной из характеристик, которую приписывают и старости, и стареющему организму (Latimer 2018).

В XX в. ключевым в рассмотрении становится дискурс клинической психологии, который, с одной стороны, старается преодолеть стигму сенильности клиническим и медицинским методами, в том числе медикаментозными, борется с самим недугом, но, с другой стороны, подобный дискурс становится жестко вписан и сконструирован в рамках клинической психологии (Scherder 2005; Fonareva et al. 2014). С точки зрения понятийного аппарата клинической психологии определение деменции основывается на понимании ее как приобретенного слабоумия, снижения когнитивных функций мозга и утраты ранее усвоенных навыков, а также невозможности выработки новых навыков. Результатом самого заболевания становится потеря способности к безопасному ведению быта, полной зависимости от членов семьи и от их помощи в быту и в делах по дому (Fletcher et al. 2016).

Следовательно, дискурс клинической психологии в большинстве своем рассматривает разговоры и нарратив дементного больного как не имеющий особенного смысла. Ключевым при медицинском и биологическом рассмотрении нарратива дементного больного выступает изучение особенностей его речи. Что было сказано, неважно; однако важным представляются такие факторы, как забывание событий, рассказы о несуществующих событиях и воспроизведение того или иного

события, которое трактуется дементным больным и становится одним из ключевых в медицинском анализе и рассмотрении того, насколько глубоко поражен мозг пациента, какие проблемы существуют у пациента при воспроизведении в речи тех или иных событий из прошлой жизни (Meilán et al. 2014).

Одной из психологических характеристик речи дементного больного выступает несвязность нарратива. Бессвязный бред с позиции клинической психологии указывает на патологию, а значит, игнорируется и считается неизлечимым — нередко в том случае, когда болезнь протекает слишком быстро, что свойственно деменции (Horley et al. 2010). Однако сами жизненные истории пациентов с деменцией мало изучены и остаются в тени клинической психологии и ее понятийного аппарата. Нарративный поворот, а также использование теоретического аппарата феноменологии предлагают при анализе историй пожилых людей с деменцией отказаться от таких критериев, как истинность, связность или рациональность (Atkinson 1997). Ключевая роль исследователей, работающих в контексте нарративного поворота, — понять, какое значение имеет для самого рассказчика — пожилого человека сам рассказ, и попытаться рассмотреть то, как рассказанное связано с экзистенциальными и материальными условиями, в которых проходит повседневность пожилого человека, имеющего диагноз «деменция».

Биомедицинское и модернистское отнесение рассказанных историй к «небылицам» и «бреду» критикуют и некоторые психологи, которые используют групповую терапию для лечения пожилых людей, страдающих подобным недугом. Так, например, результаты групповой терапии, которые предоставляют участникам наибольшую свободу действий, создают условия для того, чтобы пациенты рассказывали о прошлом и настоящем опыте; и придуманные или искаженные события при этом оказываются довольно четко связанными с прежней реальностью, соединены с прежней реальностью, вписаны в эту реальность (Wang et al. 2016; Hannemann 2006). Таким образом, с точки зрения психологии подобные истории выполняют терапевтическую функцию и позволяют пожилым людям поделиться и рассказать о том, что их тревожит и беспокоит, что выступает для них пугающим и как они видят проблемы и сложности своей жизни. С другой стороны, рассматривая проблему с позиции антропологии и феноменологии, социальный исследователь может проанализировать то, как через рефлекссию воображаемого люди, страдающие деменцией, рассказывают

и рефлексируют о событиях настоящего, что, в свою очередь, создает возможности для того, чтобы проанализировать особенности и смыслы пожилых людей и их повседневной жизни, которые вшиты в нарратив и представляют собой связанные истории.

Цель настоящей статьи — на примере двух интервью с дементными больными и интервью по той же теме со здоровыми пожилыми подопечными дома-интерната реконструировать особенности восприятия ими повседневности и сравнить, найти различия и схожести в рассмотрении и реконструировании картины такой повседневности. В исследовании я использую преимущественно метод нарративной геронтологии и опираюсь на концепции терапии в клинической геронтологии, для того чтобы рассмотреть то, как происходит описание особенностей смыслов пожилых людей в домах-интернатах, отхожу от привычного биомедицинского рассмотрения особенностей несвязности речи пожилых людей с деменцией и отсутствия смыслов в подобной речи. Данная трактовка не претендует на то, чтобы стать единственно верной и правильной, однако представляет собой альтернативный социологический взгляд на анализ интервью с пожилыми людьми с деменцией и на особенности подобных интервью. Я рассматриваю специфику биографической памяти пожилых людей и анализирую то, как такая память представлена в нарративе и как на основании ее и опыта травмы предыдущей жизни конструируется опыт травмы, который существует сейчас.

В фокусе рассмотрения деменции сегодня используются ценностно-ориентированные практики (VBP), которые нацелены на понимание с рефлексивных позиций того, что мы делаем сами и почему именно так делаем, способы работы (для медицинских работников и психологов) с пожилыми людьми с деменцией (Kontos et al. 2011; Zeilig 2014; Zeilig et al. 2019). При таком подходе важной становится ориентация на индивидуальные переживания и ценности пожилого человека, особенности в понимании его / ее ценностей и его / ее идентичности, конструируемой в диалоге.

Обычно в социологии мы рассматриваем нарратив, который получаем в ходе интервью как связанный и логически сбалансированный продукт; факты, события и роли, представленные в таком нарративе, часто не вызывают никаких сомнений. Традиционно вся методология и способы проведения интервью базируются на доверии между исследователем и информантом и на том, что исследователь не ставит под сомнение то, о чем говорит информант (Denzin 2001; Denzin et al. 2008; Flick 2004). Сбои, которые могут произойти по ходу рассказа,

это, скорее, нюансы и интересные сюжеты для информантов. Однако в своем большинстве все нарративы удовлетворяют конвенциональным представлениям о том, каким должно быть интервью. Однако случай интервью с человеком с деменцией не вписывается в подобные рамки. Остается много вопросов, но один из самых главных — как работать с такими интервью? Именно поиску подобного смысла и посвящается настоящая статья при анализе интервью с пожилыми людьми с деменцией; на основании анализа нарратива я предлагаю свою идеи и трактовку подобного нарратива.

Концепция нарративного поворота в качестве ключевого фактора, конструирующего субъективность пожилых людей, выдвигает особенности говорения, язык и смыслы, которыми пожилые люди описывают свой опыт старения. Мне интересны «самопрезентация» и «самопонимание», которые могут стать ключевыми вехами в интерпретации и анализе интервью с пожилым человеком с деменцией. Мой фокус устремлен именно к самим отрывкам интервью и интерпретациям текущей и прошлой действительности, которые возможно встретить в этих фрагментах. И здесь для меня интересно умолчание, которое присутствует в этих нарративах. Умолчание как попытка скрыть любой травматический опыт за чем-то другим (Bond 1999; Davis 2004; Innes 2009; Kitwood et al. 2019). В случае с моими информантами рассказы о прошлой травме, на мой взгляд, скрывают травму нынешнего дня, которая переживается куда более серьезно, но закрыта за историями из прошлого (Кравченко 2015; Митчелл 2009; Ушакин 2009; Martin 2013).

Эмпирическая база и методы

Эмпирическое исследование, которое легло в основу описания двух сюжетов, кейсов этой статьи, проводилось в Карелии в двух домах-интернатах для пожилых людей. Мои информанты были подопечными частных домов-пансионатов, о чем стоит заранее упомянуть. Профиль этих учреждений не концентрируется на лечении или терапии «дементных больных», а охватывает более широкий спектр заболеваний, и среди подопечных есть люди без деменции, есть, как их любят называть в пансионатах, «умственно сохраненные с легкой деменцией», и есть люди «глубокой деменции», разговаривать с которыми персонал мне, как исследователю, не рекомендовал и вообще старался максимально стигматизировать этих подопечных, объясняя и разъясняя их проблемы и говоря о том, что их стадия максимально запущенная и «возможно,

уже не поддается лечению». Пансионаты представляют собой заведения, где люди проживают в отдельных палатах, женских и мужских, в пансионате присутствует четкий режим, распорядок дня, регламентированный приемами пищи (завтрак, обед, полдник, ужин), и возможность между приемами пищи общаться с другими подопечными: играть в игры, заниматься своими делами, читать книги и участвовать в досуговых мероприятиях, которые организует пансионат, например занятия по пению или рисованию или участие в физической активности. В основу настоящей статьи я включаю две истории моих информанток с совершенно отличным бэкграундом и различными «жизнями», как сами они любили говорить. Эти две полевые истории были записаны мной в различных пансионатах: первый пансионат — сельский, расположенный в деревне, удаленный от ближайшего города на 40 километров, и второй пансионат расположен в городе, в спальном районе. Также я добавляю к историям моих информанток цитаты из интервью с пожилыми подопечными данных заведений, не имеющих диагноза «деменция». Подобный подход позволяет мне проиллюстрировать особенности того, какие существуют отличия в описании тех или иных событий, какие есть особенности того, как пожилые люди и другие подопечные описывают специфику жизни в домах-интернатах и как подобные описания отличаются от описаний и нарративов пожилых людей с деменцией.

В каждом из исследовательских кейсов я постараюсь акцентировать внимание на том, как беседы-интервью (именно так я пытаюсь назвать этот жанр, поскольку он имеет много общего и со стандартной формой бесед, и с интервью) связывают вполне конкретные исследовательские цели и задачи, воспроизводят травматический опыт прошлого и как за этим опытом скрывается другой, также, возможно, травматический опыт настоящего и как подобный опыт можно интерпретировать социологически.

В целях соблюдения этической программы исследования все интервью анонимизированы. Этическая программа исследования заключалась в интервью-беседе с информантами, где в непринужденной обстановке сами информанты при знакомстве с интервьюером рассказывали об особенностях своей жизни, делились опытом жизни в доме-интернате, а также сложностями, которые возникали во время проживания в этом месте. Это минимизировало возможный эффект от получения психологической травмы при интервью и возможные негативные эффекты на здоровье информантов.

**«Вот война закончится, и я запою песни
веселые, гро-о-омким голосом, а сейчас я здесь,
и пою песни грустные»
(из беседы с Ляйсан о войне, детстве и жизни)**

Ляйсан попала в пансионат два года назад, ей диагностировали артериосклероз и потом деменцию, родные, как сказала Светлана, не могли больше «держат ее дома, поэтому перевезли сюда из Петрозаводска». За эти два года, по словам Светланы, деменция Ляйсан ухудшилась, и если ранее она узнавала свою дочь и своих внуков, которые приезжали в пансионат ее навестить, то теперь они приезжают редко, да и сама Ляйсан кричит и может, как говорит Светлана, «неадекватно отреагировать» на просьбы родных или, например, сделать «какую-нибудь гадость». Перед тем, как я начну анализировать нашу беседу и рассказывать о ее особенностях, я хотел бы поделиться биографией Ляйсан, которую она мне сама рассказала. Ляйсан 95 лет, она два года живет в пансионате. Муж умер пять лет назад: «Осколком немцы убили и тело закопали в лесу» — так, всхлипывая, Ляйсан рассказывает историю своего мужа и потом приговаривает: «Ненавижу эту войну». Светлана пояснила мне позже, что муж умер от инфаркта. Ляйсан говорит тихо. Наш разговор с Ляйсан пошел практически сразу, сначала я познакомился, рассказал о том, что провожу исследование, обратил внимание в этот момент на внимательность моей информантки, она очень аккуратно и при этом заинтересованно прослушала мой рассказ о себе и о том, чем я занимаюсь здесь, работая в поле. Потом я попросил Ляйсан рассказать немного о ее жизни:

К.: Расскажите немного о себе и своей жизни здесь.

Ляйсан: *Я живу здесь уже давно, уж будет второй год как, вот. Как попала сюда в эвакуацию, так и живу здесь, страдаю, потому что время такое, совсем неприятное, война, и мои родители на фронте, а я здесь хожу в школу, хожу и учусь тоже здесь. Но только мечтаю, знаете, отсюда по ночам побыстрее сбежать, потому что я думаю, что этот дом, он здесь в деревне, его кулаки когда-то построили, и вот теперь они сюда нас упрятали, вроде как и в эвакуацию, но потом все-таки они, думаю, нас сдадут немцам, потому что все эти кулаки — это немецкие прислужники вообще-то. Поэтому я вот этого, так сказать, очень сильно боюсь и считаю, что нужно уходить отсюда, и побыстрее, но, правда, надо сказать, сам глава этого дома,*

он по ночам приезжает, и он в итоге, в общем-то, здесь нас всех в ежовых рукавицах держит, вообще готов со света и сжить. <...>

Этот фрагмент интересен тем, что информантка в своем рассказе, объясняя свой мир и свою жизнь, создает две оси понимания сложностей и трудностей, одна из которых обращена к прошлому, а вторая, наоборот, уходит в настоящее. Одна ось, условно называемая «военной», отсылает нас к опыту жизни Ляйсан в эвакуации и к потере своего отца на фронте. Мне рассказывали сами санитарки, что Ляйсан пришлось довольно непросто, когда ее брат ушел на фронт и она осталась одна на Карельском хуторе, позже была выслана в переселенческий финский лагерь в город Петрозаводск и там жила вместе с матерью до 1943 г., потом мать умерла от дизентерии, а Ляйсан была переведена в эвакуацию в Казань, где ее изнасиловал «один из руководителей эвакуации, военный», как сказала мне в беседе Светлана. Временная ось связана с различными персонажами из прошлого Ляйсан и обусловлена ее чувствами, наверное наиболее значимыми из которых выступает «ненависть к войне», «попытка сбежать», «ненависть к кулакам, которые, возможно, сотрудничают с немцами», и эта ненависть, скорее всего, в большей степени сконструирована идеологическим дискурсом, популярным в 30-е гг. в СССР. С другой стороны, вторая ось — ось настоящего, она оформлена похожими чувствами и в интервью воспроизводится с теми же героями. Это больше всего напоминает мне роман, который пишут о прошлом, но герои сильно похожи на героев нынешних или списаны с героев, знакомых писателю. Так, Ляйсан, рассказывая о владельце, не раз подчеркивает, что он приезжает позже, и это, выражаясь нашим исследовательским языком, эмпирическое наблюдение моей информантки, потому что директор пансионата очень часто уезжает по делам в город и возвращается уже поздно, это я наблюдал неоднократно, когда работал.

При этом, разговаривая с другой информанткой, Екатериной, и задавая ей вопросы относительно администрации дома-интерната, я также получил довольно похожую картину, которую в нарративе описывала и Ляйсан:

Да, я знаю, что от нас здесь, в пансионате, ничего не нужно. Только деньги вот и нужны. Вот они все (директор и администрация. — К. Г.) эти деньги у нас и забирают. В итоге только и делают, что отбирают наши средства. На вид они нормальные, но не так давно я сама видела (и дочка мне также говорила), как здесь жена самого

директора вела черную бухгалтерию. И это всё в порядке вещей, потому что одни деньги только от нас им и нужны.

(ж., 82, дом-интернат, село, Карелия)

При этом Екатерина была умственно сохраненной информанткой. Но многие сюжеты, которые в нарративе описывала Ляйсан, находили подтверждение и у самой Екатерины в диалоге, и у других подопечных. Например, при разговоре с Дмитрием, еще одним подопечным дома-интерната, я также фиксировал сюжет о том, что администрация и директор часто ограничивали Дмитрия в свободном передвижении по дому-интернату, что было определено моим информантом как «жесткое» и «ненадлежащее» отношение к нему:

Если раньше еще пускали меня и можно было по-быстрому за кузовом сгонять (я сигареты очень люблю) (смеется), то теперь — нет. Потому что теперь вообще возникают проблемы, и довольно серьезные, с тем, чтобы хоть как-то выйти за порог. Порядки здесь, в интернате, стали если и не военные, то менторские. Да и все это заведение сильно напоминает тюрьму, если разобраться

(м., 78, дом-интернат, село, Карелия)

Таким образом, опыт жизни в пансионате, связанный и с проблемами, и с ограничением Ляйсан, также можно обнаружить и в нарративах пожилых людей без деменции. Кроме того, подобный опыт можно обнаружить и в описаниях того, как пожилые люди без деменции описывали трудности и сложности жизни в доме-интернате.

С другой стороны, Ляйсан старается подчеркнуть, что «ее сюда отдали насильно», и это достаточно сильно перекликается с желанием моей информантки вернуться домой. Так, Светлана говорила мне, что Ляйсан не раз в разговоре описывала свое желание вновь приехать в семью, вновь вернуться к родным и «часто очень тяготилась жизнью здесь, в пансионате, до того, как наступила глубокая деменция». Другим интересным сюжетом в описании Ляйсан оси «военной» и ее проекции на ось «настоящего» выступает рассказ о школе. В пансионате занятия проводит учитель из местной школы, Ангелина, с которой я также познакомился, работая в поле, и когда мы разговаривали с Ангелиной, она рассказывала мне о структуре своих занятий и о том, как устроена работа с подопечными. Одну из примечательных для меня особенностей я отметил из рассказа Ангелины о том, что она использует опыт школьного учителя, сканирует

и распечатывает прописи и другие задания по математике для подопечных, разбирает эти задания на уроках, именно так Ангелина называет занятия с подопечными. Позже, в разговоре с Ляйсан, я смог больше узнать о таких заданиях и потом постепенно понял, что ассоциация со школой практически полностью совпадает с описанием обучения, как о нем рассказывает Ляйсан: «Вот сейчас война, и я учусь в школе. И я боюсь всего, и песни поэтому пою ти-и-ихим голосом, не нарушая ничего. Но мне нужно учиться, чтобы выжить, время меняется, и все меняется, сейчас время ужасное, все в разлуке, но постепенно все приходит к лучшему, и жизнь тоже налаживается как-никак. А я все жду, когда закончится война и когда я наконец запою песни уже другим голосом. Вот война закончится, и я запою песни веселые, гро-о-омким голосом, а сейчас я здесь и пою песни грустные... <...> Но в школе я все равно люблю учиться...»

Эта история, рассказ о школьных годах напрямую связаны с переживанием сегодняшнего состояния и посещения занятий. За время моих полевых наблюдений я не раз наблюдал, что занятия с учительницей становятся любимым делом для подопечных, они с удовольствием рисуют и создают что-то своими руками, это любимое времяпрепровождение для многих подопечных пансионата, учитывая тот факт, что прогулок и экскурсий в пансионате проводится мало.

Так, Ирина, моя информантка, рассказывала и описывала занятия рисованием как возможность выразить себя, рассказать о своих чувствах и эмоциях. При этом подобное выражение, по словам Ирины, было недоступным в доме-интернате, закрытым и скрытым для подопечных. А роль учителя была близка к роли психолога, и, следовательно, учитель позволяла рассказать и выразить подопечным свое мнение в рамках рисования, изображения различных сюжетов и, как следствие, описания своей жизни:

Вот одна отдушина и есть — рисование. Можно сказать, просто спасительная отдушина. Она помогает, что ли, и расслабиться, и прежнюю, привычную жизнь ощутить, почувствовать

(ж., 69, дом-интернат, село, Карелия)

Другой темой, которая то и дело возникает в разговорах с Ляйсан, выступает описание травм моей информантки. Их в жизни у нее было три: первая связана с войной, переселенческим лагерем и эвакуацией, вторая — со смертью мужа, третья — это травма переезда в пансионат и травма разлуки с семьей при переезде, о которой Ляйсан практически

не упоминала в интервью: «Война, война кругом, но Сталин нас спасет. Война не вечна, верю я, что все однажды будет хорошо и что жизнь однажды тоже сможет наладиться, нужно это просто ждать, вот и все. А так я все время плачу (информантка начинает резко плакать), потому что я не знаю, но вот вы знали, как это тяжело — потерять, вот сначала я в эвакуацию попала, и мама моя умерла, там, в эвакуации у финнов этих проклятых, потом мой брат (братом Ляйсан зовет мужа. — К. Г.) умер неожиданно, практически вот раз, и все, и не стало, и теперь уже я сюда сослана была в эвакуацию, можно сказать, так просто, без суда и следствия, а я говорю (начинает плакать), а здесь этот начальник такой попался... просто нестерпимо становится, и уже я не могу, я не знаю. Хорошо, школа есть, но так ведь здесь — это вообще не жизнь, в принципе, и невозможно здесь жить, родных моих нет (плачет)». Из этого фрагмента достаточно хорошо заметно, что Ляйсан пытается, вспоминая свою прежнюю травму, войну, рассказать о своей жизни и пережить и потерю мужа, которая вскользь упоминается в нарративе, а также трудности травмы нынешней, запоминающейся, а именно разлуки с родными и переезда в пансионат. Через *временную проекцию* Ляйсан поэтапно рассказывает о своих потерях и старается упомянуть все значимые события, которые случались в жизни, для того чтобы обозначить травмы настоящего, а именно те травмы, которые связаны с разлучением с семьей и жизнью в пансионате. В моих беседах с Ляйсан я также сталкивался с жалобами на медицинское обслуживание в пансионате и на плохое кормление подопечных, которые были обозначены через истории о прошлом, и за детской травмой войны скрываются травмы настоящего, а также проблемы настоящего, которые рефлексировались и определяются через прошлое в жизни.

Ляйсан проецирует воспоминания на ткань настоящего, вспоминая жизненные перипетии, которые происходили с ней в прошлом. Разумеется, все это в целом отражает процесс переживания травмы наиболее значимой — травмы жизни в пансионате, про которую Ляйсан часто говорит, что хотела бы «сбежать отсюда» или «я верю, настанет лучшее время, и я уйду отсюда». Важнее другое: совпадение нынешней травмы, которая заключается в лишениях и переживаниях несвободы, особого режима в пансионате, с травмой тех военных лет и проблем, которые доставляла война. Ляйсан ищет семью, ищет интимное пространство для себя, которое в силу обстоятельств не может быть организовано в пансионате, старается надеяться на лучшее и улавливать моменты радости, которые связаны, например, с занятиями в свободное время с учительницей. Ляйсан с каждым моим вопросом в интервью все

больше рефлексировала о своей жизни. Причины таких рефлексий можно увидеть в восполнении потерянного единства с семьей и в компенсации травмы, вызванной переездом в пансионат, через описание событий, которые уже происходили и которые достаточно значимы для Ляйсан. При этом те особенности и проблемы в жизни в пансионате, на которые указывает Ляйсан, характерны и для других моих информантов, не имеющих диагноза «деменция» и, как следствие, также описывающих трудности взаимодействия с администрацией, проблемы отделения от семьи, травму отделения от семьи и возможность выражения через занятия рисованием, которые Ляйсан относит к занятиям в школе.

Ляйсан последовательно создает пространство, связанное с проблемами прошлого и еще больше с проблемами настоящего, она дополняет свою жизнь в пансионате, которая довольно скучна, как отмечали многие из моих информантов, тем, что рассказывает яркие сюжеты, через которые старается переосмыслить все проблемы и перипетии жизни нынешней. Ляйсан пытается понять, что с ней происходит, вынося себя за скобки и акцентируя внимание на своих проблемах, восполняя тем самым дефицит индивидуализма, характерный для пансионатов пожилых людей. Возможность рассказать свою историю и сказать что-то через пережитые события, создавая тем самым две временные оси, для моей информатики — это возможность в первую очередь проявить себя и свою индивидуальность, скрыть более серьезную травму настоящего за травмой прошедшей.

«Иногда я думаю: я где-то не здесь и мне как будто бы всего 26 лет». История Анны

В отличие от рассказа Ляйсан, история Анны и воспоминания о прошлом и настоящем, расположенные на двух осях временной проекции, более фрагментарные, и лишь в некоторых случаях настоящее переживается через прошлое в рассказах моей информантки.

Анне 75 лет, в пансионате в одном из городов на Севере она проживает два года. В пансионат ее отправила сестра, которая не смогла ухаживать за Анной. В момент, когда Анна приехала в пансионат, как отмечают санитарки и сотрудники, «она еще не болела деменцией, и погружение в дементное состояние случилось именно здесь, скорее всего от одиночества». История Анны, о которой далее пойдет речь, довольно нетипичная и интересная. Пять лет назад у Анны пропала дочь, она работала продавцом в Петрозаводске и исчезла «среди бела

дня», как говорит персонал заведения. У Анны осталось двое внуков, которые жили с ней. Первый, которому сейчас 18 лет, отсидел в детской колонии и теперь служит в армии, второй, которому сейчас 12 лет, учится в школе и жил до этого вместе с Анной в квартире в городе. Сестра Анны «не работает и пьет», как об этом сказала директор пансионата, поэтому Анне пришлось переехать сюда, «где ее и накормят и вообще живет в тепле», как об этом говорят сотрудники.

Мы беседовали с Анной в столовой, куда ее привела волонтер заведения и посадила за стол, где сидел я визави. Отвечая на вопросы первого блока гайда интервью «о себе», Анна рассказала достаточно много о своей жизни и говорила о том, как общается со своими внуками и как переживает за внуков:

К.: Расскажите про вашу семью; как вы жили в семье?

Анна: *Жила, но вот теперь я здесь и живу я постоянно здесь. Потому что, знаете, дома ничего хорошего-то и нет. Есть у меня дома один внук, так он, если сюда приедет, так и начнет здесь драться и будет с другим хорошим мальчиком драться, и я не могу его сюда перевезти. И поэтому вот сижу здесь, а он сюда постоянно просится, все-таки сложно ему жить, так сказать, там, ведь и мамаша его может спокойно достаточно приложить, и так приложить, что ничего и не останется, а здесь ему хорошо. Но! Как я его могу сюда привезти? И если и приведу, то все равно он тут со мной не проживет, и поэтому живу вот так вот, разделяясь и разрываясь на два лагеря, не понятно как, и сложно мне, в принципе, здесь, но все равно жить надо.*

Этот фрагмент показывает, как травма «недалекого прошлого», а именно потеря дочери, объясняет переживания Анны сегодня и проблемы, с которыми она сталкивается, объясняет барьеры, из-за которых невозможно перевезти своего внука в пансионат. При этом дочь остается с ней, и Анна не может смириться с ее потерей, она живет с ней на оси недавнего прошлого, и ее фигура, ее значимость и важность для Анны транслируются в настоящее, вырисовываются «здесь и сейчас».

Анна с энтузиазмом и очень положительно отзывается о своей жизни сегодняшней и всегда любит повторять, что «много есть хорошего» и что она «сейчас чувствует невероятную легкость и воздушность происходящего»:

Иногда я думаю: я где-то не здесь и мне как будто бы всего 26 лет, хотя, наверное, и больше. Точно и не скажу. Но, знаете, иногда такая

легкость бывает. Как будто вот первая любовь неожиданно меня охватывает, и все становится прекрасным, и все вокруг, и все вокруг расцветают. Хорошо здесь, особенно если я гулять иду, — всюду цветы, и жизнь совершенно иная, такая воздушная и радостная, а скоро весна... Ох, люблю я это время!

В этом фрагменте моя информантка совмещает две временные оси: прогулки и жизнь в пансионате, которые воспринимаются достаточно хорошо всеми подопечными из интервью. Я часто слышал, что именно прогулки — это и есть любимое времяпрепровождение подопечных, но, с другой стороны, в рассказе Анны появляется тревога, а именно тревога о том, что где-то живет дочка и внуки. Она не раз говорила мне о жизни в пансионате, сравнивая ее с санаторием на юге, но при этом говорила, что ничто не вечно под луной и все равно она хочет вновь вернуться домой.

В другом фрагменте интервью Анна рассказывает о том, как ей тяжело жить здесь, и этот фрагмент иллюстрирует другую жизнь Анны — не полную энтузиазма и радости, как об этом она говорила ранее, а жизнь, наполненную проблемами и переживаниями: «Ужасная еда, грязные туалеты. Знаете, мы хоть и социализм строим, но в СССР и даже сейчас вот, здесь, на юге, осталось достаточно много проблемных мест. В прошлом году я была в пансионате, не так далеко отсюда, там, за горами, так там было все, и все было практически идеально, а здесь, сейчас, в семьдесят третьем, вот новом году поехала и понимаю, что здесь ужас и кошмар. Очень не хочу я здесь жить, потому что мне и трудно, и нелегко, и вообще крайне сложно здесь. Вот поэтому и хочу максимально быстро уехать отсюда, чтобы забыть весь этот кошмар. И ребенок мой, он тоже там, в Ленинграде, и очень скоро ему в институт поступать...»

Эти сюжеты встречаются и в нарративах пожилых людей, не имеющих деменции, а именно представлены как воспоминания о прошлой жизни, связанной со множеством проблем, которые отчасти становятся минимизированными при жизни в доме-интернате. Так, например, Леонид в интервью говорил мне, что по сравнению с его прежней жизнью попасть в дом-интернат лично для него было большим везением. Он сам был очень рад попасть сюда:

Я раньше жил с братом. Он с рождения непутевым был: мог и толкнуть меня, мог и в глаз, что называется, дать. А теперь все стало хорошо, потому что здесь мне всё делают. И персонал

отзывчивый, понимающий. Так что я со страхом и опасениями вспоминаю ту привычную, прежнюю жизнь.

(м., 80, дом-интернат, Петрозаводск)

Из этого фрагмента видно, как ось прошлого и описание пансионатов в прошлом транслируется на ось настоящего и приобретает иные значения в жизни моей информантки. Жалобы о еде поступают очень часто от подопечных — об этом я слышал неоднократно в интервью. С другой стороны, в рассказе Анны присутствуют сожаление и воспоминание о травме, а именно о потере дочери в прошлом и тревоги за жизнь внука, который, как мне рассказывал персонал, нередко приносил плохие оценки, и его могли исключить из школы.

В целом история Анны и ее рассказы более личные, чем истории Ляйсан, Анна часто говорит чуть тише или понижает голос, особенно рассказывая о своей дочери и своем внуке, как бы скрывая проблемы и не акцентируя на проблемах должного внимания.

При этом Анна постоянно рефлексировала о дочери и, не пытаясь рефлексировать о своей матери, все равно очень часто пишет о причинах разлуки с матерью, вспоминая на оси прошлого, как они вместе ездили с ней на экскурсии, и на оси настоящего вспоминая о проблемах со здоровьем матери, которые, как отмечает Анна, актуальны сейчас и для нее:

Мама, помню. Вот еще двенадцать лет назад, когда я училась в 8-м классе, возила меня на экскурсии в Киев и рассказывала все, и показывала там на этих экскурсиях. Очень хорошо и отчетливо я это помню. Еще очень многое помню про то, как жила потом уже мама, как умирала. Годы были суровые и сложные, перестроечные, и поэтому достаточно хорошо я помню этот период времени, и все воспоминания об этом, они, в принципе, как живые, сейчас и наяву.

Сожаления о матери часто пересекаются с пониманием нынешней ситуации, и Анна говорит о том, что «Жить надо, и надо доченьку воспитывать, хоть и не отдавала я ей многого, а все равно считаю ее родной, потому что по-другому и быть не может. Я была у своей матери родной, и теперь вот и дочка тоже родная, только у меня молодость бурная была, много с кем болталась, и поэтому вот сейчас понимаю, что не отдала ей всей материнской любви и хочу отдать именно сейчас».

При этом вопросы взаимоотношений в семье, вопросы о потере родственников и сложности относительно коммуникации с родственниками

были довольно частыми сюжетами в нарративах интервью с подопечными без деменции. Они также создавали определенные линии напряжения и понимания сложностей в переживаниях подобного опыта, а также трудности, связанные с тем, что пожилые люди довольно травматично воспринимают момент расставания с родственниками, момент отправки их в дома-интернаты.

Как отмечалось ранее, для Анны травма больше связана с локальным событием, а именно с переживаниями о своей дочери и сложностями в переживании ее потери, поэтому Анна старается помочь ей, но эта помощь заключается в помощи внукам и создании эффекта присутствия, а именно эффекта понимания того, что дочь рядом, пусть и далеко, «где-то там, на Северах», она все равно живет и в жизни моей информантки, и в ее памяти и по-прежнему крайне важна для Анны. Информантка часто спрашивает себя о своих состояниях и иногда говорит в интервью и персоналу пансионата о том, что запуталась в этих состояниях и не может с точностью сказать или воспроизвести сегодняшние события, то есть таким образом две оси в рассказах Анны сплетаются в одну, и становится относительно понятным, что рефлексия прошлого максимально интегрируется в настоящее, а травма прошлого, а именно потеря дочери, маскируется за событиями настоящего и переживается в них.

Заключение

Два рассмотренных примера кажутся очень разными. Безусловно, это так, так как надо учитывать разницу в бэкграунде информантов, особенности жизни информантов, особенности старения и переживания тех или иных событий, как и не совсем заметную, но тем не менее присутствующую разницу в организации режима и досуга домов-пансионатов. Даже реакция на переживания событий прошлого и реакция на особенности жизни в пансионате отличаются у Ляйсан и Анны. Для Ляйсан наиболее характерными становятся воспоминания о трудностях и попытка маскировать трудности сегодняшнего дня и проблемы жизни, которая была до того, как она попала в пансионат, — жизни военной, которая тем не менее имеет явные черты жизни настоящей и скрытое обещание, надежду на лучшее. Для Анны характерны воспоминания о наиболее негативном событии — потере дочери, которая в корне изменила ее жизнь, и сожаления о своей жизни, а также попытка помочь своему внуку и таким образом восполнить свой долг, как об этом любила говорить сама информантка.

Однако есть три базовые черты, характерные для обоих интервью. Во-первых, оба рассказа демонстрируют рефлексирование о своей прошлой жизни и попытку переосмыслить через прошлое, часто советское прошлое, свою историю и особенности жизни нынешней. Во-вторых, в рассказах обоих информанток в разной степени, но присутствуют личные воспоминания и особенности интимной и личной жизни, которые достаточно умело прячутся за прошлым контекстом разных лет и пониманием особенностей и ожиданий от исторических событий или личной истории. В-третьих, прошлое и переживания событий прошлого не становятся объектами последовательной рефлексии в обоих случаях, а представляют собой скорее фрагментарные сюжеты, это характерно исходя из несоблюдения последовательности и попыток перескочить с одного исторического события на другое и рефлексировать при этом о третьем вытекающем событии.

Читая и перечитывая интервью с моими информантками, я задался вопросом о том, почему же они не говорят о событиях, которые вполне внятно и подробно описывают исходя из сегодняшнего дня и сегодняшнего контекста. Возможно, дело в биологических особенностях работы мозга и нейронов, но, может быть, такое последовательное забывание настоящего кроется в опыте травмы, который заключается в молчании. Классический пример Джулиет Митчелл, жительницы Лондона во время Второй мировой войны, которая ни разу не упомянула о бомбах и бомбежке города, но постоянно жаловалась на проблемы в общении со своей соседкой (Митчелл 2009: 793). Как отмечает Ушакин, травму в таком случае может определять опыт физической недостаточности, а именно неспособность рассказать и изложить то, что произошло с тобой. Но при этом одним из способов замаскировать и скрыть травму выступают именно рассказы о своей прошлой жизни и ее проблемах. Можно предположить, и это видно из интервью с другими подопечными пансионата, о том, что переезд в пансионат является для многих пожилых людей травмой и эта травма характеризуется разлучением с близкими и родными, вот почему в нарративах так часто говорится о родственниках и их жизни и присутствуют рассказы о прошлом, в которых оживают эти образы и ощущения нахождения родственников рядом. Это подтверждается и в литературе по геронтологии и психологии, в которой критически рассматривается состояние деменции.

Следует также отметить, что сравнительный анализ интервью с подопечными без деменции показывает довольно много пересечений и переживаний, присвоение смыслов одним и тем же событиям,

которые мои информанты описывали, исходя из предыдущего опыта, создавая тем самым проекции предыдущего опыта на опыт нынешний и рассматривая прежние события, исходя из понимания особенностей предыдущего опыта. Для анализа подобных интервью как нарративов, используя идеи нарративного поворота, необходимо дополнять и использовать интервью с людьми, не имеющими деменцию, как иллюстративный материал, анализировать (находить) общий контекст и общие пересечения в интервью с людьми без деменции и интервью с людьми с деменцией для определения особенностей того, как пожилые люди с деменцией проецируют прошлую реальность на сегодняшние события и как они рассматривают прошлое в контексте современности. Использование нарративного поворота и анализ такого рода интервью довольно перспективны с социологической точки зрения, так как помогают определить и детерминировать особенности видения смыслов повседневной жизни пожилых людей с деменцией и разобраться в возможных проекциях и травмах таких пожилых людей.

Источники

Кравченко А. «Больше писать не хочется»: Большой террор и дети репрессированных. Опыт рассмотрения дневников двух юных комсомольцев // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. — 2015. — Т. 7, № 1. — С. 122–135.

Митчелл Д. Травма, признание и место языка // *Травма: Пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина*. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 785–808.

Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // *Травма: Пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина*. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 5–44.

Atkinson P. Narrative turn or blind alley? // *Qualitative health research*. — 1997. — Vol. 7, No. 3. — P. 325–344.

Blumer G. A. The history and use of the term dementia // *American Journal of Psychiatry*. — 1907. — Vol. 63, No. 3. — P. 337–347.

Bond J. Quality of life for people with dementia: approaches to the challenge of measurement // *Ageing & Society*. — 1999. — Vol. 19, No. 5. — P. 561–579.

Davis D. H. J. Dementia: sociological and philosophical constructions // *Social Science & Medicine*. — 2004. — Vol. 58, No 2. — P. 369–378.

Denzin N. K. Interpretive interactionism. — Thousand Oaks (California): Sage, 2001. — Vol. 16. — P. 143–154.

Denzin N. K., Lincoln Y. S. The landscape of qualitative research. — Thousand Oaks (California): Sage, 2008. — Vol. 1. — P. 1–618.

Fletcher J. R. Mythical dementia and Alzheimerised senility: discrepant and intersecting representations of cognitive decline in later life // *Social Theory & Health*. — 2020. — Vol. 18, No. 1. — P. 50–65.

Fletcher P. D. et al. A physiological signature of sound meaning in dementia // *Cortex*. — 2016. — Vol. 77. — P. 13–23.

Flick U., Von Kardorff E., Steinke I. What is qualitative research? An introduction to the field // *A companion to qualitative research*. — London; Thousand Oaks (California): Sage, 2004. — P. 3–11.

Fonareva I., Oken B. S. Physiological and functional consequences of caregiving for relatives with dementia // *International psychogeriatrics*. — 2014. — Vol. 26, No. 5. — P. 725–747.

Hannemann B. T. Creativity with dementia patients // *Gerontology*. — 2006. — Vol. 52, No. 1. — P. 59–65.

Horley K., Reid A., Burnham D. Emotional prosody perception and production in dementia of the Alzheimer's type // *Journal of Speech, Language and Hearing Research*. — 2010. — Vol. 53, No. 5. — P. 1132–1146.

Hughes J. C., Williamson T. The dementia manifesto: Putting values-based practice to work. — Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2019.

Innes A. Dementia studies: A social science perspective. — London: Sage, 2009. — P. 146.

Kitwood T., Brooker D. Dementia reconsidered revisited: The person still comes first. — London: McGraw-Hill Education, 2019.

Kontos P. C. et al. Dementia care at the intersection of regulation and reflexivity: A critical realist perspective // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. — 2011. — Vol. 66, No. 1. — P. 119–128.

Latimer J. Repelling neoliberal world-making? How the ageing-dementia relation is reassembling the social // *The Sociological Review*. — 2018. — Vol. 66, No. 4. — P. 832–856.

Lyman K. A. Bringing the social back in: A critique of the biomedicalization of dementia // *The Gerontologist*. — 1989. — Vol. 29, No. 5. — P. 597–605.

Martin W., Kontos P., Ward R. Embodiment and dementia // *Dementia*. — 2013. — Vol. 12, No. 3. — P. 283–287.

McGaffin C. G. An anatomical analysis of seventy cases of senile dementia // *American Journal of Psychiatry*. — 1910. — Vol. 66, No. 4. — P. 649–656.

Meilán J. J. G. et al. Speech in Alzheimer's disease: can temporal and acoustic parameters discriminate dementia? // *Dementia and Geriatric Cognitive Disorders*. — 2014. — Vol. 37, No. 5–6. — P. 327–334.

Scherder E. et al. Recent developments in pain in dementia // *British Medical Journal*. — 2005. — Vol. 330, No. 7489. — P. 461–464.

Wang Q. Y., Li D. M. Advances in art therapy for patients with dementia // *Chinese Nursing Research*. — 2016. — Vol. 3, No. 3. — P. 105–108.

Zeilig H. Dementia as a cultural metaphor // *The Gerontologist*. — 2014. — Vol. 54, No. 2. — P. 258–267.

Zeilig H. et al. Co-creativity, well-being and agency: A case study analysis of a co-creative arts group for people with dementia // *Journal of aging studies*. — 2019. — Vol. 49. — P. 16–24.

References

- Atkinson P. Narrative turn or blind alley? *Qualitative health research*, 1997, vol. 7, no. 3, pp. 325–344.
- Blumer G. A. The history and use of the term dementia. *American Journal of Psychiatry*, 1907, vol. 63, no. 3, pp. 337–347.
- Bond J. Quality of life for people with dementia: approaches to the challenge of measurement. *Ageing & Society*, 1999, no. 19, pp. 561–579.
- Davis D. H. J. Dementia: sociological and philosophical constructions. *Social Science & Medicine*, 2004, vol. 58, no. 2, pp. 369–378.
- Denzin N. K. *Interpretive interactionism*. Thousand Oaks (California), Sage, 2001, vol. 16, pp. 143–154.
- Denzin N. K., Lincoln Y. S. *The landscape of qualitative research*. Thousand Oaks (California), Sage, 2008, vol. 1, pp. 1–618.
- Fletcher J. R. Mythical dementia and Alzheimerised senility: discrepant and intersecting representations of cognitive decline in later life. *Social Theory & Health*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 50–65.
- Fletcher P. D. et al. A physiological signature of sound meaning in dementia. *Cortex*, 2016, vol. 77, pp. 13–23.
- Flick U., Von Kardorff E., Steinke I. What is qualitative research? An introduction to the field. *A companion to qualitative research*, 2004, pp. 3–11.
- Fonareva I., Oken B. S. Physiological and functional consequences of caregiving for relatives with dementia. *International psychogeriatrics*. London; Thousand Oaks (California), 2014, vol. 26, no. 5, pp. 725–747.
- Hannemann B. T. Creativity with dementia patients. *Gerontology*, 2006, vol. 52, no. 1, pp. 59–65.
- Horley K., Reid A., Burnham D. Emotional prosody perception and production in dementia of the Alzheimer's type. *Journal of Speech, Language and Hearing Research*, 2010, vol. 53, no. 5, pp. 1132–1146.
- Hughes J. C., Williamson T. *The dementia manifesto: Putting values-based practice to work*. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2019.
- Innes A. *Dementia studies: A social science perspective*. London: Sage, 2009, pp. 146.
- Kitwood T., Brooker D. *Dementia reconsidered revisited: The person still comes first*. London, McGraw-Hill Education, 2019.
- Kontos P. C. et al. Dementia care at the intersection of regulation and reflexivity: A critical realist perspective. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 2011, vol. 66, no. 1, pp. 119–128.
- Kravchenko A. “Bol'she pisat' ne hochetsya”: Bol'shoj terror i deti repressirovannyh. Opyt rassmotreniya dnevnikov dvuh yunyh komsomol'cev [“I don't want to write anymore”: The Great Terror and the children of the repressed. The experience of reviewing the diaries of two young Komsomol members]. *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovaniy*, 2015, no. 1, pp. 122–135. (In Russian)
- Latimer J. Repelling neoliberal world-making? How the ageing-dementia relation is reassembling the social. *The Sociological Review*, 2018, vol. 66, no. 4, pp. 832–856.

Lyman K. A. Bringing the social back in: A critique of the biomedicalization of dementia. *The Gerontologist*, 1989, vol. 29, no. 5, pp. 597–605.

Martin W., Kontos P., Ward R. Embodiment and dementia. *Dementia*, 2013, vol. 12, no. 3, pp. 283–287.

McGaffin C. G. An anatomical analysis of seventy cases of senile dementia. *American Journal of Psychiatry*, 1910, vol. 66, no. 4, pp. 649–656.

Meilán J. J. G. et al. Speech in Alzheimer's disease: can temporal and acoustic parameters discriminate dementia? *Dementia and Geriatric Cognitive Disorders*, 2014, vol. 37, no. 5–6, pp. 327–334.

Mitchell D. Travma, priznaniye i mesto yazyka [Trauma, recognition and the place of language]. *Travma: Punkty. Collected Works*. Coll. S. Ushakin, E. Trubina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. (In Russian)

Scherder E. et al. Recent developments in pain in dementia. *British Medical Journal*, 2005, vol. 330, no. 7489, pp. 461–464.

Ushakin S. “Nam etoj bol’yu dyshat”? O travme, pamyati i soobshchestvah [“We need to breathe this pain”? About trauma, Memory, and Communities]. *Travma: Punkty. Collected Works*. Coll. S. Ushakin, E. Trubina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 5–44. (In Russian)

Wang Q. Y., Li D. M. Advances in art therapy for patients with dementia. *Chinese Nursing Research*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 105–108.

Zeilig H. Dementia as a cultural metaphor. *The Gerontologist*, 2014, vol. 54, no. 2, pp. 258–267.

Zeilig H. et al. Co-creativity, well-being and agency: A case study analysis of a co-creative arts group for people with dementia. *Journal of aging studies*, 2019, no. 49, pp. 16–24.

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
kgalkin1989@mail.ru

Galkin, Konstantin A., PhD in Sociology, Senior Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
kgalkin1989@mail.ru.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-16-3

Г. В. Каныгин, М. С. Полтинникова, В. С. Корецкая

ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СОЦИОЛОГИИ

В статье анализируются причины неоднозначности понимания читателем текста социологической теории, в том числе: нарушение тождественности обозначений теоретических понятий, отсутствие явного указания контекста для теоретических высказываний, неявное представление смысловых связей между отдельными утверждениями. Анализ опирается на традиции смысловой реконструкции нечисловых свидетельств информантов, выполняемой социологом в качественном исследовании, и осуществлен на примере статьи Арнасона, рассматривающего проблему противоречивости теоретических понятий в области исследования цивилизаций. Мы объясняем природу неоднозначности смыслового взаимодействия автора и читателя социологической теории на основе концепции дуального знания Полани. Обоснована необходимость структурного представления автором смысловых связей теории на фазе ее создания. Сегодня такие связи выражаются исследователем неявно и теряются для читателя в потоке текста. В качестве инструмента структурного выражения социологической теории в процессе ее создания исследователем предложено аналитическое кодирование. Этот подход соединяет в единой инструментальной процедуре техники кодирования качественного исследования и функциональность онтологических методов управления знаниями. Таким образом социолог получает функциональные возможности концептуализации, недоступные в случае традиционного текстового изложения теории: управление неоднозначными социологическими определениями; отслеживание контекстных зависимостей словесных утверждений; проверка связности всей массы естественно-языковых теоретических высказываний; организация командной работы исследователей из разных предметных областей.

Ключевые слова: анализ качественных данных, онтологические методы управления знаниями, аналитическое кодирование, неявное знание, социологическая теория, неоднозначность теоретических понятий.

**GENNADY V. KANYGIN, MARIA S. POLTINNIKOVA,
VICTORIA S. KORETSKAYA**

PROBLEMS OF SEMANTIC RECONSTRUCTION OF A THEORETICAL TEXT IN SOCIOLOGY

The article analyzes the reasons for the ambiguity of the reader's understanding of the text of sociological theory, including: violation of the identity of the wordings of theoretical concepts, the absence of an explicit indication of the context for theoretical statements, implicit presentation of semantic connections between individual statements. The analysis is based on the tradition of semantic reconstruction of non-numerical evidence of informants, carried out by a sociologist in a qualitative study, and is carried out on the example of Arnason's article, which considers the problem of the controversy of theoretical concepts in the study of civilizations. The nature of the ambiguity of the semantic interaction between the author and the reader of sociological theory is explained based on the concept of dual knowledge by Polanyi. We argue the necessity of the structural presentation by the author of the semantic connections of the theory at the stage of its creation. Today, such connections are put implicitly in text by its author under creation and remain tacit to the reader when reading it. The article proposes analytical coding as a tool for the structural expression of sociological theory under its creation. This approach combines in a single instrumental procedure the coding techniques of qualitative research and the functionality of ontological methods for knowledge management. Thus, the social scientist gains conceptualization functionalities that are not available when applying the traditional textual presentation of the theory. Among them there are: management of ambiguous sociological definitions; tracking the contextual dependencies of verbal statements; checking the coherence of natural language statements evolved during theorizing; organization of teamwork of researchers from different subject areas.

Keywords: analysis of qualitative data, ontological methods of knowledge management, analytical coding, implicit knowledge, sociological theory, ambiguity of theoretical concepts.

Введение

Современные разработчики информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) испытывают трудности в организации взаимодействия между человеческими и компьютерными агентами ИКТ (Dragicevic, Ullrich, Tsui et al. 2020). Эта же трудность может быть переформулирована как коллизия двух способов общения людей между собой. Во-первых, общение друг с другом с помощью естественного языка, предполагающее понимание смыслов словесных сообщений.

Во-вторых, коммуникация с помощью ИКТ, дающих в распоряжение человека мощные ресурсы работы с информацией, но не способных передать смыслы утверждений непосредственного человеческого общения.

Ключевое затруднение при попытках устранения этой коллизии состоит в ответе на вопрос, что такое смысл. Одним из актуальных методологических направлений поисков ответа являются исследования проблематики неявного знания (Chergui, Zidat, Marir 2020; Dragicevic, Ullrich, Tsui et al. 2020; Mohajan 2016). Но на сегодняшний день исследователи, работающие в этой области, признают, что механизм смыслообразования, с помощью которого можно было бы представить повседневное осмысленное взаимодействие людей, представляется очень неопределенно (Maasdorp 2007; Nonaka, Peltokorpi 2007). В этой ситуации теоретической неопределенности механизма неявного знания нам кажется перспективным обратить внимание на опыт качественных методов в социологии, основанных на смысловом взаимодействии исследователя и его информантов.

Методологическая коллизия между компьютером — воплощением формальных методов — и людьми, продолжающими понимать друг друга посредством речи, вполне осознана в современной качественной методологии. И эта коллизия при сборе данных в качественном исследовании разрешается в пользу человеческого взаимопонимания:

«По своей природе я остаюсь рассказчиком, чье повествование основано на узнаваемых персонажах, а не всеведущим социальным ученым. Мои тон, стиль и воображение существенно ограничивают мое всезнание» (Charmaz 2000: 531).

Стремясь внести свой вклад в решение методологических проблем взаимопонимания людей посредством технологий современного цифрового общества, обратим внимание на организацию смысловой реконструкции свидетельств информантов в качественном исследовании. Такая реконструкция представляет собой описание социального явления, выполненное дважды с помощью естественного языка в виде текста. Сначала о явлении свидетельствуют информанты, результат называется данными (Coffey, Atkinson 1996). Затем исследователь строит свое словесное описание на основе данных. Полученное описание выражает собой теорию в качественном исследовании (Kelle 1997). Такая теория появляется в результате словесного рассказа (story telling, повествование), который создает исследователь (Charmaz 2000). Таким образом, теория в качественной традиции оказывается представленной с помощью Естественного Языка в виде Текста (ЕЯТ).

Общеизвестно, что любая теория должна иметь свое обоснование. В качественном исследовании теоретик обосновывает ЕЯТ путем

указания явной связи своих утверждений со свидетельствами информантов (данными). Инструментально такая связь устанавливается самим исследователем с помощью функций кодирования и реконструирования [данных] (ФКР (Kelle 1997)). ФКР применяются аналитиком в составе пакетов анализа качественных данных (АКД) (см. Online QDA), представляющих также инструменты запросов, картирования, аннотирования и другие (Lewins, Silver 2007). Еще на заре развития пакетов АКД Ричардсы объяснили причину использования ФКР на основе общей идеи качественного исследования:

«Мы часто оказываемся в состоянии продвинуться вперед благодаря пониманию мелочей, обнаруживая смыслы их отношений между собой» (Richards, Richards 1994: 448).

На наш взгляд, наряду с методической существует инструментальная причина обращения исследователей к ФКР. Дополняя привычные техники работы с текстом, доступные, например, пользователю текстового редактора (La Pelle 2004), ФКР позволяют перейти от потока текста к более сложной структуре представления естественно-языковых высказываний в виде графов. Таким образом реализуется идея явного представления связей между понятиями, отличающая современные подходы к управлению знаниями, в частности онтологические методы (Noy, McGuinness 2000). Принципиально важно, что такой переход является неформальным концептуальным действием, основанием которого служит сохранение смысла фрагмента текстового свидетельства* информанта путем его словесного переформулирования исследователем в виде первичного кода (Online QDA). Таким образом исследователь обосновывает свои первичные коды, указывая их явные связи с упоминаниями информанта в тексте о чем-либо (Coffey, Atkinson 1996; Kelle 1997).

Однако существующие пакеты АКД не полностью отвечают инструментальным запросам исследователей при построении ЕЯТ (Evers 2018; John, Johnson 2000; Junker 2012; La Pelle 2004). Развивая идеи структурного представления социологического знания, заложенные в АКД, мы предложили новый инструмент смыслового реконструирования текстовых свидетельств под названием «аналитическое кодирование» (АК) (Kanygin, Koretskaia 2021). АК позволяет представить общение между исследователем и его информантом в ходе построения ЕЯТ как процесс создания исследователем не *потока текста*, а *множества отдельных естественно-языковых высказываний*, которые переформулируют

* Материала, представленного информантом в виде потока, формально выражаемого соответствующим форматом данных — текстом, аудио, видео, последовательностью пиктограмм и т. д.

свидетельства информанта согласно их смыслам. АК дает возможность соединить в одной исследовательской процедуре неформальные и формальные способы построения исследователем всей совокупности высказываний, представляющих собой осмысленное выражение теории.

Описав в работе (Kanygin, Koretskaia 2021) модели и алгоритм АК, мы лишь отчасти затронули методологические проблемы, для решения которых предназначены развиваемые нами методы. В данной публикации мы хотим вернуться к исходным «эпистемологическим затруднениям», которые, на наш взгляд, побудили социологов перейти к структурному способу представления знаний, которыми оперирует исследователь и его информанты в процедурах АКД.

Трудности смыслового понимания текста всегда могут быть объяснены недостатками изложения, за которые несет ответственность его автор, а не выбранный им способ представлять свои мысли в текстовом виде. Поэтому в данной статье мы обращаемся к ЕЯТ, относительно которой такие опасения исключены: научные взгляды Арнасона в области исследования цивилизаций (Arnason 2001) нашли признание на мировом уровне. Наш выбор объясняется также тем, что сам автор признает проблему противоречивости социологической теории цивилизаций на момент выхода его статьи (Ibid.). Мы надеемся, что наш анализ смысловых трудностей понимания теоретического текста сможет внести вклад в осознание природы противоречивости утверждений предметной социологической теории, в частности описывающей цивилизационные процессы.

В своем анализе мы опираемся на два понятия. Во-первых, естественно-языковое* высказывание**. Во-вторых, смысл такого высказывания. Оба понятия мы применяем интуитивным образом на основе наших естественно-языковых навыков. Мы объясняем такое применение концепцией дуального знания Полани и его последователей (Polanyi 1958; Polanyi 1966; Nonaka, Takeuchi 1995; Dragicevic, Ullrich, Tsui et al. 2020; Haradhan Kumar Mohajan 2016; Virtanen 2009), согласно которой любое знание человека в своей основе является неявным (tacit, implicit, latent) (Tsoukas 1996). В социологии для обозначения интуитивной основы научного знания Лазарсфельд предложил термин *imagery* (цитировано по: Swedberg 2018: 26–29).

Исходная проблема выражения такого знания понятна из метафоры айсберга, предложенной в работе (Nonaka 1994). Основой айсберга

* Синонимы: словесное, речевое.

** Синонимы: утверждение, фраза, слово, код в АКД.

служит огромная, скрытая от глаз наблюдателя твердь (неявное знание), а наблюдаемая часть ледяной массы (в случае ЕЯТ это текст) представляет собой небольшой надводный выступ. Айсбергом знания можно управлять через слова, однако результат будет решающим образом зависеть от того, каким образом надводная часть выражает собой ненаблюдаемую подводную основу.

Эта метафора позволяет понять, что для разрешения коллизий взаимопонимания между людьми, в частности, посредством ИКТ особого внимания требует способ представления отдельным человеком своего неявного знания. Именно практически используемые средства смыслового общения позволяют носителю огромных объемов знания, наблюдаемого лишь им самим, уместить свой опыт в заведомо узкие рамки обозначений, доступных всем.

В случае ЕЯТ в качестве средства выражения неявного знания выступают слова речи (Kakabadse, Kouzmin, Kakabadse 2001), которые представляются в виде однородного потока символов, примером которого является, скажем, данная статья. Основываясь на идеях неявного знания, можно сказать, что смысл — это воспроизведение с помощью слов естественного языка неявного знания его носителя. При построении ЕЯТ в традиции АКД такими носителями оказываются исследователь и его информанты. В нашей реконструкции носителями неявного знания служат, с одной стороны, автор статьи (Arnason 2001) Арнасон. С другой — мы, исследователи, реконструирующие смыслы заинтересовавшей нас ЕЯТ.

Наша формулировка «воспроизведение с помощью слов естественного языка» подчеркивает, что современная наука управления знаниями не может предъявить модель смыслообразования (Dragicevic, Ullrich, Tsui et al. 2020). Тем не менее, по своему опыту, каждый из нас знает, что носители естественного языка ежедневно общаются, понимая смыслы слов друг друга, и могут посредством речи практически использовать этот механизм в повседневном общении. Поэтому мы будем анализировать смыслы теоретических утверждений на основе нашего естественно-языкового опыта применительно к выбранной нами ЕЯТ. Наш анализ призван объяснить, почему естественно-языковые навыки заставляют нас неоднозначно воспринимать увиденные концептуальные утверждения. Параллельно мы будем пояснять, каким образом такая неоднозначность может быть разрешена на основе принципов и методов, нашедших широкое практическое применение в пакетах АКД и информатике. Подчеркнем, что в основе этих методов лежит структурное представление теоретических понятий на стадии создания ЕЯТ. Нашему анализу ассистируют программы Diagogue и Graphviz.

В чем состоят трудности понимания ЕЯТ при реконструировании ее смыслов?

Мы отмечаем три основные причины смысловых трудностей, которые возникают при попытках понять результаты концептуальной работы, осуществленной при построении ЕЯТ и представленной нам в виде текста: нарушение тождественности обозначений теоретических понятий, отсутствие явного указания контекста для высказываемых теоретических утверждений, неявное представление смысловых связей между отдельными утверждениями.

Неоднозначность словесного выражения теоретических понятий.

Рассмотрим типичное теоретическое изложение (перевод авторов, оригинал: Arnason 2001):

Понятие цивилизации с момента своего появления имело двоякое значение: унитарное и плюралистическое. Оба аспекта были важны для развития социальных наук, но попытки теоретизировать их на уровне базовых понятий осуществлены сравнительно недавно, а их результаты на сегодня остаются противоречивыми. В то время как идея цивилизации в унитарном смысле нашла свое наиболее плодотворное выражение в анализе цивилизационного процесса Норбертом Элиасом, классическая социология не пошла дальше неубедительных размышлений о цивилизациях во множественном числе. Более ясная система отсчета для сравнительного анализа цивилизаций только начала проявляться в последние несколько десятилетий (особенно в работах С. Н. Айзенштадта).

В данном отрывке автор вводит теоретическое понятие, которое он в разных местах обозначает по-разному (см. наш курсив в цитате). Таким образом оказывается, что одно и то же теоретическое понятие, которому мы можем дать еще одно обозначение, скажем «унитарная трактовка представления о цивилизации», имеет у автора несколько различных выражений. Однако, несмотря на эти различные обозначения, мы воспринимаем их как одно и то же теоретическое утверждение. Тогда возникает вопрос: почему одно и то же теоретическое понятие обозначается в теоретическом тексте разными словосочетаниями?

Мы предполагаем, что причина этого состоит в изложении исследователем своих мыслей посредством ЕЯТ в виде привычного

текста. Использование естественного языка провоцирует автора на постоянное нарушение тождественности обозначений. Причина в том, что при чтении человек отождествляет различные конструкции языка интуитивно. Например, в пределах указанного текста для понятия «унитарная трактовка представления о цивилизации» находится еще одно обозначение в виде «оба аспекта». Только смысловое соотнесение этих словесных обозначений позволяет понять, что авторская оценка «были важны для развития социальных наук» относится к двум трактовкам понятия цивилизации — унитарной и множественной.

Таким образом наше наблюдение показывает, что для правильного понимания теоретического текста необходимо существенно использовать интуитивно отслеживаемые связи между тем, что автор текста считает понятием, и теми словесными формулировками, которыми он обозначает это понятие. При этом в самом тексте такие связи не имеют наглядного представления.

Отсутствие явного указания контекста.

Попытаемся ответить на вопрос, как практически осуществляется выражение смысла естественно-языкового высказывания человеком. Например, чтобы неформально понять встреченное в тексте «оба аспекта», мы должны были, во-первых, отнести это обозначение к соответствующему фрагменту текста. Во-вторых, мы связали между собой унитарную и плюралистическую трактовки понятия цивилизации (еще одно словесное переформулирование теоретического понятия!) с утверждением «оба аспекта», объявленного автором в этом же фрагменте. Чтобы связать утверждения автора, нам оказалось необходимым иметь в виду контекст как область определения, в которой эти утверждения обретают смысл.

Наше наблюдение вполне согласуется с исследованиями в области управления знаниями, которые указывают на контекст как на необходимый атрибут выражения неявного знания (Nonaka, Byosiore 2001). Однако изложение ЕЯТ в виде текста не дает инструментов явного указания на контекст. Даже если теоретик подробно разъяснит контекст, то текстовое изложение не даст ему связать теоретические утверждения с этим контекстом явно. Читателю придется отслеживать контекстную определенность теоретических утверждений, ключевое условие понимания их смыслов, по своему усмотрению. Чтобы существенно облегчить читателю понимание контекстных связей любого своего высказывания, автору необходимо явно указать его контекст на стадии создания ЕЯТ.

Затруднения читателя при отслеживании теоретических разъяснений.

Мы считаем, что практическая цель автора при создании теории состоит в создании цепочек смысловых переходов от своих новых высказываний, т. е. таких, смыслы которых неоднозначны для целевой аудитории, к словесным утверждениям, которые автор считает понятными для этой аудитории. Такие смысловые цепочки создаются в виде обычных словесных утверждений, в которых читатель различит и свяжет между собой отдельные высказывания, составляющие отдельные смысловые переходы (техники такого смыслового фрагментирования текста более подробно обсуждены в: Каньгин, Полтинникова, Корецкая 2017).

Для примера вновь воспользуемся цитатой из раздела «Неоднозначность словесного выражения теоретических понятий». На основе цитаты выделим три цепочки словесных разъяснений, представленных фразами 1–3, объединяющими отдельные смысловые утверждения, выделенные кавычками. Назовем созданное множество смысловых цепочек «вариант А»*.

Вариант А

- (1): «понятие цивилизации», «с момента своего появления», «имело двоякое значение», «унитарное и плюралистическое»;
- (2): «оба аспекта», «были важны», «для развития социальных наук»;
- (3): «попытки теоретизировать их на уровне базовых понятий», «осуществлены сравнительно недавно», «их результаты на сегодня остаются противоречивыми».

Смысл каждой из этих цепочек разъяснений состоит в исходном представлении ключевого понятия цивилизации в двух аспектах: двойственности и научной актуальности. Однако каждый по опыту знает, что эта же смысловая задача может быть решена с помощью других высказываний (Bazeley 2012). Например, аналогом является вариант Б, который сохраняет текстуальное воспроизведение цитаты, но по-другому ее фрагментирует на отдельные высказывания.

* В терминах АКД мы выполняем первичное кодирование цитаты, преимущественно используя в качестве кодов отдельные утверждения цитируемого автора. Наблюдаемые цепочки — это последовательности утверждений, выделяемые в составе текста на основе отдельных смыслов, различаемых читателем в его составе.

Вариант Б

- (1): «понятие» «цивилизации», «с момента своего появления имело», «двойное», «значение», «унитарное», «плюралистическое»;
- (2): «оба аспекта», «были важны для развития социальных наук»;
- (3): «попытки теоретизировать их», «на уровне базовых понятий», «осуществлены», «сравнительно недавно», «их результаты на сегодня остаются противоречивыми».

Наконец, вариант В предлагает словесные формулировки, которые текстуально не представлены в цитате. Эти формулировки служат смысловыми аналогами утверждений, использованных нами в первых двух вариантах.

Вариант В

- (1): «в исследованиях цивилизационных процессов» «понятие цивилизации» «всегда имело два смысла»: «унитарный и плюралистический»;
- (2): «оба смысла», «сыграли заметную роль в развитии социальных наук»;
- (3): «попытки построить теорию цивилизаций», «на основе каждого из смыслов», «предприняты», «в последнее время», «результаты этих попыток остаются противоречивыми».

Обратим внимание на существенную особенность цепочки разъяснений, создаваемой на основе смысла каждого из утверждений, входящих в цепочку. Смысловая задача, стоящая перед автором при построении цепочки, может решаться с помощью разных утверждений, связываемых между собой на основе, вообще говоря, различающихся смыслов каждого из них. Например, для того, чтобы свести структуру «понятия цивилизации» к его двум трактовкам — унитарной и плюралистической, в первом варианте использованы высказывания «с момента своего появления имело» «двойное значение», а в третьем «всегда имело два смысла».

Как мы видим, все три варианта разъяснений оказываются разными как по представленным в них отдельным утверждениям, так и по структуре смысловых связей между ними в составе смысловых цепочек. Для понимания смыслового перехода, представленного цепочкой, необходимо осознавать смыслы как отдельных словосочетаний в его составе, так и связи между ними, представленные цепочкой. Для читателя теоретического текста такое понимание будет существенно осложнено

необходимостью самому понять и выделить смысловую структуру авторского текста.

Отдельно отметим трудность понимания более общего случая смысловой цепочки — т. н. «определений вперед» (термин заимствован из программирования). При таких определениях автор вводит понятия, которые для читателя на момент его знакомства с текстом являются *ad hoc* декларациями, например «попытки теоретизировать» и «на уровне базовых понятий». С одной стороны, мы можем понять, что речь идет о процессе теоретического определения двух аспектов понятия цивилизации. С другой — в этом процессе автор сразу же выделяет неясный «уровень базовых понятий». Чтобы понять, о чем идет речь, читателю, даже если он является знатоком в области исследования цивилизаций, крайне полезны будут пояснения в дальнейшем изложении.

Однако из-за того, что все высказывания ЕЯТ «замаскированы» в однородном текстовом потоке и по-разному распознаются реципиентами текста, для читателя переход от декларируемых понятий к их разъяснениям окажется крайне трудновыполнимой ментальной задачей. В частности, у нас нет уверенности, что мы правильно понимаем высказывание «на уровне базовых понятий». В тексте статьи нам не удалось найти разъяснение того, что такое «уровень базовых понятий» в общенаучных терминах.

Чтобы облегчить читателю задачу понимания теоретического текста, полезно визуально выражать его смысловые связи на фазе создания ЕЯТ. Например, в цепочках 1–3 во всех трех показанных вариантах нетрудно увидеть ориентированный граф смысловых переходов от одних словосочетаний к другим. В данном случае несложно нарисовать этот граф, скажем, для варианта А, где читатель сразу видит заявленные автором смысловые связи (рис. 1).

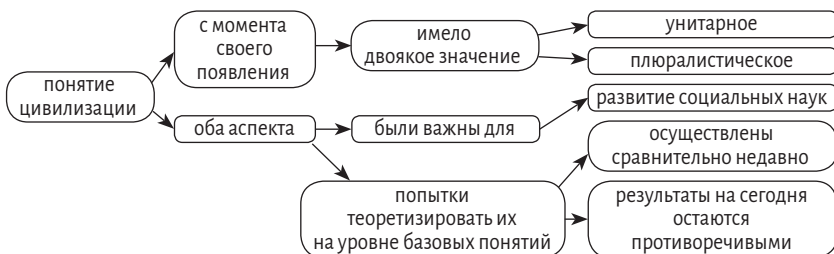

Рис. 1. Традиционное визуальное представление смысловых разъяснений небольшого объема

Но в случае, например, социальных процессов, для осмысления которых создаются ЕЯТ, из-за их огромной сложности (Barabucci, Tomasi, Vitali 2020; Urry 2005), возникают гигантские объемы высказываний. Как следствие, рисование графа окажется не менее трудной задачей, чем словесное разъяснение смысловых отношений в виде текста. Эти трудности оперирования свидетельствами информантов с учетом их смыслов хорошо известны исследователям, применяющим пакеты АКД (Thompson 2002).

Как аналитическое кодирование помогает исследователю представить ЕЯТ в структурном виде?

Аналитическое кодирование представляет собой унификацию двух способов выражения исследовательского знания в традиции АКД — привычного текста, который появляется в результате повествования, и системы кодов, создаваемых исследователем в результате смысловой реконструкции свидетельств информантов (см. введение).

Что такое структурное представление ЕЯТ?

Каждое исследовательское высказывание — это акт неизбежного концептуального произвола, в результате которого исследователь делает свое латентное знание доступным для всех реципиентов его теории в виде соответствующих словесных формулировок (wording). Но любое утверждение обосновано соответствующим опытом только для его автора, т. к. только автор «видит» обе составляющие дуального знания. Явную — привычный текст и «подводную часть», скрытую «в голове» (Wagner 2006) и представляющую собой труднорефлексируемый опыт человека.

Смысловой переход от одного высказывания к другому также является актом концептуального произвола. Для автора ЕЯТ и его реципиентов в традиционном случае этот акт выглядит как новая словесная формулировка. Но вновь подчеркнем, что только для автора такой переход обоснован его неявным знанием, воплощающим соответствующий профессиональный опыт. Реципиенты вольны давать те или иные интерпретации слов, но они лишены возможности свидетельствовать об опыте автора, лежащего в основе этих слов.

АК предлагает автору теории строить ее постепенно в виде смысловой структуры высказываний, конкретизируемой и расширяемой по мере создания теории (Kanygin, Koretskaia 2021). При таком построении автору при каждом высказывании предлагается, во-первых, явно указывать его контекст. Во-вторых, явно зафиксировать каждый смысловой переход от одного контекстно обусловленного высказывания к другому.

Структурное предъявление теоретического текста посредством аналитического кодирования представляет собой одномоментную фиксацию всех смысловых переходов, составляющих ЕЯТ. Такая совокупность переходов называется «тезаурус». В начале построения теории тезаурус минимален и разрастается как снежный ком в процессе исследовательской работы. Каков объем тезауруса, каковы содержащиеся в нем высказывания и смысловые переходы между ними, полностью зависит от решений исследователя. В работах (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017 а; Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017 b) мы показали, каким образом и из каких соображений строятся тезаурусы в прикладном использовании АК. По ссылке (Analytical Coding Thesaurus) показан тезаурус, структурно выражающий вариант А.

Связное представление ЕЯТ.

Структурное представление ЕЯТ с помощью АК в виде тезауруса позволяет предложить алгоритмы, которые на основе текстовых формулировок генерируют графы специального вида. Алгоритмы построены на общенаучном принципе контекстной обусловленности любого знания, в частности выраженного посредством естественно-языковых утверждений (подробнее см.: Kanygin, Koretskaia 2021). Результат работы алгоритмов применительно к указанному тезаурусу показан на рис. 2.

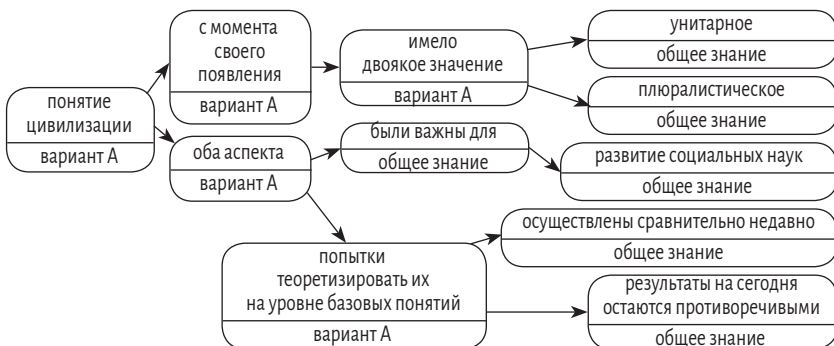

Рис. 2. Визуальное представление смысловых разъяснений неограниченного объема (сгенерировано алгоритмами аналитического кодирования). Исследовательский опыт представлен привычным образом в виде текста, но структурированного в процессе создания ЕЯТ

Наличие алгоритмов создает для исследователя новые принципиально новые важные ассистирующие возможности. Во-первых, он всегда имеет

в своем распоряжении визуальное представление создаваемой им ЕЯТ вне зависимости от объема высказываний, использованных при ее создании. Во-вторых, исследователь получает возможность оценивать связность существующих формулировок на любой стадии разработки ЕЯТ. В-третьих, наличие визуального представления наглядно показывает, в какой мере теоретик соблюдает общенаучное правило контекстной обусловленности, в частности не допускает *ad hoc* определений, не подменяет смыслы теоретических утверждений и т. п. Как минимум это означает косвенный смысловой контроль за всей принципиально неформальной процедурой построения исследователем теории посредством естественного языка. В частности, в таком случае видны все соответствия или несоответствия относительно «определений вперед» (см. выше).

Организация междисциплинарного подхода и командная работа.

Междисциплинарность социальной теории, отмеченная Арнасоном (Arnason 2001), ставит еще одну проблему при разработке ЕЯТ. Арнасон упоминает ряд исследователей, работающих в области изучения цивилизационных процессов, — Айзенштадта, Элиаса и других. Тем самым ученый говорит о командной работе, состоящей в соединении процесса и результатов интеллектуального труда группы профессионалов в области социологии. По сути такой работы ее участники должны стремиться объединить свои профессиональные усилия. Однако такое концептуальное взаимодействие будет тормозиться теми же понятийными трудностями, которые мы отметили при нашем знакомстве с текстом Арнасона. Аналитическое кодирование, предлагая исследователям функциональность современных онтологических методов управления знаниями, дает в распоряжение социологов средства командной работы, позволяющие практически преодолевать отмеченные концептуальные трудности (ср.: Резник 2007).

Заключение

Основная трудность читателя при понимании теоретического текста состоит в неизбежном оправданном произволе его автора при словесном формулировании своего неявного знания. Подводную часть «айсберга» профессионального знания исследователю приходится выражать неформально. На сегодняшний день такое выражение осуществляется теоретиком с помощью речи в виде текста. Смысловые связи теоретических утверждений не представлены в тексте явно. Поэтому реципиент

теории, не обладая профессиональным опытом исследователя, способен лишь отчасти реконструировать смыслы, закладываемые в теоретические конструкции их автором.

Понимание теории ее реципиентами принципиально облегчится, если теоретик на фазе разработки своей концепции выразит смысловые связи в структурном виде. Инструментальные средства, ассистирующие социологу в решении проблем смысловой коммуникации со своими информантами, должны также помогать оперировать огромными объемами словесного знания, неизбежно возникающими ввиду известной сложности социальных процессов.

Невозможно в социологии отказаться от ЕЯТ, но для создания возможности командной работы в междисциплинарном исследовании необходимо найти альтернативу потоковому выражению социологического знания с помощью естественного языка. В частности, проблема противоречивости теоретических утверждений в отдельных предметных областях не может быть решена в рамках этих областей, т. к. обусловлена общей методологической установкой исследователей на описание принципиально сложных социальных процессов путем текстового представления высказываний на естественном языке.

Как показывает опыт развития ЕЯТ в области качественных исследований, многообещающим является внедрение инструментов, ассистирующих смысловому общению исследователей в процессе построения социальной теории. Перспективу развития инструментов смысловой коммуникации мы видим в разработке и совершенствовании методов, аналогичных аналитическому кодированию, которые совмещают, с одной стороны, социологическое повествование, основанное на понимаемых человеком смыслах. С другой — информационные онтологические методы, выражающие собой принципы структурной организации знания, в том числе: модульность, полиморфизм, конструируемость и другие, которые доказали свою эффективность при создании современного цифрового общества.

Источники

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017а. — Т. 23, № 3. — С. 25–41.

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Концептуальное обобщение социологических данных // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2017b. — № 3. — С. 41–47.

Резник Ю. М. Социальная теория и теоретическая социология на пути интеграции // Социологические исследования. — 2007. — № 9. — С. 17–24.

Analytical Coding Thesaurus: Official web-site [Electronic resource]. — URL: <http://coknowledge.ru/wp-content/uploads/2021/05/tezausArticleMay-1.txt> (access date: 15.05.2021).

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. — 2001. — Vol. 16, No. 3. — P. 387–405.

Barabucci G., Tomasi F., Vitali F. Supporting Complexity and Conjectures in Cultural Heritage Descriptions // Proceedings of the International Conference Collect and Connect: Archives and Collections in a Digital Age. — Leiden, 2020. — P. 104–115.

Bazeley P. Regulating qualitative coding using QDAS? // Sociological Methodology. — 2012. — Vol. 42, No. 1. — P. 77–78.

Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods // Handbook of Qualitative Research. — 2nd ed. / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. — Thousand Oaks (Ca.): Sage, 2000. — P. 509–535.

Chergui W., Zidat S., Marir F. An approach to the acquisition of tacit knowledge based on an ontological model // Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences. — 2020. — Vol. 32, No. 7. — P. 818–828. — DOI: 10.1016/j.jksuci.2018.09.012.

Coffey A., Atkinson P. Making sense of qualitative data: Complementary research strategies. — London: Sage, 1996.

Diagogue [Electronic resource]. — URL: http://coknowledge.ru/wp-content/uploads/2021/05/diagogue_manual.pdf (access date: 15.05.2021).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E. et al. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario // Knowledge Management Research & Practice. — 2020. — Vol. 18, No. 2. — P. 199–213.

Evers J. C. Current issues in qualitative data analysis software (QDAS): A user and developer perspective // The Qualitative Report. — 2018. — Vol. 13, No. 23. — P. 61–74 [Electronic resource]. — URL: <http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol23/iss13/5> (access date: 16.05.2021).

Graphviz — graph visualization software [Electronic resource]. — URL: <https://graphviz.gitlab.io/download/> (access date: 15.05.2021).

Haradhan Kumar Mohajan. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review // American Journal of Computer Science and Engineering. — 2016. — Vol. 3, No. 2. — P. 6–19.

John St. W., Johnson P. The pros and cons of data analysis software for qualitative research // Journal of Nursing Scholarship. — 2000. — Vol. 4, No. 32. — P. 393–397.

Junker A. Optimism and Caution Regarding New Tools for Analyzing Qualitative Data // Sociological Methodology. — 2012. — Vol. 1, No. 42. — P. 85–87.

Kakabadse N. K., Kouzmin A., Kakabadse A. From tacit knowledge to knowledge management: leveraging invisible assets // Knowledge and Process Management. — 2001. — No. 8. — P. 137–154. — DOI: 10.1002/kpm.120.

Kanygin G., Koretckaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles // The Qualitative Report. — 2021. — Vol. 2, No. 26. — P. 316–333.

Kelle U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. — 1997. — Vol. 2, No. 2 [Electronic resource]. — URL: <http://socresonline.org.uk/2/2/1.html> (access date: 20.10.2020).

La Pelle N. Simplifying Qualitative Data Analysis Using General Purpose Software Tools // Field Methods. — 2004. — Vol. 1, No. 16. — P. 85–108.

Lewins A., Silver C. Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide. — London: Sage, 2007.

Maasdorp C. Concept and Context: Tacit Knowledge in Knowledge Management theory // 15 Years of Knowledge Management: Vol. 3 of Advances in Knowledge Management / Ed. by J. Schreinemakers, T. van Engers. — Würzburg: Ergon Verlag, 2007. — P. 59–68.

Nonaka I., Toyama R., Byosiore P. A theory of organizational knowledge creation: understanding the dynamic process of creating knowledge // Handbook of organizational learning and knowledge / Ed. by M. Dierkes, A. Antal, J. Child, I. Nonaka. — Oxford (UK): Oxford University Press, 2001. — P. 487–491.

Nonaka I. A Dynamic Theory of Organizational Knowledge Creation // Organization Science. — 1994. — Vol. 1, No. 5. — P. 14–37.

Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. — New York (NY): Oxford University Press, 1995.

Nonaka I., Peltokorpi V. Tacit Knowledge: a Source of Innovation // 15 years of Knowledge Management, Advances in Knowledge Management: Bd. III / Ed. by J. Schreinemakers, T. van Engers. — Würzburg: Ergon Verlag, 2007. — P. 68–82.

Noy N. F., McGuinness D. L. Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology. 2000 [Electronic resource]. — URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html (access date: 20.10.2020).

Online QDA: Official web-site [Electronic resource]. — URL: <http://onlineqda.hud.ac.uk/> (access date: 20.10.2020).

Pierre E. St., Jackson A. Y. Qualitative Data Analysis After Coding // Qualitative Inquiry. — 2014. — Vol. 6, No. 20. — P. 715–719.

Polanyi M. Personal knowledge. Towards apostcritical philosophy. — London: University of Chicago Press, 1958.

Polanyi M. The tacit dimension. — New York: Doubleday and Company, 1966.

Richards T. J., Richards L. Using computers in qualitative research // Handbook of qualitative research / Ed. by N. D. Denzin, Y. S. Lincoln. — London: Sage, 1994.

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology // Concepts in Action: Conceptual Constructionism / Ed. by H. Leiufrud, P. Sohlberg. — Leiden; Boston: Brill, 2018.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data [42 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. — 2002. — Vol. 2, No. 3 [Electronic resource]. — URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/864/1878> (access date: 20.10.2020).

Tsoukas H. The Firm as a Distributed Knowledge System: A Constructionist Approach // Strategic Management Journal. — 1996. — Vol. S2, No. 17. — P. 11–25.

UML 2.5. Object Management Group. Unified Modeling Language: Official web-site [Electronic resource]. — URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 20.10.2020).

Urry J. The Complexities of the Global // *Theory, Culture & Society*. — 2005. — Vol. 5, No. 22. — P. 235–254.

Virtanen I. The Problem of Tacit Knowledge — Is It Possible to Externalize Tacit Knowledge? // *Information Modelling and Knowledge Bases XX* / Ed. by Y. Kiyoki, T. Tokuda, H. Jaakkola, X. Chen, N. Yoshida. — Amsterdam: IOS Press, 2009. — P. 321–330.

Wagner C. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management // *Information Resources Management Journal*. — 2006. — Vol. 1, No. 19. — P. 70–83.

References

Analytical Coding Thesaurus: Official web-site [Electronic resource]. URL: <http://coknowledge.ru/wp-content/uploads/2021/05/tezausArticleMay-1.txt> (access date: 15.05.2021).

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 2001, vol. 16, no. 3, pp. 387–405.

Barabucci G., Tomasi F., Vitali F. Supporting Complexity and Conjectures in Cultural Heritage Descriptions. *Proceedings of the International Conference Collect and Connect: Archives and Collections in a Digital Age*. Leiden, 2020, pp. 104–115.

Bazeley P. Regulating qualitative coding using QDAS? *Sociological Methodology*, 2012, vol. 1, no. 42, pp. 77–78.

Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods, in: N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (Eds.), *Handbook of Qualitative Research*, 2nd edition. Thousand Oaks (Ca.), Sage, 2000, pp. 509–535.

Chergui W., Zidat S., Marir F. An approach to the acquisition of tacit knowledge based on an ontological model. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*, 2020, vol. 7, no. 32, pp. 818–828. DOI: 10.1016/j.jksuci.2018.09.012.

Coffey A., Atkinson P. *Making sense of qualitative data: Complementary research strategies*. London, Sage, 1996.

Diaglogue — Ontoeditor enriching qualitative data analysis instruments [Electronic resource]. URL: http://coknowledge.ru/wp-content/uploads/2021/05/diaglogue_manual.pdf (access date: 15.05.2021).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E. et al. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, vol. 18, iss. 2, pp. 199–213.

Evers J. C. Current issues in qualitative data analysis software (QDAS): A user and developer perspective [Electronic resource]. *The Qualitative Report*, 2018, vol. 13, no. 23, pp. 61–74. URL: <http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol23/iss13/5> (access date: 15.05.2021).

Graphviz — graph visualization software [Electronic resource]. URL: <https://graphviz.gitlab.io/download/> (access date: 15.05.2021).

Haradhan Kumar Mohajan. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review. *American Journal of Computer Science and Engineering*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 6–19.

John St. W., Johnson P. The pros and cons of data analysis software for qualitative research. *Journal of Nursing Scholarship*, 2000, vol. 4, no. 32, pp. 393–397.

Junker A. Optimism and Caution Regarding New Tools for Analyzing Qualitative Data. *Sociological Methodology*, 2012, vol. 1, no. 42, pp. 85–87.

Kakabadse N. K., Kouzmin A., Kakabadse A. From tacit knowledge to knowledge management: leveraging invisible assets. *Knowledge and Process Management*, 2001, no. 8, pp. 137–154. DOI:10.1002/kpm.120.

Kanygin G. V., Poltinnikova S. M., Koretskaya V. S. [Opyt postroyeniya social'nogo znaniya na osnove komp'yuternyh ontologicheskikh metodov] Experience in constructing social knowledge based on computer ontological methods. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2017 a, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. (In Russian)

Kanygin G. V., Poltinnikova S. M., Koretskaya V. S. Konceptual'noye obobshcheniye sociologicheskikh dannykh [Conceptual generalization of sociological data]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy [Telescope. Journal of Sociological and Marketing Studies]*, 2017 b, no. 3, pp. 41–47. (In Russian)

Kanygin G., Koretskaya V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles. *The Qualitative Report*, 2021, vol. 2, no. 26, pp. 316–333.

Kelle U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data. *Sociological Research Online*, 1997, vol. 2, no. 2. URL: <http://socresonline.org.uk/2/2/1.html> (access date: 20.10.2020).

La Pelle N. Simplifying Qualitative Data Analysis Using General Purpose Software Tools. *Field Methods*, 2004, vol. 1, no. 16, pp. 85–108.

Lewins A., Silver C. *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. London, Sage, 2007.

Maasdorp C. Concept and Context: Tacit Knowledge in Knowledge Management theory, in: J. Schreinemakers, T. van Engers (Eds.). *15 Years of Knowledge Management, Volume 3 of Advances in Knowledge Management*. Würzburg, Ergon Verlag, 2007, pp. 59–68.

Nonaka I., Toyama R., Byosiore P. A theory of organizational knowledge creation: understanding the dynamic process of creating knowledge, in: *Handbook of organizational learning and knowledge*. Eds. M. Dierkes, A. Antal, J. Child, I. Nonaka. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 487–491.

Nonaka I. A Dynamic Theory of Organizational Knowledge Creation. *Organization Science*, 1994, vol. 1, no. 5, pp. 14–37.

Nonaka I., Takeuchi H. *The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation*. New York (NY), Oxford University Press, 1995.

Nonaka I., Peltokorpi V. Tacit Knowledge: a Source of Innovation, in: *15 years of Knowledge Management, Advances in Knowledge Management (Vol. III)*, in: J. Schreinemakers, T. van Engers (Eds.). Würzburg, Ergon Verlag, 2007, pp. 68–82.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology* [Electronic resource]. 2000. URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.html (access date: 20.10.2020).

Online QDA: Official web-site [Electronic resource]. URL: <http://onlineqda.hud.ac.uk/> (access date: 20.10.2020).

Pierre E. St., Jackson A. Y. Qualitative Data Analysis After Coding. *Qualitative Inquiry*, 2014, vol. 6, no. 20, pp. 715–719.

Polanyi M. *Personal knowledge. Towards apostcritical philosophy*. London, University of Chicago Press, 1958.

Polanyi M. *The tacit dimension*. New York, Doubleday and Company, 1966.

Richards T. J., Richards L. Using computers in qualitative research. *Handbook of qualitative research*, in: N. D. Denzin, Y. S. Lincoln (Eds.). London, Sage, 1994.

Reznik Yu. M. Social'naya teoriya i teoreticheskaya sociologiya na puti integracii [Social theory and theoretical sociology on the path of integration]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, 2007, no. 9, pp. 17–24. (In Russian)

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology, in: *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. Eds.: H. Leifsrud, P. Sohlberg. Leiden, Boston, Brill, 2018.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data [42 paragraphs]. *Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal], 2002, vol. 3, no. 2. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/864/1878> (access date: 20.10.2020).

Tsoukas H. The Firm as a Distributed Knowledge System: *A Constructionist Approach*, *Strategic Management Journal*, 1996, vol. S2, no. 17, pp. 11–25.

UML 2.5. *Object Management Group. Unified Modeling Language*: Official web-site [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 20.10.2020).

Urry J. The Complexities of the Global. *Theory, Culture & Society*, 2005, vol. 5, no. 22, pp. 235–254.

Virtanen I. The Problem of Tacit Knowledge — Is It Possible to Externalize Tacit Knowledge? In: *Information Modelling and Knowledge Bases XX*. Eds.: Y. Kiyoki, T. Tokuda, H. Jaakkola, X. Chen, N. Yoshida. Amsterdam, IOS Press, 2009, pp. 321–330.

Wagner C. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management. *Information Resources Management Journal*, 2006, vol. 1, no. 19, pp. 70–83.

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
g.kanygin@gmail.com

Kanygin Gennady V., Doctor of Sociology, Leading Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
g.kanygin@gmail.com

Полтинникова Мария Сергеевна, кандидат физ.-мат. наук.
maria.poltinnikova@gmail.com

Poltinnikova Maria S., Candidate of physical and mathematical sciences, Senior Researcher.
maria.poltinnikova@gmail.com

Корецкая Виктория Станиславовна, младший научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
si_ras@mail.ru

Koretskaya Victoria S., junior researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
si_ras@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-16-4

Н. В. ЛЕБЕДЕВ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЗИНОВИЯ ЯКОВЛЕВИЧА КОРОГОДСКОГО В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Представлены материалы исследования общественной значимости творческого наследия выдающегося советского и российского театрального режиссера и педагога, «гуманиста XX столетия» н. а. России профессора З. Я. Корогодского. Освещается его жизненный путь и место в отечественной культуре согласно пониманию автора — одного из его учеников. Приводятся и комментируются результаты социологического исследования (опрос) по восприятию современниками творчества Мастера, делается вывод о важности дальнейшей работы с его наследием: исследование и «продвижение» среди общественности в русле возможного ныне «ренессанса Корогодского».

Ключевые слова: З. Я. Корогодский, театральная режиссура, театральная педагогика, социокультурная значимость, прикладное социологическое исследование.

NIKOLAI V. LEBEDEV

THE SOCIO-CULTURAL SIGNIFICANCE OF ZINOVY YAKOVLEVICH KOROGODSKY'S CREATIVE HERITAGE IN THE MODERN PUBLIC PERCEPTIONS

The article is dedicated to the outstanding Soviet and Russian theater director and teacher, «the humanist of the twentieth century» national artist of Russia, Professor Z. Ya. Korogodsky. The materials of the study of the social significance of his creative heritage are presented. His life path and place in the national culture are described according to the author's understands (one of his students). The results of the sociological research (survey) are presented and commented on how modern

people evaluate Korogodsky's work. It is concluded that further work with his creative heritage is important. It needs to be studied in detail and informed of the public, and this is a possible «Korogodsky renaissance» in our time.

Keywords: Z. Ya. Korogodsky, theater directing, theater pedagogy, sociocultural significance, applied sociological research.

Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

А. С. Пушкин

В искусстве вообще нет рецептов, могут быть
предошущения, советы, рекомендации.
Алгебраический итог опасен.

З. Я. Корогодский

Пролог

В грядущем десятилетии исполнится сто лет со дня рождения выдающегося отечественного театрального режиссера, педагога, народного артиста России профессора Зиновия Яковлевича Корогодского (1926–2004).

Среди театральной общественности, а также среди людей, соприкасающихся с театром лишь эпизодически, одним З. Я. Корогодский в той или иной мере известен, другим — нет. При этом те, кто заинтересуется его жизнью и деятельностью, базовые сведения о нем с легкостью почерпнут в справочно-биографической литературе: в различных отечественных театральных словарях и энциклопедиях, а также, конечно, в вездесущей «Википедии». Но вот монографические публикации о З. Я. Корогодском отсутствуют — только статьи и эссе, поиск которых в современном информационном океане уже потребует некоторых усилий.

Совокупность этих публикаций — практически лишь отечественных — в целом подразделяется на две группы. Одна группа — это разрозненные тексты различных авторов, которые независимым друг от друга образом в тех или иных театроведческих (шире: искусствоведческих, культурологических) сюжетах либо целенаправленно обращаются к мэтру советского и российского театра, либо в связи с чем-то лишь упоминают о нем. Вторая группа — это результаты организованного коллегиального осмысления творческого наследия З. Я. Корогодского, осуществляемого с 2006 г. на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета

профсоюзов (в котором Мастер работал в последнее десятилетие своей жизни), в рамках ежегодной Межвузовской научно-практической конференции «Проблемы театральной педагогики. Традиции и новации школы З. Я. Корогодского». Шестнадцать соответствующих сборников образуют в отношении Корогодского своеобразную «открытую» коллективную монографию, насчитывающую порядка трехсот статей*.

На этом фоне в настоящей работе предпринимается попытка очертить общее («суммарное») значение творческого наследия Зиновия Яковлевича Корогодского в современной российской культуре. Это осуществляется двояким образом.

Вначале — «дедуктивно»: свое понимание наследия Корогодского кратко излагает автор статьи — один из его учеников 90-х гг., актер и педагог, куратор значительной части его архивного собрания. Это понимание представлено, можно сказать, «с высоты птичьего полета» — в наиболее крупных гранях жизни и деятельности Мастера. Тем самым данный материал носит обзорный, справочный характер. Но одновременно он может заинтересовать и тех, кому З. Я. Корогодский уже известен, поскольку являет собой самостоятельную, в чем-то новую точку зрения на его «феномен».

Далее на сцену выступает «индукция»: автор поверяет свои соображения существующими представлениями общественности о режиссере-педагоге, о его творчестве. Это делается посредством количественного социологического исследования — интернет-опроса ряда людей, имеющих то или иное отношение к театру: профессиональное и зрительское, долгосрочное-проникновенное или локальное, вплоть до мимолетного. Общий знаменатель данного исследовательского мероприятия — выявление абриса, меры значимости творческого наследия З. Я. Корогодского в умах наших современников**.

Данный подход в настоящей статье — основной, ему она и посвящена. Вполне понимая, что применительно к исследованию художественных материй подход этот отсылает к знаковым пушкинским сомнениям о возможности «поверить алгеброй гармонию», автор все-таки уверен, что он

* Тогда как в рамках первой из очерченных групп публикаций количество статей можно предположительно оценить в пределах ста — данные соображения в режиме «к слову» предвосхищают основную тематику настоящей работы, раскрываемую ниже.

** Поскольку в количественном социологическом исследовании традиционно имеет место значительная формализация индивидуальных позиций респондентов и их последующий статистический учет, то в данном случае, думается, речь идет в итоге не столько о «значении» творческого наследия, которое должно преимущественным образом описываться-«портретироваться», сколько о его «значимости», которая способна «измеряться», «рейтинговаться».

не только возможен, но зачастую необходим, показателен. Дело в том, что подобная «социоалгебра»^{*} позволяет получить предметные (те самые «количественные») ответы на вопросы, а также обоснование, коррекцию тех представлений, которые складывались у ученика на многолетнем пути осмысления дела Учителя. Например, такие:

- «В Санкт-Петербурге З. Я. Корогодского знают неплохо, а как обстоит дело в других регионах страны, притом что он является творцом национального масштаба?»;
- «Корогодский, видимо, известен людям старше сорока лет, а молодежь его почти не знает»;
- «В памяти людей о Корогодском его режиссерская деятельность — на первом плане, педагогическая же — не на виду, хотя она весьма новаторская»;
- «Мастер оставил миру плеяду методических сочинений — в какой мере они ныне известны и действенны?».

Подобные мысли, связанное с ними общее видение творческого наследия З. Я. Корогодского, о котором говорилось выше, естественно, обусловили содержание опроса и тактику его проведения.

При всем этом представляемое исследование выступает лишь одним из этапов, ракурсов работы автора с творческим наследием Учителя. Исследование это весьма специфично, в чем-то носит «игровой» характер. Ведь статистический сбор и обработка информации обычно обслуживают практики социально-экономические, социально-организационные — такие как производство и продажи, планирование массовых мероприятий и т. п., — и в этом смысле осуществленная акция является «подражательной».

Тем не менее статистика способна сказать свое слово и в культурологии, в эстетике, соотнося соответствующие «умозрительные» («кабинетные») взгляды и теории с реальными людскими умонастроениями. Единственное, что на этом пути важно быть весьма взвешенным, корректным, не «перебарщивая» ни по форме, ни по сути. В таком ключе исследовательская «игра» обретает уже характер эвристический, — в частности, когда выявляется «рельеф» общественного понимания того или иного «духовного светоча», много ли нам известно на сегодняшний день подобных штудий?

^{*} Вместо этого сочиненного вослед пушкинской строке, несколько угловатого слова уместно был бы сказать благозвучное «социометрия» — именно так, в общем-то, было бы проще и «монументальнее» говорить о «количественных методах социологического исследования», если бы не произошедшая волею судеб привязка данного слова к теории Морено и иным вариантам изучения отношений и взаимодействий между членами социума.

Между тем нечто аналогичное людьми осуществляется в «естественном» мышлении и изъяснении: например, когда мы говорим, что значение того или иного деятеля — «великое», «непреходящее» или же, напротив, «незначительное», «проходное», что оказанное им влияние — «огромное» или, наоборот, «мизерное», что некто «будет оценен потомками» или же в противоположность этому «вскоре будет забыт»... Параллельным образом звучат «бронзовые» высказывания великих — например, в поэзии. Так, со школьной скамьи (советской поры) на ум приходят Некрасовские слова о Белинском «Твой труд живет и долго не умрет», многим памятные строки Цветаевой «Моим стихам, написанным так рано... настанет свой черед», в унисон с ними Есенин некогда заметил: «...меня поймут через сто лет...» Какой же в таком случае — если размышлять на данной волне — видится современным поколениям значимость З. Я. Корогодского, его творческого наследия — значимость в прошлом, настоящем и будущем?

Возвращаясь к целенаправленному «измерению» качеств субъекта, следует заметить, что в гуманитарной сфере — на стыке с упомянутыми выше социально-организационными практиками — руководители творческих, научных, образовательных организаций иногда инициируют опросы, анкетирование в отношении характера и результативности деятельности работников, а также особенностей аудитории (зрители, партнеры, учащиеся и др.). Это, в частности, практиковал в учебной работе в 90-е гг. и сам З. Я. Корогодский, периодически предлагая студентам оценить в рейтинговой форме развитие в ходе учебного процесса — и собственное, и сокурсников. Полученные «рейтинги» наглядно демонстрировали достижения и упущения каждого ученика в методической и профессиональной оснащенности, дисциплине, кругозоре, «командности»* и т. д. Эта форма индивидуального и коллективного учебно-творческого анализа должна была стать для студентов, как говорил Мастер, организационно-художественной «провокацией» — задавать ориентиры, демонстрировать необходимый «уровень», «планку» в овладении профессией. Одновременно с этим наставник опирался на полученный материал в текущем подведении итогов учебной работы. Нынешнее исследование, в определенном смысле, предстает своеобразным аналогом использованного З. Я. Корогодским информационно-аналитического инструмента.

* Термин «командность» устойчиво применялся Зиновием Яковлевичем в учебном процессе в контексте проблематики художественного коллективного творчества; Мастер нередко резюмировал ее афористичным выражением «Трагедия и счастье театра — в коллективности».

Главное же значение опроса, освещаемого в настоящей статье, заключается в том, что он выступает одним из оснований формирования научно-исследовательской программы автора, нацеленной на «выведение из тени» творческого наследия выдающегося режиссера и педагога посредством систематизации и анализа существующих в отношении него опубликованных материалов, расширения их круга (работа с архивом Корогодского), сопоставления выявленных тенденций с веяниями времени.

Действие первое (монолог)

Жизненная линия Зиновия Яковлевича Корогодского такова, что его творческое формирование после 20 лет происходило в нашей стране синхронно восстановлению ее после войны, в русле великого общественного энтузиазма, устремленности в будущее.

Он родился и вырос в Сибири, окончил театральный институт в Ленинграде (1950), где учился у прославленного мастера — Бориса Вольфовича Зона. Как начинающий режиссер, работал в театрах Калуги и Калининграда (в Калининграде ему, 28-летнему, было доверено художественное руководство (!) театром), далее — в Академическом Большом драматическом театре им. М. Горького (1959–1961), куда был приглашен великим Г. А. Товстоноговым.

Головокружительные 60-е встретил уже зрелым человеком и художником, серьезно раскрывшись в Ленинградском ТЮЗе, в котором, по предложению Товстоногова, стал главным режиссером и художественным руководителем. Здесь же он продолжал деятельность в эпоху «развитого» СССР, чутко реагируя в своем творчестве на возникающие тогда осязаемые социальные проблемы.

В ТЮЗе З. Я. Корогодский поставил ряд выдающихся, резонансных спектаклей, ставших событиями в театральной жизни страны. Мастер, без преувеличения, совершил в театре «идеологическую революцию» — благодаря ему детский театр стал социально-современным, интересным зрителю «от 7 до 70» и почти четверть века являлся «живой достопримечательностью» Ленинграда. Также он вывел на принципиально новый уровень работу Делегатского собрания — зрительского актива, созданного еще основателем ТЮЗа А. А. Брянцевым. Наряду с ним организовал при ТЮЗе целое «созвездие» «гуманитарных» структур: студии, лаборатории, конференции, Брянцевские чтения, выставки и др., в которых участвовали зрители и работники театра, дети, их родители и педагоги. Эти структуры

функционировали в досуговой и деловой, художественной и педагогической плоскостях, служили творчеству и просвещению, обмену опытом и становлению новых художественно-эстетических, психологических, педагогических — шире: гуманитарных — представлений и подходов.

В эти же годы написал значимые в театральной педагогике книги, выпустил 15 актерско-режиссерских классов в Ленинградском государственном театральном институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), был удостоен званий «заслуженный деятель искусств РСФСР» (1969) и «народный артист РСФСР» (1980).

В начале перестройки З. Я. Корогодский пострадал от действующей власти — не как диссидент, но в «кабинетных» интригах. Партийно-административным органам, курирующим тогда деятельность театров, были чужды новаторские принципы руководителя ТЮЗа. Как это нередко бывает в жизни, в частности в советской действительности, его самостоятельность, яркость обернулись против него*. В итоге ему пришлось расстаться с ТЮЗом, и он выпал из поля общественного внимания.

Поэтому начало постсоветского периода, разразившийся в стране социально-экономический кризис З. Я. Корогодский встретил заслуженным, но «опальным» мастером, не имеющим государственной рамки-поддержки.

Однако важно то, что в переломный период своей жизни и жизни государства Корогодский не покинул Россию, как это сделали многие его коллеги в среде творческой интеллигенции. Говоря высоким слогом, он остался служить Родине. Хотя у него имелась возможность жить и работать за рубежом, куда его приглашали: в конце 80-х Мастер работал в США, был там привлечен и востребован как театральный профессионал, однако он возвратился домой, в Ленинград. Возвратился вдохновленный, как сейчас сказали бы, «инновационным проектом» в русле его стратегической идеи — «воспитания и образования театром»**.

19 октября 1990 года (эта дата была избрана специально — в символической связи с пушкинским Лицеем) Зиновий Яковлевич учредил при поддержке лидеров художественной культуры Ленинграда — Владимира Арро, Сергея Баневича, Олега Басилашвили, Алексея Германа, Якова Гордина, Даниила Гранина, Моисея Кагана, Андрея Петрова

* Суть этого конфликта Художника и Власти заключалась, с точки зрения А. Б. Ерофеевой, заведующей литературной частью «Театра Поколений», в том, что «ему не могли простить, что он — солидный и разумный человек, занимающий определенную должность, — под слоем обязанностей, званий и премий внутренне оставался ребенком» (Ерофеева 2006).

** Подробнее об этом будет сказано ниже, в сюжете о театропедагогике.

и некоторых иных видных персон — новую социальную — театраль-но-педагогическую — структуру: Ленинградский Эстетический центр «Семья» и «Театр Поколений»*. Центр «Семья» — пожалуй, впервые в стране — имел организационную и методическую нацеленность на вовлечение в театральную деятельность помимо детей также и детей совместно с родителями, руководить же этой деятельностью были призваны актеры и режиссеры. Такой художественный симбиоз профессионального театра и дополнительного образования (творческих мастерских совместного обучения детей и взрослых) выступил принципиально новым свершением Мастера в русле воплощения в жизнь его мечты-идеи «воспитания и образования театром» под крышей «Театра-Дома».

Далее, в сентябре 1993 г., З. Я. Корогодский возглавил кафедру режиссуры и актерского искусства в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, куда был приглашен его ректором А. С. Запесоцким, а в 2001 г. — первый актерский курс в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого.

Иначе говоря, в трудных реалиях «неустроенных» 90-х Мастер энергично, новаторски вышел на новый виток театральной и педагогической деятельности, хотя общественности это было уже не столь явно, как прежде, поскольку изменился его статус, а в связи с этим — подход к нему СМИ. Также изменились и сами СМИ, и жизнь вокруг. В те годы о Корогодском более или менее широко знали лишь в Петербурге, тогда как прежде — по всей стране. Как, скажем, о Театре на Таганке.

Тем не менее знаковым событием тех лет явилось то, что в 2000 г. Корогодскому была присуждена Международная премия им. К. С. Станиславского в номинации «Театральная педагогика».

Таким образом, с середины XX в. до начала 2000-х гг. З. Я. Корогодский является активным участником театральной и культурной жизни нашей страны, имя его — в ряду художников, творцов, чья деятельность во многом явилась определяющей и для жизни общественной. Его судьба рельефно, подчас драматично складывается из ряда личностно-творческих этапов, демонстрируя силу его натуры, его творческую

* Ленинградский Эстетический центр «Семья» в силу различных причин несколько раз менял название еще при жизни его основателя: Эстетический центр «Семья», Детский творческий центр «Семья», Школа искусств «Театральная Семья» и т. д. Впрочем, и на официальном уровне, и в повседневном общении педагогов и учащихся он всегда оставался «Семьей» (так же тепло и уважительно именовался ими вслед за Мастером «Дом»). Сейчас это Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования «Детский творческий центр «Театральная Семья» Невского района Санкт-Петербурга. Ниже организация будет именоваться либо, для краткости, «Центр «Семья», либо полным официальным названием.

и организационную мощь, высокий интеллект, художественную уникальность, обуславливает его объективный социокультурный авторитет.

Зиновий Яковлевич Корогодский — многогранная творческая, новаторская фигура. Однако не будет большим преувеличением сказать, что и при его жизни и также после смерти Корогодского знали(-ют) преимущественно как театрального режиссера, творившего в легендарном Ленинградском ТЮЗе. Который, собственно говоря, во многом стал таковым благодаря ему. Среди особенно ярких, известных спектаклей, поставленных знаменитым тюзовским лидером и режиссерами, работавшими под его кураторством (наиболее впоследствии известные — Л. А. Додин, В. М. Фильштинский*), можно назвать, например, «Коллеги» (1962), «После казни прошу...» (1967), «Наш цирк» (1968), «Наш, только наш» (1969), «Наш Чуковский» (1970), «Открытый урок» (1971), «Месс-Менд» (1972), «Бемби» (1976), «Кошка, которая гуляла сама по себе» (1977), «Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!» (1978) и другие. Но режиссура Мастера — лишь одна из граней его впечатляющей деятельности, в которой имеются и другие — сформулируем их, «разложим по полочкам».

● **Театральная организация (театральный «топ-менеджмент»):**

- художественное руководство Калининградским театром драмы (1955–1959), Ленинградским театром юных зрителей (1962–1986);
- кураторство деятельности при ТЮЗе комплекса творческо-просветительских структур для зрителей (в частности, Делегатское собрание (Зрительский парламент), а также педагогов города (1962–1986);
- создание и руководство в постсоветский период социокультурным театрально-педагогическим комплексом — Центром «Семья» и «Театром Поколений»** (1990–2004).

● **Театральная педагогика:**

- руководство театральными студиями в Калуге, в Калининграде, в Ленинграде (1950-е);

* Как значилось в программках совместных спектаклей, «придумал и поставил З. Я. Корогодский», а «с ним были заодно режиссеры Лев Додин и Вениамин Фильштинский».

** Наиболее видные спектакли, поставленные Мастером в «Театре Поколений»: «Пространство инстинкта», «19 Октября», «Елена Премудрая», «Телекалейдоскоп», «Покажите мне красивую любовь» (1994); «Кровавая свадьба», «Под зеленой звездой» (1996); «Осенняя скука» (1999); «Песни западных славян» (2003).

- мастер актерско-режиссерских курсов в вузах: Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (1960–1986), Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (1993–2004), Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (2001–2004);
- кураторство работы «Театра 5-го этажа» в ТЮЗе (театр-лаборатория самостоятельных работ актеров и студентов учебных курсов) (1972–1986);
- руководство домашним театром «Очаг» в Центре «Семья» (1995–2004);
- повседневная педагогическая деятельность в отношении актеров, а также всей творческой и административной команды театра (см. примеч. 13) в русле режиссерской репетиционной работы (1950–2000-е).

● **«Общая» педагогика.**

Данная рубрика обозначает не в распространенном смысле базовый уровень педагогической науки, а практическую педагогику за рамками сферы того или иного профильного, профессионального образования — педагогику *вообще*, выступающую тем самым преимущественно в модусе воспитания.

В мысли и деятельности З. Я. Корогодского это выражалось в важной для него идее «воспитание и образование театром» и в ее неустанном продвижении в общественную жизнь — единым словом это можно именовать «театропедагогика». Как видно, педагогика здесь все-таки обретает определенный содержательный профиль, однако его смысл в данном случае иной, нежели в профессиональном образовании. Этот профиль не обуславливается целью педагогического процесса, которая при подготовке специалистов заключается в развитии у человека отдельного «сектора» его возможностей — «знаний и умений», в частности актерско-режиссерских, как это происходит в театральной педагогике. В общей педагогике профиль выступает средством развития человека «фронтальным», целостным образом — в «общеличностном» и «общезиженном» измерениях. В частности, на этом пути ситуативным образом может быть сделана ставка на театр. Именно так и происходило у Зиновия Яковлевича Корогодского, который с энтузиазмом посвящал себя служению Становления Личности, задействуя родной для него великий и могучий инструментальный — театральный. Естественно, что «в поле его участия» оказывались при этом лишь те люди, которые были в той или иной мере расположены к театру — от глубокой увлеченности им

до однократного с ним соприкосновения (например, при посещении спектакля, открытого урока, творческой встречи и т. п.)*.

Каким же образом функционирует театропедагогика?

Во-первых, она адресуется актерам и зрителям посредством соответственно подготовки и показа спектаклей.

Так, в работе режиссера-педагога с начинающими актерами (и профессиональными, и любителями) здесь открывается простор для формирования столь ценимой в европейской культуре «всесторонне развитой» личности: развитие и совершенствование ее «тела и духа»: пластики, дикции эмоциональной сферы, воли, памяти, логики, знаний (в первую очередь в сфере искусств — театра, музыки и танца, литературы, — а также психологии). Наряду с этим у учащихся развиваются такие качества, как самостоятельность и самокритичность, трудолюбие и дисциплинированность, коммуникабельность и способность к эмпатии, креативность и эстетический вкус, наконец, гражданственность и ответственность.

Что касается актеров опытных, взрослых, то в отношении них все вышеперечисленные моменты также имеют силу, однако педагогическая работа в данном случае (она, собственно, выступает разновидностью андрагогики) носит характер преимущественно «коррекционный», осуществляется исподволь, «в пределах возможного». Центр тяжести в процессе развития уже сложившейся личности в художественной сфере располагается в плоскости творчества, интеллекта, причем в отношении последнего речь идет не столько о его формировании, сколько о поддержании в тонусе, о перманентном обновлении, иначе говоря, о ведении человека к новым горизонтам познания, совершенствования, к живительному самотрансформированию, о содействии зрелому человеку в его противостоянии закоренелости, старению**.

* При этом «высший пилотаж» театропедагога заключается в том, чтобы такого, почти постороннего, человека обратить в сторонника театра. Конечно, данная «формула заинтересовывания» применима к общей педагогике (шире — к «практикующей» идеологии) любого профиля, однако театральный мир имеет специфический шарм, Корогодский же был в нем «чародеем». Так, режиссер Анатолий Праудин вспоминает: «Оказавшись на открытом уроке-репетиции, который давал З. Я. Корогодский, думал, зайду на минутку — ничего интересного для себя я не надеялся там увидеть, потому что уже давно чувствовал себя большим человеком. Я не ушел ни через три минуты, ни через десять, я остался там „навсегда“. „Пространство инстинкта“ полностью завладело мной... У меня только одно слово — магия! <...> Происходит превращение обычных разрозненных людей в единомышленников и наполнение пространства высочайшим духовным напряжением» (Праудин 2007).

** «Привычка — враг искусства», — настойчиво повторял Зиновий Яковлевич актерам — и опытным-заслуженным, и студентам.

В работе со зрителями режиссер-педагог и возглавляемый им театральный коллектив «борются за умы и сердца» «и старых и молодых», стремясь завоевать и удерживать их внимание, расположение, живой интерес, чтобы на этой основе выводить зрителей на определенный эстетический уровень, транслировать им определенные идеи и идеалы — в первую очередь непреходяще-нравственные. В связи с этим знаменитое высказывание Гоголя о театре как «кафедре Добра» имело для З. Я. Корогодского особый вес и силу: в определенном смысле он сам постоянно поднимался на данную кафедру. При этом крайне важно то, что никто никогда не мог упрекнуть Мастера в помпезности, ханжестве, самолюбии, корысти, ибо ставка на нравственные высоты неминуемо требует от педагога личной высокой нравственности.

Вторая линия театропедагогики ведет за пределы зрительного зала: это работа со зрителями в организованных для них и с ними различных структурах — творческих, просветительских, дружеских. Эти структуры были актуальны в первую очередь для «болельщиков» — как Зиновий Яковлевич с юмором называл активных зрителей. Все это есть «зрительская инфраструктура», взращиваемая на орбите театра, встраиваемая в его организм и существенно обогащающая его возможности. Важно отметить, что «кипучее» вовлечение зрителей в жизнедеятельность театра дает его актерам и режиссерам живительную обратную связь с теми, ради кого они работают.

Если подытожить и также развить сказанное в настоящем разделе, то общая педагогика, реализуемая как «воспитание и образование театром» Артиста и Зрителя, именуемая здесь как «театропедагогика», выступает одним из направлений «артпедагогики». Также театропедагогика Корогодского может рассматриваться как своеобразная — художественно-творческая — параллель с трудовым воспитанием у Макаренко, которое, в свою очередь, можно созвучным образом именовать «трудопедагогика».

Итак, основные составляющие театропедагогической деятельности З. Я. Корогодского таковы:

- в театре: реализация в художественных решениях спектаклей актуальных, социально востребованных сверх- и сверхсверхзадач*,

* В своей режиссерской мысли З. Я. Корогодский практиковал развитие знаменитого понятия системы Станиславского «сверхзадача»: непосредственно «сверхзадачей» он именoval главную мысль спектакля («о чем история», «про что играем»), а ту цель, которой служит спектакль, или, иначе говоря, воплощение его сверхзадачи, он именoval «сверхсверхзадачей». Данная цель располагается как в плоскости эстетического, этического и гражданского воздействия на зрителей (на общество, культуру), так и в плоскости духовных устремлений театральной команды.

воспитательное влияние на актеров (и команду театра в целом) в репетиционной и административной повседневности, также координация работы со зрителями (в ТЮЗе — в рамках Делегатского собрания и смежных с ним форм зрительской активности, 1960–80-е);

- в системе высшего образования: воспитательное влияние на студентов актерско-режиссерских курсов согласно стратегии: «Художник — Личность», «Художник — Гражданин» (1960–2000-е);
- в системе дополнительного образования (в Центре «Семья», 1990–2000-е): образовательно-воспитательное развитие детей, подростков, юношества, а также занимающихся вместе с ними родителей, на волне их заинтересованности, увлеченности театром, кураторство работы зрительского клуба «Лукоморье», обучение педагогов общих дисциплин в рамках тематических курсов «Класс актерского мастерства учителя» (КАМУ).

● **Теоретико-литературная, наставническая деятельность:**

- написание ряда статей и книг на стыке вышеперечисленных областей: «Режиссер и актер» (1967), «Первый год» (1973), «Этюд и школа» (1975), «Репетиции... Репетиции... Репетиции» (1978), «Играй, театр!» (1982), «Ваш театр» (1984), «Начало» (1996), «Возвращение» (2001) и др.;
- кураторство работы организованных при ТЮЗе лабораторий драматургов, заведующих литературными, педагогическими и постановочными частями, руководителей народных театров (1960–80-е); – руководство (вместе с М. О. Кнебель) творческой лабораторией режиссеров ТЮЗов при творческом кабинете детских театров ВТО (1970–80-е).

В качестве отдельного важного момента в понимании фигуры З. Я. Корогодского следует отметить, что в театральной режиссуре и педагогике он перенял эстафету К. С. Станиславского через своих учителей — Б. В. Зона, М. О. Кнебель, Г. А. Товстоногова.

Таковы крупные грани творческой деятельности Зиновия Яковлевича Корогодского. Более подробное их содержательное раскрытие в данном кратком описании не предполагается, тем не менее полностью миновать его нельзя. В связи с этим далее рискнем свести содержание творчества Мастера к некоему «общему основанию».

Последнее можно традиционно мыслить в единстве эстетики и этики. Эстетика в данном случае говорит о том, какими

у театрального Художника предстают спектакли и представляющий их театр, театральная школа — каковы их «облик», «натура» (характер, стиль), каковы особенности их «тела» и «души». Этика же отвечает за то, чему спектакли, театр «служат» в социуме — каково их «предназначение» для зрителей, для актеров, для общества в целом. В ином понятийном варианте можно говорить о «художественной структуре» и ее «социальной функции».

В эстетической плоскости театр Корогодского — это индивидуальная, авторская «магия», сказывающаяся и в особой заразительности, и в изобретательной театральной игре, в построении сценического действия, и в мере жизнеподобия, динамизме, пластичности, образности, символизме. Все это в целом не что иное, как продолжение и развитие системы Станиславского на отечественной сцене в новых культурно-исторических условиях.

В плоскости этики театральную деятельность З. Я. Корогодского можно определить, развивая и закрепляя сказанное выше о театропедагогике, прежде всего, как воспитание Личности — и Зрителя, и Актера*. Фундаментальные составляющие полноценной личности, в понимании Корогодского, — это, с одной стороны, самостоятельность и саморазвитие (как формулировал Мэтр, «самосоздание»), ответственность и гражданственность (где последняя традиционным гуманистическим образом настроена на добро) и, с другой стороны, творчество: для художника таковое априорно, для зрителя же — ценителя театра — желательно. В свете этого становится понятным, насколько органично, неразрывно соединялись у Корогодского режиссура и педагогика (представленные выше позиции поясняют ракурсы их единства).

Таким видится «портрет» творческого наследия Зиновия Яковлевича Корогодского, его художественное и культурное, культурное и социальное значение — отсюда в заглавие статьи вынесено определение «социокультурное».

* А также и всех иных создателей спектакля: от драматурга до работников различных служб, цехов театра и даже, до известной степени, участников общественных структур театра — будь то члены Делегатского собрания, клуба зрителей «Лукоморье» или обучающиеся в творческих мастерских Центра «Семья». Поскольку, во-первых, Мастер всегда был по отношению к ним — концептуально и по долгу службы — высоко требователен, а во-вторых, в его театральнo-педагогической системе театр был «скитом», в котором жизнь деятеля не ограничивается выполнением той или иной профессиональной или учебной функции, но есть «насквозь» служение Дому и Делу. «Я знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», — бесконечно цитировал Зиновий Яковлевич своим ученикам и соратникам строки Лермонтова, применяя их и к жизни в Театре, и к постижению профессии.

Данный подход солидарен с позицией заслуженных петербургских специалистов по философии из Российского государственного института сценических искусств (в прошлом — ЛГИТМиК): «З. Я. Корогодский — одна из крупнейших фигур гуманистики XX века; режиссер, творческое наследие которого значимо не только для театра и театральной педагогики, но и для педагогики в целом, психологии, философии культуры» (Шор 2008), «...еще предстоит „системно“ осмыслить единство и целостность педагогического опыта замечательного мастера...» (Праздников 2008).

Наследие З. Я. Корогодского представлено сегодня в первую очередь изданными его сочинениями, а также деятельностью его последователей, прежде всего, естественно, учеников Мастера — практикующих педагогов, актеров и режиссеров, иных деятелей культуры и искусств. В связи с этим следует заметить, что в противоположность тому, что многие знают Корогодского именно как режиссера, помнят его постановки, последние сегодня — за редким исключением — «во плоти» отсутствуют: их видеозаписей мало, а те, что есть, преимущественно невысокого качества, поскольку в советскую пору систематических официальных съемок спектаклей Ленинградского ТЮЗа не делалось, в любительском же режиме видеотехника была слаба.

На этом фоне существует обширный архив руководимых З. Я. Корогодским Центра «Семья» и «Театра Поколений», в котором имеется множество документов (творческие и организационные записи, письма, черновики, стенограммы бесед), не обнародованных доселе фотографий, видео- и аудиозаписей, в частности, репетиционного процесса, творческих материалов учебных курсов, — все это есть материальные свидетельства «школы Корогодского» — ее истории, ее духа*. Как и опубликованные труды, архив представляет ценность для заинтересованных людей — не только для театроведов, но и для

* Ведь школа Корогодского, как это случается с авторитетными новаторскими начинаниями, живущими и после окончания деятельности автора, по сей день передается его учениками-педагогами «из уст в уста», «от сердца к сердцу». При этом важно отметить, что поскольку необыкновенную заразительность Мастера, его способность вдохновлять окружающих, генерировать новые идеи, о которой свидетельствуют множество его учеников и сподвижников, невозможно «воспроизвести», то каждый из учеников, некогда став Учителем, естественным образом реализует школу Корогодского по-своему. На этом фоне материальные свидетельства школы позволяют познавать ее исторический путь и смысловое ядро.

практиков театрального искусства, организационной и педагогической работы — в их настоящей и будущей деятельности. Однако архивное собрание пребывает — с момента смерти Мастера — в стихийном состоянии и требует для его представления общественности немалого труда (систематизация и каталогизация, сканирование фотографий и письменных текстов, перевод последних в печатный вид с попутным «расшифровыванием» ряда мест, оцифровывание и реставрация видео- и аудиотреков, технический комментарий к результатам данных процедур и многое другое)*.

...«Архив Корогодского представляет ценность для заинтересованных людей» — с точки зрения автора настоящих строк, это неоспоримо. Но много ли таких людей, согласны ли они с высказанным утверждением?.. Пусть же сами люди и ответят на эти и подобные им вопросы!..

Действие второе (полилог)

Опрос общественности на предмет знания и отношения к творческому наследию Зиновия Яковлевича Корогодского подавался автором в свете грядущего 95-летия со дня рождения Мастера, в соотнесении с тем, что в Государственном бюджетном учреждении дополнительного образования «Детский творческий центр «Театральная Семья» Невского района Санкт-Петербурга» начинается работа над его архивно-музейным собранием.

Опрос осуществлялся дистанционно посредством заполнения респондентами в Интернете в онлайн-режиме опросных гугл-форм. Потенциальные участники приглашались персональными письмами по электронной почте и в социальных сетях, а также телефонными звонками — в общей сложности было сделано порядка 1500 обращений. Общее количество откликнувшихся на предложение принять участие в опросе — около 350 человек.

Исследование проводилось в двух крупных плоскостях: в одной опрашивались люди, в различной мере близкие к театру, в целом же

* Помимо архива в Центре «Семья» в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга существует личный архивный фонд З. Я. Корогодского (№ 698), включающий в себя те материалы, которые Зиновий Яковлевич передал в эту организацию в 2001 г. Наряду с этим, естественно, у близких Мастеру людей могут иметься собственные неофициальные собрания материалов по его творческой деятельности.

заняты преимущественно в сфере умственного труда (представители интеллигенции), в другой плоскости — представители исключительно профессионально-театральной сферы. При этом во втором случае, в свою очередь, имели место две «подплоскости»:

1) специалисты в области театральной режиссуры и педагогики в системе детского дополнительного образования Санкт-Петербурга, «по определению» осведомленные о З. Я. Корогодском в силу их участия в посвященном ему городском фестивале детских театральных коллективов «Начало»;

2) представители театральных коллективов из различных регионов России вне Санкт-Петербурга. Отсюда итоги исследования подставлены в трех частях: «Опрос-1», «Опрос-2.1», «Опрос-2.2».

Во всех этих направлениях задействовалась единая базовая опросная форма, которая имела в каждом из случаев незначительные вариации — преимущественно процедурного характера.

В этой форме после первых вопросов, устанавливающих знакомство с респондентом, следовал ключевой вопрос-фильтр относительно того, известно ли отвечающему творческое наследие З. Я. Корогодского, и если да, то насколько, а если нет, то участие в опросе предлагалось завершить.

Далее для ответивших «да» следовал ряд вопросов относительно известности различных составляющих деятельности Мастера:

- 1) спектакли;
- 2) режиссерские методики;
- 3) педагогические методики;
- 4) сочинения (книги и статьи),

а также относительно их общего культурного значения — общественного и личного.

Следующий смысловой блок образовывали вопросы о том, насколько актуальным видится респонденту творческое наследие Корогодского в современной России:

- 1) фактическое (в настоящем);
- 2) потенциальное (возможное в будущем).

При этом, наряду с общим пониманием актуальности наследия, здесь также спрашивалось и об актуальности отдельных его составляющих, среди последних вместо спектаклей на этот раз фигурировала деятельность учеников.

Наконец, в двух финальных вопросах узнавалось, желает ли участник опроса:

- 1) знать о З. Я. Корогодском, его творческом наследии больше*;
- 2) ознакомиться с посвященным ему музейно-архивным собранием, в русле работы над которым позиционировался опрос.

Необходимо отметить, что опросная форма на большинство из задаваемых вопросов отчетливо предоставляла респондентам возможность многовариантного ответа. Поэтому при выведении процентно выраженных итоговых данных сумма показателей по соответствующим позициям дает более 100 %.

По линии статистических выкладок следует оговорить еще два установочных момента:

- 1) выводимые процентные величины в большинстве случаев берутся или от общего количества участников опроса, или от количества респондентов, осведомленных о З. Я. Корогодском (впрочем, сфера охвата в каждом случае специально уточняется);
- 2) все выраженные в процентах числа округляются до кратных пяти (например, 12 % → 10 %, 13 % → 15 %), за исключением ситуации с «1 %» и «2 %» — они округлялись до минимальной величины «1 %».

Опрос-1: «Зрители» (Санкт-Петербург, регионы России, зарубежье), 234 респондента

Итак, вначале слово о творческом наследии З. Я. Корогодского предоставляется тем людям, для многих из которых театр является не профессией (или был таковой в прошлом), а объектом досугового внимания, интереса, увлечения, которые в той или иной мере задумываются о нем, посещают его в качестве зрителей. В связи с этим почти половина опрошенных отметили, что «театральное искусство высоко ценят», и лишь немногие — что «к нему равнодушны» (5 %), отношение остальных к театру умеренно позитивное.

Все эти респонденты в их подавляющем большинстве проживают в России (95 %), примерно две трети из них — в Санкт-Петербурге (65 %), где разворачивалась основная деятельность Мэтра и протекает деятельность организатора опроса (автора настоящей статьи). Основной возраст участников опроса — от 40 до 60 лет (55 %),

* Это «больше» относилось и к тем, кто отвечал, что о Корогодском и его творчестве не знает, поскольку, строго говоря, из содержания опроса данные респонденты о них узнавали — пусть и в минимальной мере (подобная тонкость прописывалась в формулировке отрицательного ответа в вопросе-филтре).

и от 20 до 40 лет (35%), в возрасте же до 20 лет и свыше 60 лет пребывают по 5% отвечающих.

Профессиональная деятельность респондентов в целом является умственной, творческой: она связана с театром (в настоящем или прошлом, 25%: актеры, режиссеры, театроведы) либо с другими искусствами (10%), с педагогикой (в том числе театральной, 30%), и примерно у половины опрошенных — с иными сферами жизнедеятельности: производство, наука, инженерия, медицина, военное дело, политика и др.

Больше половины участников опроса (порядка 150 чел., 65%) в той или иной мере осведомлены о З. Я. Корогодском, его творческом наследии. Перед рассмотрением их отношения к различным аспектам последнего уместно осветить картину по тем респондентам, кому Корогодский не известен — таковых порядка 80 чел. (35%). Вполне предсказуемым образом большинство из них проживают не в Санкт-Петербурге (65%) и от театральной жизни далеки (90%): либо в нее не включены (50%), либо включены незначительно (45%). В связи с этой отдаленностью незнание ими З. Я. Корогодского, по-видимому, выступает частным случаем незнания любых «аналогичных» ему по характеру и времени деятельности персон — на фоне знания лишь классиков-основоположников, имена которых хрестоматийны, буквально нарицательны*.

Тем не менее порядка 40% из этих людей в финале опроса заявили, что в той или иной мере желали бы узнать о творческом наследии З. Я. Корогодского, а также желали бы ознакомиться

* В том числе поскольку связываются с крылатыми выражениями — например, «система Станиславского», «не верю!», — названиями крупных театров — например, «Театр Вахтангова», «Театр Комиссаржевской».

Вообще, для обоснования данного предположения в опрос можно было бы ввести вопросы о знании отвечающими упомянутых классиков, а также нескольких театральных деятелей, культурно-исторически «коллегиальных» З. Я. Корогодскому. Отсутствие данных позиций в опросе, с одной стороны, согласно логике исследования, является упущением, однако, согласно этике и также — непреднамеренно в рифму будь сказано — поэтике, было допущено сознательно: во-первых, опрос был посвящен Персоне, а не «позиции»; во-вторых, он был адресован людям таким образом, чтобы они чувствовали себя не столько респондентами, сколько личностями, помогающими важному мемориальному предприятию, отсюда вопрос о знании других театральных деятелей «потеснил» бы Мастера, в аспекте же знания классиков он вызывал бы у людей подозрение, что организаторы опроса проверяют их эрудицию, «уровень культуры», то есть относятся к ним как к «подопытным»...

с музейно-архивным собранием связанных с ним материалов. Такая позиция объясняется как минимум следующими моментами. Во-первых, респондентам в силу их интеллигентности, видимо, присуща определенная любознательность, которая помножилась на то — и это уже «во-вторых», — что из содержания опроса они узнали о культурной многогранности Корогодского, и это породило у них к нему некое «заочное» уважение*. В-третьих, респонденты, опять-таки в силу их духовной развитости, могли проявить деликатность, участие в отношении организаторов опроса, «подыграть» им, поскольку таковые, как это прочитывается в опросной форме, одновременно выступают сподвижниками дела Корогодского, хранителями его музейно-архивного собрания. Но как бы там ни было, данный познавательный запрос «черным по белому» аргументирует ЗА работу с наследием Мастера!

Возвращаясь к тем респондентам, которым З. Я. Корогодский известен, следует изначально заметить, что его лучше («в два раза») знают

1) в Санкт-Петербурге, чем за пределами города на Неве: соответственно 80 % (120 из 149 чел.) и 40 % (33 из 85 чел.);

2) люди более старшего возраста (от 40 лет), нежели более младшего (до 40 лет) — соответственно 80 % (114 из 147 чел.) и 45 % (39 из 87 чел.), при этом среди тех участников опроса, возраст которых свыше 60 лет, известность достигает 95 % (16 из 17 чел.).

Рассмотрение последующих данных можно начать — в тон завершению разговора о тех людях, кому Корогодский не известен, — с ответов на финальные вопросы опросной формы: о желании респондентов узнать больше о творческом наследии Мэтра и о желании ознакомиться с музейно-архивным собранием связанных с ним материалов. Итак, среди тех, кто осведомлен о творческом наследии З. Я. Корогодского, в целом позитивные ответы на эти вопросы дали соответственно порядка 85 % и 90 % участников исследования (подробно данные представлены в сводной таблице, рис. 1). Естественно, что подобная заинтересованность оказывается в существенной мере не показной, а вполне дельной (в первую очередь у тех, кто высказал «твердое „да“» — по 50 % отвечающих).

* Вот подтверждение тому «живыми» словами одного из участников опроса: «О Корогодском до текущего времени не слышал. В 90-е годы работал в Ростовском ТЮЗе. Как бывший артист балета и педагог очень заинтересовала тема педагогических методик и режиссерских идей Корогодского. Обязательно ознакомлюсь с работами этого человека».

Расширение Ваших знаний о творческом наследии З. Я. Корогодского: желали бы Вы...

	...Больше узнать о его творческом наследии?	...Познакомиться с его архивно-музейным собранием (аудио-, видеозаписи, творческие документы)?
ДА	50%	50%
Скорее ДА, чем НЕТ	35%	40%
Скорее НЕТ, чем ДА	5%	10%
НЕТ	1%	1%
Без ответа	5%	1%

Рис. 1. Опрос-1. Познавательные планы респондентов относительно творческого наследия З. Я. Корогодского*

Далее следует по порядку осветить палитру мнений этих людей. Названия соответствующих сводных таблиц (рис. 2, 3), содержащихся в них позиций говорят сами за себя, и потому остается преимущественно лишь делать текущие выводы.

Известно ли Вам творческое наследие З. Я. Корогодского? — в частности...

	...Постановки?	...Театральные (режиссёрские) методики?	...Педагогические идеи, методики?	...Сочинения (книги, статьи)?
В значительной мере их знаю	40%	30%	35%	25%
В некоторой мере их знаю	30%	35%	35%	30%
О них слышал(-а), но в подробностях они мне не известны	15%	15%	20%	30%
О них мне не известно (почти не известно)	5%	15%	10%	20%

Рис. 2. Опрос-1. Известность творческого наследия З. Я. Корогодского в его отдельных составляющих

* В этой и всех приводимых ниже таблицах градации тона окраски ячеек в каждом из столбцов от белого к серому (все более и более темному) соответствуют понижению величин процентно выраженных данных: «первое место» обозначается белым, остальные места — тем или иным серым.

**Какое значение имеет творческое наследие З. Я. Корогодского? —
в частности...**

	...Постановки?	...Театральные (режиссёрские) методики?	...Педагогические идеи, методики?	...Сочинения (книги, статьи)?
Они имеют большое художественное и культурное значение	35%	30%	35%	35%
Они имеют для меня большое значение	25%	20%	20%	25%

*Рис. 3. Опрос-1. Значение творческого наследия З. Я. Корогодского
в его отдельных составляющих*

Так, среди отдельных составляющих творческого наследия З. Я. Корогодского наиболее известными оказываются его театральные постановки, наименее — сочинения (рис. 2). Значение творческих составляющих — при их сравнении друг с другом (рис. 3) — видится респондентам примерно одинаковым, при этом для всех составляющих общественное значение устойчиво ставится ими выше личного.

Следует заметить, что обсуждаемые оценки давались респондентами в связи с определением ими степени известности составляющих творческого наследия Мастера, тогда как далее этот сюжет возник вновь: обособленным образом, в приложении к современной России, с несколько иной категориальной «сеткой» (ключевое понятие — «актуальность») и, наконец, вслед оценке наследия в целом, поэтому «цифры» там предстают иными (рис. 5).

Указанную актуальность респонденты полагают (рис. 4) в целом высокой (порядка 60%), при этом они не проводят особенных различий между ее фактическим и потенциальным ракурсами; одновременно нередко затрудняются с ответом на данный непростой оценочный вопрос (примерно 20%).

Что касается оценок актуальности отдельных составляющих творческого наследия — в данном случае недифференцированных и способных выставляться респондентами одна подле другой (рис. 5), — то различия между упомянутыми выше ракурсами в картине ответов отсутствуют. Также почти отсутствуют различия в видении респондентами актуальности самих составляющих (примерно по 50% на каждую) — за исключением сочинений, актуальность которых была расценена участниками опроса как относительно невысокая (20%); затруднения с ответом здесь также имеют место (15%).

Какова актуальность в современной российской культуре творческого наследия З. Я. Корогодского в целом?

 Высокая Умеренная Низкая Затрудняюсь ответить Без ответа	...Фактически?	...Потенциально?
	65%	55%
	15%	15%
	1%	1%
	20%	25%
	1%	1%

Рис. 4. Опрос-1. Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в целом

Какова актуальность в современной российской культуре творческого наследия З. Я. Корогодского в отдельных его составляющих?

 Режиссёрские идеи, методики Педагогические идеи, методики Сочинения (книги, статьи) Деятельность учеников и последователей Затрудняюсь ответить	...Фактически?	...Потенциально?
	60%	50%
	50%	50%
	20%	20%
	55%	55%
	15%	15%

Рис. 5. Опрос-1. Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в отдельных его составляющих

В заключение важно привести «самостоятельные» высказывания респондентов в русле содержания опроса, возможность которых была

заложена в его финальной части*. Таких высказываний немного, все они вполне корректные и, думается, по делу, поскольку наряду с хвалами в отношении деятельности З. Я. Корогодского присутствуют и выражения «посторонней» позиции, например: «Не знаю, полезно ли мое участие в опросе, так как я не знаю о Корогодском ☺», «Если бы я сидел на необитаемом острове и мне нечем было бы заняться, тогда изучал бы его творчество»; и процедурные соображения, например: «Мне кажется, стоило бы добавить вопрос о том, какие спектакли оставили наиболее глубокое впечатление, повлияли на дальнейшее — скажем, выбор профессии».

Возвращаясь к развернутым позитивным оценкам дела Мастера (их высказано порядка десяти — 5 % от общего числа ответов), можно привести — в силу их показательности — почти все:

- «Из очень многого, что удалось посмотреть за прошедшие годы, очень мало что может конкурировать со спектаклями З. Я. Корогодского, работами его учеников — это было восхитительно, нам очень повезло, что мы всё это видели»;
- «Зиновий Яковлевич сильно повлиял на мое мировоззрение и мою систему ценностей. В конце 70-х — начале 80-х годов я была в рядах Делегатского собрания в Ленинградском ТЮЗе. И по сей день (прежде всего в трудные моменты жизни) благодарю Бога за когда-то данную мне возможность прикоснуться к миру Театра, к Вселенной З. Я. Корогодского. Спасибо!»;
- «Я очень рад, что о нем снова заговорили!! Это уникальный Режиссер! Педагог! Признанный всем мировым сообществом!! Это грандиозное явление в театральном мире!! Человек Высокой Художественной Нравственности!!»;
- «Нужно возрождать театр З. Я. Корогодского. В таком театре было интересно разным поколениям зрителей»;
- «Необходимо активно продвигать наследие Корогодского по части детского и семейного театра в социальной практике на стыке искусства, информации, образования при полном понимании и ответственности государства, поскольку как частная практика это утопично. Может быть, тогда мечта учителя воплотится не только в учениках, но станет серьезной площадкой для реального образования следующих поколений»;
- «Спасибо за работу и заботу о наследии З. Я. Корогодского!».

* Аналогичная возможность имелась в Опросе-2.1 и Опросе-2.2, причем в наиболее «плотной» опросной форме (2.1) респонденты могли высказываться «от себя» почти по каждой из позиций.

Итак, результаты опроса российской «широкой общественности», имеющей отношение к театру, о творческом наследии З. Я. Корогодского показывают, что это наследие

- 1) ей явно безызвестно;
- 2) знающие его ее представители настроены в отношении творчества Мастера исключительно позитивно, явно свидетельствуют о его актуальности;
- 3) все вместе респонденты выражают запрос на «ренессанс Корогодского».

Опрос-2.1: профессионалы театра (Санкт-Петербург, фестиваль «в свете» Корогодского), 35 респондентов

Данный опрос был адресован взрослым участникам городского конкурса-фестиваля детских театральных коллективов «Начало», ежегодно проводимого на базе ГБУДО «Детский творческий центр «Театральная Семья» Невского района Санкт-Петербурга», в соотнесенности с которым, как говорилось выше, осуществлялось исследование.

Упомянутые участники — работники санкт-петербургской системы дополнительного образования детей в театральной сфере, в подавляющем большинстве женщины, в возрасте преимущественно от 30 до 50 лет. В профессионально-должностном отношении они являются театральными педагогами (85 %), руководителями театральных коллективов (70 %), режиссерами (65 %) (некоторые выступают одновременно в двух или трех амплуа).

Таким образом, все данные респонденты по роду и месту своей деятельности «в равной мере» определенным образом близки к деятельности З. Я. Корогодского, образуют в отношении нее «экспертное сообщество» (кавычки обусловлены организационной стихийностью последнего).

Отсюда всем им творческое наследие Мэтра в целом известно, и потому основная «интрига» заключается в знании ими тех или иных его составляющих. Панорама этого знания (рис. 6) такова, что, по большому счету, все составляющие известны респондентам в равной мере, однако если учитывать нюансы, то на уровне высокого знания лидирует педагогика (25 %) и проигрывают сочинения (5 %), на уровне же знания умеренного сочинения, наоборот, лидируют (80 %), а аутсайдерами оказываются театральные постановки (45 %). Это можно проинтерпретировать следующим образом.

Известно ли Вам творческое наследие З. Я. Корогодского? — в частности...

	...Постановки?	...Театральные (режиссёрские) методики?	...Педагогические идеи, методики?	...Сочинения (книги, статьи)?
В значительной мере их знаю	15%	15%	25%	5%
В некоторой мере их знаю	45%	70%	65%	80%
О них слышал(-а), но в подробностях они мне не известны	40%	10%	10%	10%
О них мне не известно (почти не известно)	0%	5%	5%	5%

Рис. 6. Опрос-2.1. Известность творческого наследия З. Я. Корогодского в его отдельных составляющих

Как видно, всем без исключения участникам опроса известно, что З. Я. Корогодский — это театральный режиссер, автор ряда спектаклей, кои они в некоторой мере знают — хотя бы названия наиболее выдающихся. Однако хорошего знания спектаклей у респондентов в целом нет, поскольку многие из них (в первую очередь те, кто имеет возраст менее 40 лет) данные постановки на сцене (в первую очередь в ТЮЗе) не застали*, а в записях таковые практически отсутствуют.

Что касается сочинений, то фактически подавляющему большинству участвующих в опросе современных коллег З. Я. Корогодского известно, что он является автором книг и статей, и они в некоторой мере их читали, однако до углубленного изучения по тем или иным причинам «не дошли»**.

* Говорить в данном случае о возрастном факторе точно возможности нет, поскольку в этой опросной форме респондентам вопрос об их возрасте не задавался.

** Возможно, в силу характера нынешнего бытия, когда достойной внимания специалистов и легко доступной им литературы — море, а необходимого для ее освоения времени у них — крохи. Другая причина может заключаться в том, что доступность текстов З. Я. Корогодского и сегодня не очень высока: так, один из респондентов отчетливо описал ситуацию с ними: «Книгой „Начало“ пользуются все студенты вузов театральной направленности. Но к сожалению, ее трудно достать в связи с малым тиражом. Другие книги Корогодского ценны, но их после его смерти совсем не найти! Было бы хорошо предложить переиздание книг Зиновия Яковлевича». Здесь остается добавить, что фоном данного положения дел является то, что обширное сканирование сочинений Мастера и общедоступное размещение их в Интернете на данный момент не осуществлено.

Осмысляя художественное и культурное значение — общественное и личное — творческого наследия З. Я. Корогодского в его отдельных составляющих (рис. 7), респонденты использовали предложенные им высокие оценки, но делали это относительно нечасто — в 5–20% случаев. При этом, во-первых, общественное значение ставилось ими в целом выше, чем значение личное; во-вторых, на общем ровном оценочном фоне прослеживается понижение в области театральных (режиссерских) методик Мастера: возможно, респонденты не выделяют таковые из ряда аналогов в передовой театральной практике второй половины XX в.

**Какое значение имеет творческое наследие З. Я. Корогодского? —
в частности**

	...Постановки?	...Театральные (режиссёрские) методики?	...Педагогические идеи, методики?	...Сочинения (книги, статьи)?
Они имеют большое художественное и культурное значение	20%	10%	20%	20%
Они имеют для меня большое значение	20%	5%	10%	10%

Рис. 7. Опрос-2.1. Значение творческого наследия З. Я. Корогодского в его отдельных составляющих

Оценивая творческое наследие З. Я. Корогодского в плоскости его актуальности, порядка трех четвертей респондентов отреагировали так, что в целом (рис. 8) фактическая актуальность «высокая», при этом «низкой» она не является (5% ответов и менее), и это символизирует следующий комментарий одного из участников опроса: «Значимость огромная!!! Начало начал!)))).»

К итоговому данным по фактической актуальности оказываются весьма близки и итоги по актуальности потенциальной, что можно расценивать либо как высокий культурно-исторический «кредит доверия» творчеству Корогодского, либо как определенный формализм — механическое повторение ответов в соседней опросной позиции. В то же время в дополнительных записях встречаются высказывания, свидетельствующие, что как минимум некоторые респонденты подошли к вопросу вдумчиво: «Хотелось бы ответить — „высокая“, но я глубоко в этом не уверена. Я о том, что мало резонанса», «Новые поколения не знают или мало знают о таком выдающемся человеке», «Ни в коем случае не дать уйти в забвение!».

Какова актуальность в современной российской культуре творческого наследия З. Я. Корогодского в целом?

	...Фактически?	...Потенциально?
Высокая	75%	70%
Умеренная	20%	30%
Низкая	5%	1%

Рис. 8. Опрос-2.1. Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в целом

Применительно к отдельным составляющим творческого наследия З. Я. Корогодского оценки актуальности сложились следующим образом (рис. 9): в ракурсе фактичности они почти одинаковы, будучи выдвинуты примерно двумя третями участников опроса (знаковый комментарий одного из респондентов здесь такой: «Всё актуально!!!»), в ракурсе же потенциальности — разнообразны, и здесь лидируют педагогические идеи и методики Мастера, а также деятельность его учеников и последователей, тогда как аутсайдерами оказываются его сочинения (соответственно 60/55 % и 35 % ответов).

Какова актуальность в современной российской культуре творческого наследия З. Я. Корогодского в отдельных его составляющих?

	...Фактически?	...Потенциально?
Режиссёрские идеи, методики	65%	45%
Педагогические идеи, методики	65%	60%
Сочинения (книги, статьи)	55%	35%
Деятельность учеников и последователей	65%	55%

Рис. 9. Опрос-2.1. Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в отдельных его составляющих

На фоне описанной панорамы мнений о творческом наследии З. Я. Корогодского очень важны помыслы респондентов по расширению горизонта их знаний о нем (рис. 10). Навстречу таковым в опросной форме, как уже говорилось в отношении предыдущего направления исследования, порой закрытых вопросов узнавалось, желали бы участники

- 1) знать о творчестве Мэтра больше;
 - 2) ознакомиться с архивно-музейным собранием его материалов.
- Наряду с этим в данном опросе имелся отдельный открытый вопрос, намерены ли респонденты участвовать в работе посвященного З. Я. Корогодскому музейно-информационного центра*. В первых двух случаях отвечающие практически единодушно ответили утвердительно, причем не скупились на «твердое „да“» (три четверти и более ответов).

Что же касается «интерактива» — желания участвовать в работе музейно-информационного центра, — то здесь утвердительность оказалась ощутимо более низкой, при этом респонденты часто «дипломатично» уходили от ответа, хотя отрицательность ими почти не высказывалась**.

Крупная причина снижения в данном случае активности в познавательных планах озвучена самими участниками опроса — это все та же нехватка времени, о которой говорилось выше в связи с освоением сочинений Мастера: «боюсь, не хватит времени», «к сожалению, очень мало свободного времени», «сильно ограничена во времени», «по мере возможности». Тем не менее ряд респондентов были настроены, наоборот, весьма активно: «Конечно, поддерживаю любую активность», «Да, с удовольствием. Любая форма интересна и полезна», «С удовольствием приду на круглый стол или мастер-класс», «Желаю участвовать по всем направлениям!».

* Такой центр учрежден весной 2020 г. на базе ГБУДО «Детский творческий центр «Театральная Семья» Невского района Санкт-Петербурга», его ядром выступает упомянутый архив, для придания которому публично-представительного облика требуется немалая работа. Интересно, что одним из участников опроса прозорливо сказано: «Наверное, не хватает Музея З. Я. Корогодского» — эта запись фигурирует среди ответов на вопрос об архиве, предшествовавший вопросу о музейно-информационном центре.

** В данном вопросе готовых вариантов ответа респондентам не предлагалось — таковые легко аналитически выявляются в их самостоятельных «беллетристических» ответах и потому также могут быть вставлены в сводную таблицу.

**Расширение Ваших знаний о творческом наследии З. Я. Корогодского:
желали бы Вы...**

	...Больше узнать о его творческом наследии?	...Познакомиться с его архивно-музейным собранием (аудио-, видеозаписи, творческие документы)?	... Принимать участие в работе посвящённого ему музейно-информационного центра (круглые столы, мастер-классы, публикации и др.)
ДА	75%	80%	40%
Скорее ДА, чем НЕТ	25%	20%	20%
Скорее НЕТ, чем ДА	0%	1%	1%
НЕТ	0%	0%	
Без ответа			40%

Рис. 10. Опрос-2.1. Познавательные планы респондентов относительно творческого наследия З. Я. Корогодского

В связи с цитированием ответов участников опроса уместно вернуться к вопросам об их отношении к различным составляющим творческого наследия З. Я. Корогодского и привести оттуда ряд показательных ответов.

Так, в отношении сценических постановок у респондентов встречаются следующие «концептуальные» комментарии:

- «За годы руководства ТЮЗом З. Я. Корогодский поставил более 100 спектаклей, был всегда не только режиссером, но и учителем для актеров»;
- «Зиновий Яковлевич делал постановки такими, чтобы было интересно не только детям, но и взрослым. Он создавал семейный театр. Он был в ответе за новое поколение, и от этой ответственности возникали темы спектаклей. Театр был частью воспитательного процесса нового человека нашей страны»;
- «Вот бы кто-нибудь взялся восстановить какой-нибудь его лучший спектакль в ТЮЗЕ. (Как есть “Синяя птица” во МХАТе и “Принцесса Турандот” в вахтанговском театре)»;

- «Это уникальные работы! Я бы добавила в опрос пункт “Они имеют человеческое значение”»;
- «Много слышала о З. Я. Корогодском и считаю, что его творчество, несомненно, оказало сильное воздействие на развитие в первую очередь детского театрального творчества».

По части режиссерских идей и методик в записях респондентов фигурируют два высказывания, которые знаковым образом воплощают пару крупных тенденций, касающихся современных сподвижников театра — с одной стороны, основательного знания дела Корогодского: «Это мой мастер, и все, что он давал, я сейчас передаю своим ученикам», — с другой стороны, знания частичного, малого с сопутствующим желанием таковое восполнить: «Хочется больше узнать именно про методику преподавания З. Я., принципы его школы и театра».

Относительно педагогической составляющей творческого наследия Мэтра один из респондентов отчетливо сформулировал: «Он был не просто режиссером, но и учителем для своих актеров».

Наконец, в отношении сочинений Мастера наряду с цитированным выше высказыванием об их распространенности, издании и переиздании следует привести эпичные слова другого респондента: «„Режиссер и актер“, „Первый год. Начало“, „Первый год. Продолжение“, „Возвращение“, „Этюд и школа“, „Репетиция, репетиция, репетиция“ — эти и многие другие книги стали обучающими пособиями».

Итак, стихийное экспертное сообщество в отношении творчества Зиновия Яковлевича Корогодского вдумчиво подошло к опросу, показало немалое знание его творческого — режиссерского и педагогического, практического и теоретического — наследия, вынесло высокую оценку его фактическому и потенциальному художественному и культурному значению в современной российской действительности, высказало столь же высокое желание расширять свои знания о нем, готово участвовать в работе посвященного З. Я. Корогодскому музейно-информационного центра. Данные итоговые соображения можно проиллюстрировать высказыванием одного из участников опроса: «Это для нас, но вот новое поколение о нем мало знает, и надо поднимать значимость человека, который в свое время стоял наравне с Товстоноговым».

Опрос-2.2: профессионалы театра (регионы России, вне Санкт-Петербурга), 82 респондента

Данный опрос соединяет в себе черты исследований предшествующих. С одной стороны, как и в Опросе-2.1, респондентами здесь выступили исключительно работники театральной сферы (однако в данном случае не только детской), которых также можно полагать «естественным» экспертным сообществом. С другой стороны, как и в Опросе-1, во-первых, опрашивались люди, проживающие в различных регионах России (однако в данном случае — за малым исключением — вне Санкт-Петербурга); во-вторых, наличествовал вопрос-фильтр об осведомленности респондентов о З. Я. Корогодском, его творческом наследии; в-третьих, опросная форма была аналогичным образом более компактной, с меньшим сектором интерактивности в ответах, чем это было в работе с участниками фестиваля «Начало» (Опрос-2.1).

Итак, участники «общероссийского» опроса проживают в порядка 30 регионах страны — от Архангельска и Курска до Камчатки и Владивостока. Учитывая, что это дает в среднем 2,5 респондента на регион, выявлять в связи с «географией» статистические закономерности не имеет смысла — важно отметить, что она вполне обширна. Из «неравномерностей» в данных можно остановиться, в частности, лишь на том обстоятельстве, что 12 респондентов проживают в Иркутске и Иркутской области (все они знают о Корогодском: три четверти — в значительной или в средней мере).

В возрастном отношении участники опроса большей частью пребывают в официально трудоспособном возрасте: 85 % образуют (двумя равными частями) группы респондентов в возрасте до 40 лет и от 40 лет до 60; 15 % опрошенных имеют возраст свыше 60 лет.

Профессиональная занятость респондентов выглядит следующим образом. Руководителями театральных коллективов, театральными режиссерами, педагогами, а также администраторами выступают примерно по четверти (по 25 %) от общего числа опрошенных, в актерском амплуа — порядка 40 %, в театральной литературной части занято 5 % респондентов, один участник опроса является театральным художником, еще один — работником сцены. (Как и в случае с Опросом-2.1, многие респонденты имеют более одной специализации.)

О Зиновии Яковлевиче Корогодском, его творчестве осведомлены 85 % участвовавших в опросе театральных специалистов, при этом каждая из трех градаций их осведомленности (значительная, средняя,

небольшая) присуща примерно трети от данной группы респондентов; неосведомленные же пребывают в явном меньшинстве — 15 % (10 чел.). Наблюдаемые при этом статистические тенденции таковы.

Почти все те участники опроса, кто Корогодского не знает, находятся в возрасте до 40 лет (за исключением одного респондента), причем в этой группе нет ни одного человека, кто имел бы возраст свыше 60 лет; иначе говоря, всем пожилым театральным деятелям Мастер известен.

В кадровом аспекте «несведущие» респонденты выступают лишь актерами (8 чел.) и театральными администраторами (2 чел.), то есть все режиссеры, педагоги, руководители театральных коллективов, специалисты по литературной части о З. Я. Корогодском в той или иной мере знают.

Наконец, 90 % из тех, кто до участия в опросе о Корогодском не слышал, не высказали желания узнать о его творческом наследии, ознакомиться с посвященным ему музейно-архивным собранием; и, наоборот, среди тех, кому Мэтр известен, пассивно-познавательную позицию заняли лишь 5 % респондентов. Данный расклад можно проинтерпретировать так, что профессионалы театра в отличие от его «зрителей», фигурировавших в Опросе-1, подошли к получаемой посредством опроса информации более «сдержанным», «искусственным» образом: так, респонденты, не имеющие знания о новом для них в сфере их деятельности явлении, не спешили заявлять о потребности узнавания о нем (подлинной или показной), поскольку, возможно, и без того располагают немалым профессиональным багажом и, наоборот, не располагают временем на отвлечение от плотной профессиональной занятости. На этом фоне желание знать о творчестве Корогодского больше — у тех, кому оно известно, — оказывается, следовательно, особенно весомым: оно подтверждает актуальность наследия Мастера в представлениях современных его коллег.

Знание респондентами отдельных составляющих творческого наследия З. Я. Корогодского предстает относительно равномерным (рис. 11), на этом фоне большую известность для участников опроса имеют его постановки и педагогика, среди которых знание педагогики оказывается более основательным. В оценке значения этих составляющих (рис. 12) общественное значение ставится отвечающими вновь выше личного. В области личного значения наименьшую величину имеют режиссерские методики — возможно, респонденты, многие из которых являются режиссерами и руководителями театральных коллективов, с одной стороны, в значительной мере имеют собственные

концептуальные приоритеты, с другой стороны, не усматривают в режиссерском секторе наследия Мастера таких «рецептов», которые податливы к их действенному перениманию.

**Известно ли Вам творческое наследие З. Я. Корогодского? —
в частности...**

	...Постановки?	...Театральные (режиссёрские) методики?	...Педагогические идеи, методики?	...Сочинения (книги, статьи)?
В значительной мере их знаю	10%	5%	15%	5%
В некоторой мере их знаю	35%	50%	50%	55%
О них слышал(-а), но в подробностях они мне не известны	45%	25%	25%	25%
О них мне не известно (почти не известно)	10%	20%	10%	15%

Рис. 11. Опрос-2.2. Известность творческого наследия З. Я. Корогодского в его отдельных составляющих

**Какое значение имеет творческое наследие З. Я. Корогодского? —
в частности...**

	...Постановки?	...Театральные (режиссёрские) методики?	...Педагогические идеи, методики?	...Сочинения (книги, статьи)?
Они имеют большое художественное и культурное значение	20%	20%	20%	15%
Они имеют для меня большое значение	10%	5%	10%	15%

Рис. 12. Опрос-2.2. Значение творческого наследия З. Я. Корогодского в его отдельных составляющих

Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в зеркале опроса региональных театральных профессионалов (рис. 13) такова, что порядка 75 % опрошенных (естественно, из числа тех, кто знает о Корогодском) полагают это наследие высоко или умеренно актуальным (80 % — в ракурсе фактичности, 70 % — в ракурсе потенциальности), остальные ответить затруднились, и лишь незначительное количество респондентов высказались, что актуальность низкая.

Какова актуальность в современной российской культуре творческого наследия З. Я. Корогодского в целом?

	...Фактически?	...Потенциально?
	60%	50%
Высокая	60%	50%
Умеренная	20%	20%
Низкая	1%	5%
Затрудняюсь ответить	20%	25%
Без ответа	1%	1%

Рис. 13. Опрос-2.2. Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в целом

В отношении отдельных составляющих деятельности Мэтра (рис. 14) мнения его современных коллег распределились таким образом, что 50 % среди них (каждый второй респондент) свидетельствовали об актуальности педагогических идей и методик, 40 % — об актуальности творчества учеников и последователей, 30 % — об актуальности идей и методик режиссерских. Актуальность сочинений оказалась на последнем месте, данные по ней аналогичны количеству затруднившихся с ответом (20 %). При этом актуальность фактическая и актуальность потенциальная оказываются — за незначительным отклонением — одинаковыми.

Какова актуальность в современной российской культуре творческого наследия З. Я. Корогодского в отдельных его составляющих?

	...Фактически?	...Потенциально?
	30%	25%
Режиссёрские идеи, методики		
Педагогические идеи, методики	50%	55%
Сочинения (книги, статьи)	20%	25%
Деятельность учеников и последователей	40%	40%
Затрудняюсь ответить	20%	20%

Рис. 14. Опрос-2.2. Актуальность творческого наследия З. Я. Корогодского в отдельных его составляющих

В финале опроса у респондентов традиционно спрашивалось, желают ли они расширить свои знания о творческом наследии З. Я. Корогодского, ознакомиться с его музейно-архивным наследием (рис. 15). Подсчет голосов по обеим позициям выявил безоговорочное преобладание позитивных ответов (95 %), при этом «твердое „да“» высказали 60 % участников исследования.

Наконец, в заполненных формах «регионального» опроса наряду с шаблонными ответами респондентов фигурировала, как и в формах Опроса-1 и Опроса-2.1, их «беллетристика». Высказываний насчитывалось немного (семь), они были относительно краткими, но по существу.

Одно высказывание носит личный, ретроспективно-ностальгический характер: «Было приятно вспомнить МАСТЕРА, работы которого и его самого мне посчастливилось увидеть при его жизни».

Другое высказывание следует в русле оценки творческого наследия З. Я. Корогодского, его составляющих: «Я знаю, что он говорил о детском театре как о театре-семье. И его главные заслуги,

предполагаю, лежат именно в этой области. Театр для детей. Именно поэтому, я думаю, он интересен более режиссерам и худрукам ТЮЗов, чем актерам», — следует заметить, что данное мнение принадлежит как раз респонденту-актеру.

**Расширение Ваших знаний о творческом наследии З. Я. Корогодского:
желали бы Вы...**

	...Больше узнать о его творческом наследии?	...Познакомиться с его архивно-музейным собранием (аудио-, видеозаписи, творческие документы)?
ДА	60%	60%
Скорее ДА, чем НЕТ	35%	35%
Скорее НЕТ, чем ДА	5%	5%
НЕТ		1%
Без ответа		1%

Рис. 15. Опрос-2.2. Познавательные планы респондентов относительно творческого наследия З. Я. Корогодского

Еще одна запись является конструктивным предложением, адресованным организаторам исследования руководительницей литературной части театра из Читы: «Если в опросе будут участвовать педагоги или режиссеры, то можно было бы добавить вариант ответа „Использую в работе методики Корогодского“».

На этой сотрудиической ноте освещение результатов Опроса-2.2, итоговая картина по которому аналогична картине по Опросу-2.1 (см. последний абзац соответствующего раздела статьи), завершается, и далее будут представлены некоторые заключительные соображения по исследованию в целом.

Итоги по опросам

Подобно тому, как в описании осуществленных опросов представлен лишь определенный ряд аналитических сюжетов в отношении «вороха» собранных данных, и потому за кадром естественным образом остались возможные иные статистические усмотрения и трактовки, при составлении сводных итогов исследования сейчас выявляются лишь некоторые — наиболее важные — тенденции. Количественные данные при этом максимальным образом округляются.

Начать следует с того, что говорить о мере известности и на этом фоне о мере значимости Зиновия Яковлевича Корогодского и его творческого наследия среди российской общественности уместно лишь применительно к той ее части, которая имеет отношение к театру — в качестве, заостренно говоря, театральных зрителей и слушателей театра. В слое данных людей известность З. Я. Корогодского на сегодняшний день значительна. В кругу служителей это порядка трех четвертей от их числа — такое заключение опирается на данные Опроса-2.2, который видится репрезентативным в отношении всей страны. Что касается зрителей, то общероссийской репрезентативности исследование, видимо, не достигло, «освоив» преимущественно пространство Санкт-Петербурга*. Тем не менее, согласно имеющемуся материалу, общероссийская известность достигает здесь порядка одной четверти — одной трети от числа опрошенных, известность же в Петербурге — вновь порядка трех четвертей. Все это относится

* Такое соображение выдвигается на том фоне, что количество непетербуржцев в Опросе-1 равняется количеству всех участников регионального Опроса-2.2; однако при данном числовом равенстве имела место заметная содержательная неравносность. Дело в том, что театральные профессионалы, во-первых, представляли собой весьма «типовую» по роду деятельности и образу жизни среду; во-вторых, механизм их отбора в круг респондентов был всецело случайным (те работники театров, кто по воле стихийных обстоятельств откликнулся в течение заданного срока на осуществленную относительно равномерным образом рассылку по стране); в-третьих, не имели исходно никакого отношения к организатору опроса, тогда как опрашиваемая зрительская аудитория, наоборот, заданным образом имела профессиональную и жизненную неоднородность, фактически же обнаруживала внутри себя определенные «однородности» и «неслучайности» — в частности, по линии знакомства с организатором опроса. Помимо всего этого нелишне замолвить слово и о том, что суждения о репрезентативности в отношении проведенного исследования, в принципе, весьма относительны, поскольку в целом количество респондентов в рамках Опроса-1 и Опроса-2.2 (соответственно сотни и десятки) является все-таки небольшим — если бы оно было на порядок больше, то к репрезентативности можно было бы апеллировать увереннее.

к людям старше 20 лет, поскольку люди, имеющие меньший возраст, попали в поле зрения исследования лишь в небольшой мере*.

В отношении известности отдельных составляющих творческого наследия Корогодского «высоко рельефных» тенденций не наблюдается; тем не менее зрители в большей мере знают его постановки (рис. 2), театральные режиссеры и педагоги в системе дополнительного образования детей в Санкт-Петербурге — режиссерские и педагогические идеи и методики (рис. 6), театральным специалистам по стране все составляющие известны «поровну» (рис. 11), однако через все группы опрошенных проходит тенденция, согласно которой оказывается низким показатель в области значительного знания сочинений Мэтра, о которых в целом большинству респондентов известно — умеренно или немного.

В оценке творческого наследия З. Я. Корогодского немалое число респондентов заявили, что оно имеет большое значение — общественное и личное. При этом, во-первых, второе всегда ставится ими немного ниже первого; во-вторых, театральные профессионалы в оценке значения оказываются более сдержанными, чем «любители»: примерно пятая часть знающих наследие респондентов в первом случае и треть-четверть — во втором (рис. 3, 7, 12).

Подавляющее большинство респондентов полагают творческое наследие З. Я. Корогодского актуальным, причем больше половины из них — в высокой степени, и это в равной мере относится к актуальности фактической и потенциальной (перспективной) (рис. 4, 8, 13). В рамках данной позиции работники детской театральной сферы в Санкт-Петербурге отвечали всецело определенно, тогда как их коллеги из театров различного профиля в других регионах страны, а также театральные зрители нередко затруднялись с ответом (примерно пятая часть опрошенных). Картина по актуальности отдельных составляющих творчества Мастера носит вновь пестрый характер, без явных «пиков» и «провалов» (рис. 5, 9, 14).

Наконец, опять-таки подавляющее большинство участников опроса (вплоть до почти полного их количества в Опросе-2.1) высказывают имеющееся (возникшее) у них желание знать о Зиновии Яковлевиче Корогодском, его творческом наследии больше, ознакомиться с посвященным ему музейно-архивным собранием (рис. 1, 10, 15). На этом фоне о желании явном заявили — в рамках того или иного опроса — от

* В кругу зрителей обращение к ним в силу организационных причин почти не осуществлялось, в среде специалистов же людей данного возраста в целом очень немного.

половины до трех четвертей и более респондентов. Как видно, данный общественный запрос подводит отечественное театроведческое сообщество — в данном случае в лице организатора исследования, автора настоящей статьи — к деятельному на него ответу.

Однако прежде чем перейти к исследовательским перспективам, имеет смысл процитировать краткое высказывание, сделанное одним из участников Опроса-2.2 — театральным режиссером и педагогом, руководителем театрального коллектива из Екатеринбурга, человеком в возрасте свыше 60 лет, хорошо знающим и высоко оценивающим наследие Корогодского в целом и в его различных составляющих, — оно звучит следующим образом: «Правильно делаете».

Думается, что две основные трактовки этих скупых слов поддержки организаторов опроса таковы: с одной стороны, респондент мог одобрить «режиссуру» опроса, с другой стороны — прочитываемую в опросе «драматургию» ретроспективно-перспективного обращения к творчеству З. Я. Корогодского.

Первая трактовка как раз тематически соответствует настоящему разделу статьи — об итогах исследования мнений общественности. Дело в том, что в секторе «свободных» высказываний респондентов какая-либо отрицательная критика исследовательской процедуры отсутствовала, и это можно расценивать как их молчаливое согласие с последней. В данной плоскости имелись лишь два замечания-предложения, процитированных в разделах, посвященных Опросу-1 и Опросу-2.2, касающиеся соответственно введения в опрос позиции в отношении наиболее запомнившихся респонденту спектаклей и позиции в отношении использования респондентом наработок Корогодского в личной театральной практике. Таким образом, можно полагать, что опросная «игра» в ее внутренней «пластике» и также в ее подаче «зрителям» последних удовлетворила, они восприняли предложенное им участие в научно-гуманитарной акции как комфортное и дельное.

Вторая трактовка относится в целом к исследовательско-просветительскому проекту, посвященному «феномену Корогодского»: можно считать, что респондент поддерживает его начинание и развитие. Отсюда высказывание участника опроса расценивается как благое напутствие в отношении дальнейшей работы* — несколько слов о таковой говорится в следующем, заключительном разделе статьи.

* В связи с этим уместно повторить цитированное выше аналогичное по смыслу, но «эмоциональное» высказывание из Опроса-1: «Спасибо за работу и заботу о наследии З. Я. Корогодского!»

Эпилог (перспектива)

Итак, российская интеллигентная общественность — преимущественно театральная, одновременно во многом педагогическая — устами участников осуществленного исследования ответила на два крупных вопроса, поставленных в начале данной статьи («Пролог», «Монолог»): многие люди

- 1) помнят, знают, ценят Зиновия Яковлевича Корогодского, его творчество, его социокультурное дело и в связи с этим беспокоятся, чтобы все это не предавалось забвению;
- 2) с интересом, энтузиазмом воспринимают информацию об архивном собрании материалов, связанных с жизнью и творчеством Мастера.

Таким образом, архивная работа оказывается на верном пути, она востребована современной культурой и потому будет продолжаться. Данная работа предполагает, с одной стороны, «выведение на свет» многих материалов, которые прежде не только нигде не публиковались, но и виделись лишь немногими людьми, с другой стороны, сосредоточение, систематизацию, улучшение доступности тех публикаций, видео- и аудиозаписей, которые с некоторых пор уже были тем или иным способом обнародованы.

И здесь неоценимо то, что цифровая цивилизация позволяет организовать, помимо классического музейно-архивного пространства как помещения, общедоступный универсальный электронный ресурс — интернет-портал, содержащий и сами материалы (видео-, аудиозаписи), и их копии (книги, рукописи), и ссылки на другие интернет-страницы, где располагаются «самостоятельные» информационные объекты, среды — в первую очередь сообщества в социальных сетях, ленты обсуждений. Таковые в отношении З. Я. Корогодского имеются, хотя «центрального» сетевого ресурса пока нет; между тем создать его очень важно — это есть актуальнейшее направление работы с творческим наследием Мастера. По сути дела, именно такой ресурс имеет в виду один из респондентов Опроса-2.2, хотя и не называет его в своем «локально-фрагментарном» запросе: *«Хорошо бы иметь ссылки на учебные материалы и записи спектаклей, если есть. Можно платно»**.

* В тон его здоровому организационному прагматизму следует заметить, что в проектах, посвященных классикам, к числу которых Зиновий Яковлевич Корогодский, несомненно, принадлежит, материалы должны быть доступны общественности бесплатно, тогда как финансирование должно пролегать «глубже» — штатным образом от государства или в событийно-ситуативном ключе от меценатов.

Наконец, сакраментальным звеном в осуществляемой исследовательской работе может и должна выступить старая добрая Книга, и это «мягко отчеканила» участница все того же Опроса-2.2 — руководительница театрального коллектива из Нижнего Новгорода, имеющая, так же как и цитируемый в предыдущем разделе респондент, возраст свыше 60 лет и столь же хорошо осведомленная о творчестве Корогодского, высоко его оценивающая — она буквально проговаривает вслух мысли автора настоящей статьи: *«Хотелось бы, чтобы вышла в свет монография о его творчестве, идеях и методиках, содержащая сводные материалы, осмысление его наследия»*.

Деятельность в намеченных направлениях неминуемо будет, как это ни звучало бы высокопарно, «творить историю» — об этом свидетельствует еще одно высказывание цитированной выше (в заключительных строках описании Опроса-2.2) руководительницы литературной части театра из Читы — на этот раз о потенциальной значимости творческого наследия З. Я. Корогодского в современной российской культуре: *«При хорошей работе по популяризации его методики — актуальность „значительная“, но поскольку пока, мне кажется, такого нет, то на данный момент — „умеренная“...»*

Источники

Ерофеева А. Б. Специфика школы З. Я. Корогодского // Проблемы театральной педагогики. Школа и метод З. Я. Корогодского: Материалы межвузовской научно-практической конференции 27 марта 2006 г. — СПб.: СПбГУП, 2006. — С. 99–104.

Праздников Г. А. Жизненно-нравственные основания педагогики и творчества (Из литературного наследия З. Я. Корогодского) // Школа З. Я. Корогодского в системе театрального образования: Материалы межвузовской научно-практической конференции, 26 марта 2008 г. — СПб.: СПбГУП, 2008. — С. 8–12.

Праудин А. А. Корогодский сегодня в своих выпускниках разных поколений // Проблемы театральной педагогики. Традиции и новации школы З. Я. Корогодского: Материалы II межвузовской научно-практической конференции, 26 марта 2007 г. — СПб.: СПбГУП, 2007. — С. 26–28.

Шор Ю. М. Театральная педагогика З. Я. Корогодского в контексте гуманистических идей XX столетия // Школа З. Я. Корогодского в системе театрального образования: Материалы межвузовской научно-практической конференции, 26 марта 2008 г. — СПб.: СПбГУП, 2008. — С. 5–8.

References

Erofeeva A. B. *Specifika shkoly Z. Ya. Korogodskogo* [Specificity of Z. Ya. Korogodsky's school]. *Problemy teatral'noy pedagogiki. Shkola i metod Z. Ya. Korogodskogo* [Problems of theatrical pedagogy. School and method of Z. Ya. Korogodsky]. Proceedings of interuniversity scientific and practical conference, 2006, March 27. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2006, pp. 99–104. (In Russian)

Praudin A. A. *Korogodskij segodnya v svoih vypusknikah raznyh pokolenij* [Korogodsky today among his graduates of different generations]. *Problemy teatral'noy pedagogiki. Traditsii i novatsii shkoly Z. Ya. Korogodskogo* [Problems of theatrical pedagogy. Traditions and innovations of the school of Z. Ya. Korogodsky]. Proceedings of interuniversity scientific and practical conference, 2006, March 27. St Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2007, pp. 26–28. (In Russian)

Prazdnikov G. A. *Zhiznenno-nravstvennyye osnovaniya pedagogiki i tvorchestva (Iz literaturnogo naslediya Z. Ya. Korogodskogo)* [Vital and moral foundations of pedagogy and creativity (From the literary heritage of Z. Ya. Korogodsky)]. *Shkola Z. Ya. Korogodskogo v sisteme teatral'nogo obrazovaniya* [School of Z. Ya. Korogodsky in the system of theater education]. Proceedings of interuniversity scientific and practical conference, 2008, March 26. St Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2008, pp. 8–12. (In Russian)

Shor Yu. M. *Teatral'naya pedagogika Z. Ya. Korogodskogo v kontekste gumanisticheskikh idej XX stoletiya* [Theatrical pedagogy of Z. Ya. Korogodsky in the context of humanistic ideas of the XX century]. *Shkola Z. Ya. Korogodskogo v sisteme teatral'nogo obrazovaniya* [School of Z. Ya. Korogodsky in the system of theater education]. Proceedings of interuniversity scientific and practical conference, 2008, March 26. St Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2008, pp. 5–8. (In Russian)

Лебедев Николай Владимирович, педагог-организатор,
педагог дополнительного образования. Государственное бюджетное
учреждение дополнительного образования «Детский творческий центр
«Театральная Семья» Невского района Санкт-Петербурга.
nikolale@yandex.ru

Lebedev Nikolai V., supplementary education teacher.
State-financed institution of additional education «Children's Creative Center
“Theatrical Family”», St. Petersburg, Russia.
nikolale@yandex.ru

ОЧЕРКИ, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-16-5

А. Г. Щёлкин

ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

В статье отмечается как необратимый факт: словарь и тематика современной социологии стали постмодернистскими. Подобная смена парадигмы нуждается в оценке. При этом известно, что язык оценки не должен совпадать с языком критикуемого феномена. Поэтому автор избрал «иронический стиль» для своего повествования. Главные объекты «иронии»: 1) «универсальное» рассыпалось на осколки «локального» (на примере концепта «плюрализма цивилизаций»); 2) «фактоцентризм», когда сам факт существования вещей оправдывает их существование; 3) «инаковость» вытеснила понятие «нормы» и проч. Вывод: современное общество нуждается в «онтологии для социума», где под онтологией понимается *подлинное, а не произвольное бытие* (социальных) вещей.

Ключевые слова: критика постмодернистского языка в социологии, универсальное vs локальное, «фактоцентризм», «норма» в социологии, проект «онтология для социума».

ALEXANDER G. SCHHELKIN

IRONIC NOTES ON THE CURRENT SITUATION IN SOCIOLOGY

Annotation. The article notes as an irreversible fact: the vocabulary and topics of modern sociology have become postmodern. This paradigm shift needs to be evaluated. It is known that the language of assessment should not coincide with the language of the criticized phenomenon. Therefore, the author chose the “ironic style” for his story. The main objects of “irony”: 1) the “universal” crumbled into fragments of the “local” — on the example of the concept of “pluralism of civilizations”; 2) “factocentrism”, when the very fact of the existence of things justifies their existence; 3) “Otherness” has supplanted the concept of “norms”. And so on. Conclusion: modern society needs an “ontology for society”, where ontology is understood as a model of authentic, true (but not arbitrary) existence of things.

Keywords: critique of the postmodernist language in sociology, local vs universal, “factor-centrism”, “norm” in sociology, project “ontology for society”.

Кто-то найдет стиль и манеру изложения непохожими на язык социологии. Тогда зададимся вопросом: в каких терминах мы можем критиковать социологию? Конечно, не в терминах самой социологии. Это уже уровень «метасоциологии», по крайней мере. Ну хорошо, назовем это просто услугой «языка иронии». Одним словом, как ни назови, этот язык принципиально не должен быть подобен языку социологии.

Еще на памяти многих социологов те легендарные времена, когда взаимодействие теоретической и эмпирической социологий рассматривалось сквозь призму их «правильного», «классического» союза, то есть когда обе плодотворно и с пользой для прогресса социального знания оплодотворяли друг друга. Или, по крайней мере, в этом союзе искали свое призвание и свой успех. Идеальное будущее социологии виделось как единый корпус знания, в котором непротиворечиво находилось бы место и мега-, и мезо-, и микросоциологии. Возможно, в этом видении нет ничего предосудительного. Более того, возможно, так оно и будет.

Но в целом сегодня, однако, этот оптимизм относительно такого «синтеза» заметно поубавился. Похоже, что теоретическая и эмпирическая социологии уютнее чувствуют себя по отдельности и на собственных маршрутах «развития». Похоже также, что этот факт «уютного» существования по отдельности и автономно имеет солидные основания. И та, и другая социологии вдохновляются по разным причинам, а их успех растет из разных источников. Для теоретической социологии как отрасли того, что называется «свободным духовным производством», лейтмотивом является не просто отражение всего того, что попадает под социологическое осмысление, приглядываясь к «новым» фактам под знаком того, не сигнализируют ли они действительно о «новой» и незнакомой реальности, а к «прошлому» — с точки зрения, не пора ли его, это прошлое, переинтерпретировать. Для теоретической социологии принципиально важно ее умение и способность при вышеупомянутом осмыслении отделять «наблюдаемое» от «подлинного», «правдоподобное» от «истинного», «реальное» от «действительного». Именно при этом главном условии возможны все остальные успехи теоретической социологии.

Эмпирическая социология такой головной боли не знает. Поскольку ее «категорический императив» — это точно и репрезентативно замерить

феномен, не вдаваясь в его природу. Боюсь, что в этом случае можно сказать и так: источники вдохновения и побед эмпирической социологии лежат вне ее. Они скорее в математике, статистике, логистике, информатике, раньше бы сказали — в кибернетике.

Что бы ни делала теоретическая наука, как бы она ни развивалась, она всегда — тем более если речь идет об общественной науке — будет предметом претензий и критики.

Когда-то Р. Мертон мечтал об «опережающей» способности социологии. Наши мечты подчас осуществляются замысловато и неожиданно. Сегодня значительная часть социологов работает в парадигме, круто оторвавшейся от еще недавней классики 1950–70-х гг. Можно сказать, что социология обогнала самое себя. Как возможно такое?! Ведь социология — род сознания. И если кто кого опережает, то, конечно, «бытие опережает сознание» или, что то же самое, социальная реальность меняется быстрее, чем наши знания о ней. Однако, как бы там ни было, в первую очередь приходится говорить действительно о другом — резкой смене парадигмы и стиля, в формате которых теперешняя социология относится к «постсовременной» реальности и исследует ее.

Самая бросающаяся черта теперешней социологии — она практически бесповоротно стала «постклассической», «постмодернистской». Изменения такого рода не остаются без последствий. Эти последствия можно сформулировать следующим образом.

Постмодернизм в социологии: доминанта локального

Постмодернизм в социологии означает прежде всего тот факт, что социология больше не претендует на статус и возможность быть общей теорией социального. Постмодернизм, по убеждению его зачинателей (Лиотар, Делёз, Деррида), — враг всеобщего и тотального. Известно, как были напуганы отцы-основатели постмодернизма превращением прежде всего классической европейской философии и марксизма в инструмент и обоснование политического тоталитаризма. С этой точки зрения, теперешнее социологическое знание — это, скорее, социология локального-частного (сетевые структуры, повседневность, социальная виртуальность, прекариат, город, «трансформация интимности», «социология вещей» и проч., проч.). В этом плане постмодернистская социология исключила подход к реальности в универсальных категориях, терминах прогресса, цивилизованности, высоких человеческих ценностей. Такова неутешительная цена отказа от того, что составляло золотой фонд классической социологии.

Категория «цивилизация» как экзамен для постмодернистской социологии

Наиболее выпукло этот дефицит универсальных констант в научном аппарате социологии времен постмодернизма, времен «социологии локального» можно почувствовать на примере сегодняшней трактовки феномена «цивилизация». Благодаря тому, что категория «цивилизация» является обобщением высокого уровня, она характеризует главнейшую сторону жизнеустройства любого социума, независимо от того, в каких исторических, экономических и культурных условиях этот социум мог бы быть сформирован. Цивилизованность как объективная характеристика общества не позволяет обществу рассыпаться под действием «центробежных сил». Цивилизованность как материальная и идеальная константа позволяет обществу оставаться «равным самому себе» в самых разных и постоянных изменениях. Цивилизованность как критерий общественного и гуманитарного развития и как ориентация на это развитие со стороны все того же социума. И тем не менее категория «цивилизация» прискорбно выпала из словаря современной социологии. А там, где мы видим обращение к этой категории, там это обращение к цивилизации как таковой никакого отношения не имеет. Дело в том, что принятая на вооружение в постмодернистски ориентированной социологии концепция «множественности цивилизаций» как раз и отрицает такую базовую (для понимания, оценки и практического конструирования общества) категорию, как «цивилизация» (Цивилизация. Восхождение и слом 2003). С этой точки зрения, «цивилизаций много», «все, что ни возьми, есть цивилизация», «всякий социум есть цивилизация *suí generis* (в своем роде, на свой лад)». Если угодно, это означает «капитуляцию» перед любым социальным феноменом, который в истинном смысле слова цивилизацией может как раз и не являться. Не приходится напоминать, что понятием «цивилизация» (с эпохи античной мысли) обозначают состояние, принципиально отличное от «варварства» и «дикости».

В этом своем значении понятие «цивилизация» просуществовало и работало до текущего периода, который в порядке заслуженной критики можно назвать «оппортунистическим» послаблением всяческих «цивилизаций». В результате сущностный (онтологический), нормативно-ориентирующий (праксиологический) и оценочный (аксиологический) параметры цивилизации проигнорированы, не получив в концепции «плюрализма цивилизаций», «цивилизационного анализа» и проч. достойной замены. Да и о какой замене может идти речь, если

цивилизационные константы и универсалии экономической, политической и культурной жизни общества уступили место постмодернистским субститутам «суверенных» конструкций («антиглобалистская» (экономическая) автаркия, «суверенная демократия», «национально-культурный код»)?

Вершиной постмодернистской парадигмы «цивилизации» стал популярный афоризм «Occident — accident» («Запад есть случайность»). Иными словами, история западного общества, с этой точки зрения, не несет в себе универсальных, всеобъемлющих, гуманистических характеристик. (Афинская демократия ставится в один ряд с персидской деспотией. Всемирная история такого равенства не предполагает. Всемирная история распорядилась по-другому. К XXI столетию число демократий заметно превышает число авторитарных и тоталитарных режимов. Ни о какой равной эффективности демократии и деспотии говорить не приходится.) Тем не менее риторика политического релятивизма активно проникает в политизированный дискурс (пост)современности. В США С. Хантингтон прямо так и скажет, что Америка — не универсальный, а уникальный, особенный кейс (Хантингтон 2003). Равно как все отметили ставку Д. Трампа на «антиглобализм», то есть на отказ от универсального международного порядка. Многие страны опираются на подобный политический релятивизм как удобное средство поддержания выбранной линии на «самобытность» на грани изоляционизма. В Китае эта «самобытность», эта «мягкая автаркия» строится под лозунгом «Идем своим путем, и другие нам не указ» (почти цитата из Си Цзиньпина. В оригинале: «У Китая — пять тысяч лет истории, 1,3 миллиарда человек... и никто ему не указ») (BBC NEWS 2018). В РФ периодически говорят то о «суверенной демократии», то о доминанте «национально-культурного кода». Англия запомнится в новейшей истории Западной Европы своей брексит-идеологией.

Важнейшим исключением из постмодернистски-консервативной идеологии локального можно считать ту линию социологического осмысления современности, которую представляют, например, работы У. Бека, собранные в книге под названием «Cosmopolitan Vision» (2006). Именно с высоты общечеловеческих ценностей и норм цивилизационного порядка У. Бек рассматривает случаи отклонения от «зрелой современности», от цивилизации как таковой, которые просматриваются в отдельных регионах земного шара. Понятно, что социологическая теория подобного типа и уровня кардинально отличается от социологии, построенной на принципе постмодернистского релятивизма (повторим: любая реальность есть «цивилизация на свой лад»). У. Бек в этой связи

ставит вопрос о международной ответственности развитых стран за поддержание цивилизационного порядка в государствах, которые выпадают из цивилизационного формата, становясь очагами этнического геноцида, идейно-религиозного фанатизма, терроризма и проч. В этом же ряду обычно упоминают о политике «принуждения к современности» в виде гуманитарных интервенций и операций по «принуждению к миру». Лейтмотив «Космополитического мировоззрения» предельно очевиден и актуален. Неподдержание основных институтов цивилизации, а тем более девиация от них результируется деградацией и варваризацией социума. Для современного социологического мышления пренебрежение смыслом феномена Цивилизации (с большой буквы, «как таковой», в единственном, а не множественном числе, как у постмодернистов) равносильно забвению тревожной социальной истины — «Варварство всегда рядом» (А. Камю).

К этому следует добавить, что в подобном ключе о смысле и содержании современной общесоциологической теории рассуждают и другие авторы. Среди отечественных — Мих. Лифшиц, который называл еще в 1970–80 гг. тему варваризации современного социума одной из главных задач теоретической социологии (см. его знаменитую статью «Либерализм и демократия», 1968). Н. Мотрошилова, исследуя феномен «варварства» в условиях современной цивилизации, поневоле ставит вопрос, насколько постмодернистский отказ от классической социальной мысли поспособствовал реальной и ментальной «децивилизации» теперешнего социума (Мотрошилова 2007).

В этой связи важно вообще отметить как отрадный факт, что отечественная социология освобождается от исторического проклятия быть «реферативной социологией» по постмодернизму. Есть признаки того, что в социальной науке возрождается интерес к фундаментальным, онтологическим условиям «человеческого бытия», как они сложились в эпоху «классики», или, по принятой сегодня терминологии, «модерна». «На протяжении последних пятидесяти лет в западной социальной теории и „высокобой публицистике“ кто-то обязательно устраивает „поминки по модерну“. Однако „старик“, как будто точно из анекдота, упрямо повторяет — „не дождетесь“, не устывая перевоплощаться и возрождаться в новых обличьях. Модерн и сегодня „живее всех живых“, и это несмотря на то, что все его гигантское социальное тело уже давно увешано многочисленными табличками с надписями „пост...“» (Подвойский 2014). Как-то поневоле вспоминается предупреждение Ю. Хабермаса, сделанное им еще в 1980 г. в самый разгар постмодернистского ажиотажа: «Модерн — это (еще) не завершенный проект» и, значит, смена

парадигмы на «постсовременную» — это плохая услуга продолжающемуся «современному обществу» (Хабермас 1998).

«Апология фактического»

Другой заметной и часто критикуемой чертой теоретической социологии стало то, что можно назвать «апологией фактического». Конечно, все изменения, происходящие в социуме, достойны социологического внимания. Люди живут в той реальности, в которой они живут, и ее социологическое осмысление — естественная функция теоретической социологии разного уровня. Но в эту функцию, как мы часто видим, не входит поиск ответа на вопрос, а насколько «подлинной», «нормальной», «цивилизованной», «сущностной» и т. д. является эта реальность. Так получилось, что сегодня для социолога всякое явление подчас обосновывает себя самым фактом существования, самой фактичностью. Это тревожный симптом.

Можно наблюдать такую ситуацию, когда значительная часть социологов буквально со спортивным энтузиазмом гоняется за новыми «фактами» в приятной надежде найти и увидеть в них черты предстоящего и полноценного будущего. В то же время любая попытка определить эти «факты» родом из будущего еще и в терминах их подлинной сущности относится по сегодняшней социологической моде к обвинению в высказывании «оценочных суждений». Понятно, что «оценочные суждения» (по прихоти все той же постмодернистской моды) трактуются как сугубо субъективные и произвольные представления, которые не несут в себе элемента объективности и истинности. Это повальное настроение осуждать тех авторов, которые берутся анализировать (новые) социологические факты с помощью критериев «норма — девиация», «цивилизация — децивилизация», «современность — архаика», подчас настолько сбивает с толку, что эти авторы готовы (малодушно) обезопасить себя торопливым объявлением, что-де их суждения суть просто оценочные суждения. Такое наивное представление о природе оценочных суждений никогда не было характерно для серьезного социального знания. Оно стало наблюдаться в период масштабного релятивизма, господства принципа «равнозначности всех состояний» и самообоснованности социальной реальности самим фактом существования.

И это притом, что хорошо известно, что полноценное научное суждение в социологии по природе своей несет в себе и оценку. Или, как об этой стороне дела говорили в допостмодернистскую эпоху, «познание и оценка совпадают» (К. Ясперс). Понятно, что такой тип

социологического знания гораздо богаче и мощнее знания, заведомо ограничивающего себя горизонтом «фактологичности».

Тем не менее «(пост)современный» социолог, повторим, с энтузиазмом, достойным лучшего применения, целеустремлен к новым «фактам» в надежде найти и увидеть в них черты ожидаемого будущего или того «нового», что он готов признать стоящим, позитивным, окончательным и т. д. Но проблема в том и состоит, что такая некритическая и беззаботная доверчивость к «фактичности» — это ненадежный компас в деле построения социологического знания, тем более на добротном теоретическом уровне. Похоже, однако, что от постмодернистской увлеченности «фактичностью» (т. е. когда мы больше доверяем «эмпирии» и «фактам» и как бы освобождаемся от «принципного», «сущностного» и т. д. отношения к социальной реальности) ожидать прорыва в «новую эпистемологию» не приходится. К сожалению, мир устроен гораздо парадоксальнее: «всё не так, как на самом деле». Или, на ироничном языке Ницше: «Наш мир очень даже правдоподобен». Или совсем проще: есть «явление», и есть «сущность», есть «существование», и есть, опять же, «сущность». И то, и другое в каждой паре не совпадают. Поэтому дифференцируем, не смешиваем.

Можно сказать, что постмодернистская социология просто перешагнула все предупреждения, которые накопила философская и социальная мысль в предшествующие эпохи. Действительно, почему наблюдаемым объектам не всегда можно доверять как свидетелям истинности и подлинности вещей? Особенно этот вопрос принципиален в случае такой отрасли знания, как «человековедение». Есть достаточно оснований согласиться с проверенными наблюдениями: «Если мы принимаем людей такими, какими они есть, мы делаем их хуже» (Гёте); «Лишь вершина человека — это человек» (Парацельс); «Реальность — лучшая видимость самой себя» (Бентам) (цит. по: Жижек 2002: 18). Наш соотечественник Мих. Лифшиц (1905–1983), критикуя (пост)модернизм, давно обратил внимание на ту победу человеческой мысли, когда она (человеческая мысль) стала отдавать отчет в том, что «фактическая» реальность — это то, что надо отличать от «подлинной», «высшей» реальности, или, как говорили уже в эпоху Средних веков, «наиреальнейшей реальности» (*a realibus ad realiora*). И тем не менее постмодерн резко порывает с этой классической традицией и сосредотачивается на «фактах», «событиях», «презентизме». «Порядок ушел, остались события», — скажет Ж. Делёз. Об этой же тенденции говорит (но, кажется, с критической интонацией) Н. Элиас: социология XIX столетия была социологией, изучавшей длительные социальные

процессы, а в XX в. сосредоточилась на данностях и событиях (Элиас 2001). Аналогично у М. Хоркхаймера: «На смену интеллектуальному проникновению в феномены опыта приходит быстрое схватывание фактов» (Хоркхаймер 2011: 47). Об очаровании и гипнозе «фактов», о «слепом культе так называемой действительности» (М. Хоркхаймер) говорят давно. Достойный внимания и самый что ни на есть онтологический подход мы встречаем у Маркса той поры, когда он многому учился у Гегеля, в том числе и тому, как «факты» проверять на критерий «соответствия понятиям», а «самопроизвольным», «большим» и т. д. фактам выносить гегелевский приговор: «тем хуже для фактов!» Социальная и философская классика как в воду глядела. Словно предчувствуя нынешнее постмодернистское грехопадение во все тот же культ «факта», «события», пресловутой «реальности», «презентизма» (термин французского теоретика Ж.-Л. Нанси), Маркс задается вопросом «на все времена»: «Разве „голый факт существования“ какого-либо состояния уже дает ему право на существование?» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 102).

Обратим внимание, что в этом смысле одно из лучших определений социологии дал Ю. Давыдов. Определение на первый взгляд выглядит более чем банально и вроде бы не может претендовать на приписываемую ему здесь точность: «Социология как наука о действительности» (Давыдов 1990 : 737). Заметим, речь идет именно о «действительности», а не «реальности»! В онтологии европейской мысли Нового времени это очень важное и принципиальное различие. (Ю. Давыдов совсем неплохо знал Гегеля, у которого это различие постоянно подчеркивается. В этом плане наш автор знал, что говорил.) *Реальность* может быть любой, в том числе «выдуманной / виртуальной», «ненастоящей»; она может быть «ненормальной / патологичной», например болезнь, девиация; она может быть «дурной / плохой», например как противоположность тому, что в американской социологии называют «хорошим», — см.: «Хорошее общество» («Good Society») у Дж. Гэлбрайта, «Хорошее общество» у В. Федотовой). *Действительность* несет в себе значение «настоящего», «подлинного», «невыдуманного» и т. д., то есть «действительного». Ориентируясь на «действительность», социология имеет все шансы вернуться к «онтологии вещей», как она мыслилась еще недавно и от монизма которой (онтологии) она уклонилась и впала в постмодернистский плюрализм, во «множество онтологий» (Носов 2000). По гамбургскому счету, «множество онтологий» — это оксюморон. «Плюрализм онтологий» — это псевдокатегория. Онтология как учение не просто о бытии вещей, но именно об истинном бытии вещей. (Повторим, само

по себе бытие может быть не обязательно истинным, оно может быть и ложным.) И в этом «действительном», «истинном», «подлинном» и т. д. качестве она, онтология, не может быть во «множественном числе». Как не может существовать такой феномен, как Истина, Бог, Добро, Цивилизация и проч. *in plurali*, во множественном числе. Хотя постмодернистская социология готова замахнуться и трактовать все эти «феномены» в соответствии с самыми различными обстоятельствами исторического места и времени. Последний крик постмодернистской моды — «множество Современностей», или, как выразился один автор, «плюрализм симультанностей» (множество одновременностей). Конечно, в современном (в смысле «здесь и сейчас») мире присутствуют общества, достигшие в разной степени исторического и социального прогресса, и в этом плане к «современным» не все их можно отнести. Если отставание сохраняет в себе самые дикие и бесчеловечные традиции (каннибализм, человеческие жертвоприношения, изуверства на сексуальной почве, насильственные и детские браки, племенные конфликты на грани этнического геноцида, то со стороны действительно современных государств возникает необходимость в политике «принуждения к Современности»). Ясно, что релятивистская утрата смысла Современности как «зрелого» / «цивилизационного» состояния, признание отживающей и нетерпимой «примордиальной архаики» вкраплениями в сегодняшнюю Современность как доказательство состоятельности принципа «множества современностей», принципа «плюрализма цивилизаций», — такая социологическая установка ведет в международной политике к полному оппортунизму, извращению понятия «толерантность» и поощрению худшего в развитии социума.

Хорошо известно: «действительность» у Гегеля, Маркса, Лукача, представителей франкфуртской школы критической социологии, советского мыслителя Мих. Лифшица относится к тому, что составляет «норму», «природу», «истину» etc. социальных вещей. Но в наблюдаемом мире мы сталкиваемся и с искажением «нормы». И эта искаженная «норма» касается не только реальных форм поведения, содержания институтов, но и самого сознания, в которых все та же искаженная «норма» отражается. Эта идеальное (т. е. относящееся, понятно, не к «идеалу», а к сфере сознания) отражение образует область множества «ложных форм сознания» и просто фантастических идей. («Не сознание религиозно, религиозно само общество», — скажет по этому поводу К. Маркс). И все это «хозяйство», не будучи отражением истинного, остается реальным, фактическим и в качестве «правдоподобного» может играть «полезную», «прагматическую» роль и выполнять латентную

функцию (мифы и религия — это слишком очевидный и хрестоматийный пример. «Виртуальные объекты» — более современная иллюстрация из постмодернистского арсенала). Гегелевская методология снабдила теоретическую мысль принципиальным различием между тем, что мы по-русски переводим как «действительность» и «реальность». Отсюда так смутившая «позитивное» сознание и непонятная ему до сих пор аксиома классики: «Все, что действительно, то разумно» — «Alles was ist, ist vernünftig». В терминах классики это синонимы, потому что неразумное ищи в том, что и обозначается по-другому. Обозначается как «реальность». В реальности полно неразумного (патологического, нецивилизованного, девиантного и т. д.). В некоторых интерпретациях и редакциях и вообще «мир лежит во зле».

Но подлинная (в отличие от постмодернистской) онтология не останавливается на этом. Ее пафос состоит в поучительном для теперешней социологии утверждении о том, что подлинность бытия любой вещи (социальные вещи не исключение) фиксируется не только в так называемых умозрительных «идеалах», «понятиях», «принципах», «обобщениях», «универсалиях». Само бытие вещи может заявлять о ее подлинности и норме напрямую, то есть эмпирически. (В некоторых случаях вещи и вообще могут существовать как «эмпирическая универсальность», как «эмпирический символ» чего-то всеобщего — например, деньги.) Можно сказать, что это случай «разумной действительности». Это случай, когда социология имеет дело с эмпирической реальностью, равной «разумной действительности».

Когда это возможно? При одном условии — тот или иной конкретный эмпирический объект так или иначе сопрячен универсальности и всеобщности, то есть он не случаен, а несет в себе черты принадлежности, по крайней мере, к значительному классу явлений, олицетворяет типичное, а не сугубо и неповторимо индивидуальное, идиосинкратичное. Абсолютная идиосинкразия — это патология. Греческое слово «идиот» и «идиосинкразия» — слова имеют однокоренную основу. Проще говоря, работа социолога — искать и находить в исследуемом объекте следы универсального, которое обеспечивает этому явлению условия для нормального (от слова «норма») существования.

Норма как предмет социологии

Как правило, социолог работает в прямо противоположной парадигме. Обычно норма не привлекает внимание социологов как само собой разумеющийся феномен. В патологии вроде бы все выступает

на поверхности до самой что ни на есть эмпирической ясности. Однако этот путь закрывает нам из виду природу социальной вещи, ее самодостаточность как системы или института, либо ее самодостаточность как функции в системе большей, чем она сама. Можно привести пример из исследовательской практики В. Ядова.

Исследуя феномен курильщика, В. Ядов резонно спросил: «Почему углубляемся в психологию курильщика и там ищем факторы этой вредной привычки? Не правильной ли начать с „нормы“, с „нормального случая“, „человека некурящего?“» (Щелкин 2009). Надо думать, что интуиция подсказывала В. Ядову исходить из того, что не просто «уже-не-курящий», а «сознательно» и «необратимо некурящий» — человек, который ментально и культурно более универсален и более богат мотивациями к здоровому образу жизни, чем человек, потрафляющий своему удовольствию от курения. Его культурный и ментальный профиль совпадает с трендом современности, что автоматически говорит о том, что он овладел механизмом воспроизводства и поддержания в себе нормы. И этот механизм представляет собой тот социально значимый факт, который говорит социологу больше, чем знание о генезисе вредных привычек у курильщика со стажем. Иными словами, ключ к пониманию «ненормального» лежит в понимании «нормы». Если же при этом учитывать, что «норма» — это, как говорил Аристотель, когда «предмет равен самому себе», «своей природе», «своему назначению» и т. д., то о «норме» можно сказать с полной аналогией тому, что говорят об истине: она (норма) — критерий самой себе и своей противоположности, то есть любой девиации от нормы.

А) Кроме того, а может быть, и в первую очередь вещь в «норме» означает тот принципиальный факт, что социум самим наличием нормы как бы сам себя моделирует. Как говорится, не надо никаких познавательных усилий со стороны социолога по созданию теоретических моделей реальности: реальность сама себя моделирует. Сама действительность конструирует «образцы» для самоподражания, творит «нормы-модели», которые социум копирует в своих социальных практиках. (Или по каким-то причинам это поддержание нормы оказывается человеческому коллективу не под силу, и «жизнь берет свое», а общество делает облегченный, «оппортунистический» выбор. Демократия в древних Афинах продержалась чуть меньше 300 лет и угасла для мира почти на 2 тысячелетия.) По поводу того, что развитие социума надо рассматривать как «само моделирование», классика оставила достаточно много прекрасных и точных формулировок. Тезис о том, что не только мысль должна стремиться к действительности,

но и, наоборот, действительность должна стремиться к мысли (Маркс 1955: 423), похоже, один из впечатляющих.

Про социологическую мысль нельзя сказать, она нормативна или ненормативна. Во всяком случае, это не самое главное и интересное. Быть нормативной, быть нормой — это прерогатива и удача не столько мысли, сколько действительности. Действительность — лучший изобретатель, чем любая человеческая голова, и «норма», «нормальная жизнь», «нормальное поведение», «нормальные институты», «нормальные парадигмы» — это не частые, но и не редкие шедевры социального творчества человечества.

Б) В качестве примеров напрашивается история создания таких и пользования такими институтами, как, скажем, «государство» и «семья-брак». Государство, прежде чем достигнуть своей вершины и сущности и стать социальным государством перепробовало все вариации. Оно было и где-то остается чисто военным, чисто деспотическим и даже «самототалитарным» государством. Оно было и где-то остается чисто теократическим государством. Оно было и практически перестало быть социалистическим / коммунистическим государством. Были попытки попрактиковать чистый оксюморон — «анархическое государство». Были искушения помечтать об «эстетическом государстве» (Ф. Шиллер). И что же? Модель-норма современного «социального государства» остается, так сказать, вне конкуренции. Тем более этот тип (от слова «типический») не исключает дисциплинарной составляющей как всякого государства. И уж совсем тем более, что в своих лучших «реквизитах» современное социальное государство может обнаруживать высоту и достоинство принципов морали и справедливости, не исключаящих в этом случае, прости, Ф. Шиллер, эстетической гордости за государство в такой «норме», в таком «формате».

В) Примерно в таком непостмодернистском, классическом ключе бесполезно взглянуть на теперешний кризис в области сексуальных и брачных отношений. Социолог по своей профессиональной судьбе поневоле остается предельно чутким к тому, что на его птичьем языке называется «когерентностью», «социабельностью», «связанностью», «солидарностью» и т. д. человеческих (персональных) отношений. Само понятие «отношение» несет в себе смысл связи, связанности между людьми. Интенция всех социологических исследований в конечном счете сводится к пониманию механизма прочности и причин, разрушающих прочность этой социальной (в широком смысле) связи, консенсуса, интеграции, солидарности и проч. Что можно сказать в этом плане о семье, браке и институте сексуальных отношений?

Многое можно сказать. Но от этого не легче. Как остроумно выразился один исследователь: «Семья — это то, о чем мы знаем слишком много, чтобы исследовать ее объективно» (Goode 1964). И именно сегодняшний кризис семьи («Child-free family», «гостевой брак», «брак без обязательств», «брачный этюд» и т. д.) поневоле заставляет обратиться к истинной природе и сущности брака. Заставляют говорить о браке, соответствующем его «понятию» и «онтологической норме». Беспрецедентный взрыв радикального феминизма, приведший в западном мире легализации same-sex marriage, стал, как известно, источником озабоченности в интеллектуальных и общественных кругах по поводу самой большой иллюзии XXI в. — равенства гетеросексуальных и гомосексуальных браков и легализации в этом качестве последних. Юридический релятивизм («сексуальный», «брачный плюрализм», как в постмодернистской манере выразился Э. Гидденс) означает, похоже, тот предел, до которого может идти «постклассическая девиация» в сфере эмансипации сексуальных отношений, когда свобода этих отношений разрушает свободу как условие человеческих связей. «Норма» и «онтология вещей» заговорили на языке теоретического и практического резистанса эксцессам сексуальной революции по сценарию леворадикального феминизма. Релятивистское сбрасывание со счета «онтологической нормы», которая в качестве традиционной семьи являет собой беспрецедентный пример не только био-, но и социальной «связанности — интеграции — солидарности», превышающие эти параметры даже в «большом обществе», — подобное сбрасывание их со счета чревато и заканчивается, как во всех радикальных революциях, только одним — «вечным возвращением» к норме, «реставрацией нормального» или, как на эту тему выразился наш соотечественник, говоря о неизбежности и продуктивности, «*Restauratio Magna*» (Мих. Лифшиц).

Г) О каких феноменах в сегодняшнем обществе можно сказать, что они так или иначе убежали от «нормы» и в этом смысле от «своего назначения», опять же от «своей природы». Таких кейсов достаточно много, чтобы останавливаться на отдельных и бросающихся в глаза примерах.

Вся сегодняшняя культура восприятия реальности построена на аллергии к понятию «нормы» в единственном числе и утверждении эклектизма «множественности норм», что означает отказ от абсолютного смысла «нормы», или «сущности» вещи. Норма — как противоположность девиации и патологии — самый токсичный термин в словаре постмодернистской социологии, что делает весь корпус этой

социологии в лучшем случае тем, что Аристотель называл (бессмысленным) «удвоением действительности».

В этом плане много критического можно сказать о профессиональном спорте. Он стал площадкой пребывания все более юных «организмов». Период присутствия в некоторых видах спорта стал настолько коротким, что окончание спортивной карьеры (например, фигурное катание) отмечается уже чуть ли не в 18–20 лет. Спорт стал технически сверхсложным и агрессивным. Игровой и эстетический элемент, так соответствующий природе спорта и участвующего в нем человека, исчез без всякого сожаления со стороны современного общества. «Массовость» спорта стала ассоциироваться с ревущими в экстазе фанатами, для присмотра за которыми нанимаются целые армии стюардов. Похоже, что социология, будучи самосознанием и критической функцией социума, с оппортунистическим благодушием смотрит на эти «метаморфозы» физической культуры в сторону коммерциализации, рекламы и шоу. Если не ошибаюсь, последней теоретически глубокой реакцией была работа классика социологического жанра Й. Хейзинги «Homo Ludens».

Размеры статьи не позволяют говорить о «блестящей посредственности», в которую превращается массовое изобразительное искусство и литература, ориентирующаяся на эклектику, дилетантизм, рынок непрехотливого безвкусыя.

Что мешает современному социологическому сообществу, по природе своей отвечающему за истину и понимание происходящего в социуме, «оглянуться во гневе»? И с той исследовательской глубиной и озабоченностью, какими можно охарактеризовать работы, например, таких «последних классиков», как М. Хоркхаймер в Европе или Мих. Лифшиц в СССР?

«Принципное общество»

Приглядываясь к основным чертам постмодернистской социологии и перечисляя их, помимо культа повседневности, онтологизации фактов как последней реальности, сознательное пренебрежение теоретическим и эссенциальным в пользу эмпирического как единственной достоверности, разведя на абсолютно разные полюса познание и оценку, а значит, не признавая за социологическим знанием достоинства оценочных суждений и в качестве общего знаменателя выбрав позицию, как уже говорилось, «онтологического релятивизма» (все социальные состояния равнозначны), — так вот, похоже, остается в этом ряду упомянуть

еще и тот методологический дефект, который для краткости можно назвать «дефицитом принципности».

Понятно, что речь идет не о принципах постмодернистской социологии, а о том, что социум, а точнее, его локальности с точки зрения «презентизма», «фактичности» и т. д. не несут в себе никаких принципов, которые так или иначе организуют и сами локальности, и связи между ними. Такая «современность» «текуча», «трангрессивна» и т. д. Она не только не организована универсальными принципами. Она — по этой причине — не может быть схвачена в «понятиях». Для ее понимания нужен якобы такой же текучий словарь образов. Серьезный читатель, пожелавший, например, узнать, что есть Америка эпохи «постмодернити», и взявший в руки бодрийеровскую «Америку», будет, если он, конечно, не опьянен постмодернистским дискурсом и экспрессионистским сленгом, скорее всего, разочарован. Классическая мысль в лице А. де Токвиля отнеслась к феномену «Демократия в Америке» более дисциплинированно, а значит, и более научно. (Первое в определении «науки» — это слово «дисциплина». Вспомним рецепт Ницше в порядке (само)дисциплины для человечества поусердствовать на поприще науки.) «Демократия в Америке» вошла в золотой фонд социологической классики, чего не скажешь об «Америке» Бодрийера — постмодернистском эссе, изложенном не без художественного изящества.

Итак, что означает утрата понимания современного общества в аспекте принципа или принципности как онтологической реальности человеческого общества? Конечно, постмодернисты могут поставить себе в заслугу отказ от кантовского ригоризма: «Пусть хоть погибнет мир, но восторжествует принцип!» Но они пошли еще дальше — принципы-де вообще не структурируют социальный мир. Этот мир ускользает от диктата принципов. Он рассыпается в «плюрализме реальностей». Мир «контингентен» в абсолютном смысле: любое социальное видение, любой социальный опыт «легализуется» как реальность, имеющая право на существование. Тренды, константы, закономерности, а тем более принципы — все тонет в релятивизме.

А между тем еще относительно недавно в социологии разрабатывалась и работала такая категория, как «принципное общество». «Быть на высоте принципа» (*a la hauteur de principes*) — значит олицетворять важнейшую черту любого развитого (продвинутого) человеческого сообщества, устойчивого к антисоциальной коррозии — деинституционализации, анархизму, моральной и культурной деградации. В лексиконе классической социальной мысли, равно как и в императивах политической практики, со второй половины XIX столетия эта позиция называлась победой принципа.

Природа «принципного общества» парадоксальна и незаслуженно обойдена социологической рефлексией. В самом деле, будучи трудным и героическим завоеванием политической практики Нового и Новейшего времени, оно («принципное общество») действительно в эпоху постмодернизма не только не получило своего интеллектуального отражения, но и, как неудобное, токсичное понятие, исключено из словаря модных социологических школ и течений. Вместе с тем следовало бы обратить внимание, что природа «принципного общества» открывает для социологии направление той дискуссии, которая еще по-настоящему не начиналась.

В этой дискуссии о роли принципа в организации жизненной среды человеческого обитания мы и в самом деле вступаем в область парадоксов и нетривиальных противоречий. Выясняется, что «принцип» (от лат. *prīncipium* — «начало, первопричина») рождается социальной жизнью с прямой целью регулирования и организации этой жизни. Но если «принцип» рождается напрямую из социальной практики, то надо сказать, что, будучи ее (практики) собственным, внутренним, «заинтересованным» элементом, он не может выполнять роль независимого и беспристрастного арбитра и организатора. Иными словами, если принцип имманентен системе, то, как известно («теорема неполноты» Гёделя), такой принцип никакой регулирующей роли играть не может. Отсюда принцип должен быть трансцендентен системе. Дилемма из разряда занимательных.

Само по себе общество вроде бы не склонно вырабатывать институт самоконтроля и поддержания нормы. Исторический календарь «войны / хаоса» и «мира / благоденствия» явно не в пользу последнего: «война старше мира», как заметил один из классиков социологии. Или, что то же самое, «всемирная история не есть арена счастья», по словам другого корифея философии. Остановить это самопотворство варварству, «империализму», децивилизации etc. может только принцип, соответствующий своей критической природе. И собственно человеческое общество начинается с появления именно таких принципов. На смену «духовному царству животных», на смену «войне и бесстыдству» (по легендарному слову Терсита, незаметному герою гомеровской «Одиссеи») появляются признаки социума, ориентирующегося на прямо противоположные ценности (они же принципы). Будучи трансцендентными «старому режиму», они возникают из кризисов «старого режима». Другого пути, если не впадать в мистику, нет. «Если уж на свете правды нет, то нет ее и свыше». Но родиться принципу из недр «ненормального» — это еще не значит задержаться на поверхности.

Рецидивы «ненормального» — это вполне «нормальная история». Многое, достойное цивилизации, зацепляется не с первого раза.

Современность формируется под знаком хорошо нам известных принципов демократии, гуманизма, прав человека, верховенства права. Сказать, что они необратимо закрепились в мировом масштабе, было бы большим преувеличением. В некоторых случаях мы даже имеем ситуацию хуже, чем в недавнем прошлом.

Одна из причин — природа самих принципов. У принципов являются двойники-симулякры. Например, что может составить конкуренцию такому абсолютному и недвусмысленному принципу, как верховенство права? Тем не менее хорошо известен такой исторический эпизод, когда имело место искушение другим «проектом», именуемым «социализм / коммунизм», в практике которого ни на йоту не было приверженности принципу верховенства права. Даже лингвистически коммунизм проходил у его практикующих сторонников не как принцип, а как идея. Непопулярный в СССР 36. Бжезинский тем не менее был недалек от истины, когда выразился в те годы в том духе, что СССР управляется идеями, а США — принципами. Не надо большого социологического чутья, чтобы почувствовать разницу между «принципным» и «идейным» обществами. Принципы, если они несут в себе признаки социумной «нормы», жизненного «реализма» и «неуравнительной справедливости», управляют обществом адекватнее, продуктивнее и цивилизованнее, чем идеи, ставшие вместилищем утопии и доктринальной нетрезвости.

Критическая социология. И критика социологии

Принципы выступают в роли критического начала по отношению к теоретическим и практическим отклонениям от этих принципов. Для общества лучшим проводником такой критики выступает социология. К сожалению, среди сегодняшних социологов можно наблюдать неоправданно узкое и нарочито прямолинейное понимание критики. Для социолога сводить критику к обличению и публичному осуждению крайне не пристало. И хотя за критикой действительно тянется этимологический хвост «суда, осуждения и вынесения приговора», главное в критике — адекватность суждения о предмете, чем уже отметаются ряд ложных и поверхностных суждений об этом предмете. В этом смысле полноценное социологическое (рас)суждение уже само по себе есть критика. Ему не надо быть «специально» критическим, относиться по ведомству «критической социологии».

Тем не менее выделение «критической социологии» чуть ли не в отдельную отрасль знания продолжает оставаться заметным трендом. В частности, хорошо известна классификация М. Буравого, который делит социологию на: 1) академическую, 2) критическую, 3) прикладную, 4) публичную (Burawoy 2005). В таком делении нет ничего порочного. Действительно, это позволяет ориентироваться в огромном море социологических суждений, причем каждое из них может быть отнесено к одному или даже нескольким вышеперечисленным видам социологии. Проблема в другом.

Социология и так потонула в необязательном избытке/плюрализме плюрализме социальных тем. Теперь вот «множественное число» коснулось и статуса самой социологии. Выделяя академическую (она же общая, теоретическая и т. д.) социологию наряду и на равных правах с другими социологиями, мы сильно искажаем смысл и возможности социологии как монистической науки. Почему эта академическая, теоретическая, чистая и т. д. социология сама по себе не может быть критической? Когда-то Ч. Р. Миллс назвал теорию Т. Парсонса «великой праздной теорией». Означает ли это то, что Т. Парсонс был менее критичен в отношении (американского) капитализма, чем сам Ч. Р. Миллс? В определенном смысле автор «Властвующей элиты», конечно, актуально критичнее по поводу американской системы 1950-х гг. Но и парсонсовская модель может выступать и выступает как критика реальности. В каком смысле? Структурно-функциональный пафос Т. Парсонса — это ведь прежде всего о выделенных американским автором *общих условий социальности*. Именно забота и тревога о том, что этим условиям потенциально всегда есть угроза, и могла составлять основу интенционального пафоса у Парсонса.

И то правда, по парсонсовской модели можно, например, замерить те (пост)модернистские отклонения современного общества (особенно в сфере культуры), по поводу которых (отклонений) последующая социология 1970–90-х годов (весь корпус «неоконсервативных» авторов, включая Д. Белла, а также К. Лэш, П. Бурдье, Л. Болтянски и др.) высказывалась в заметно негативных терминах. В частности, неоконсерватор Д. Белл напишет работу «Культурные противоречия капитализма» (1976), где будет проведена мысль о том, что общество эпохи (пост)модерна принципиально неинтегрировано как целое, принципиально «дизъюнктивно»: экономика, политика, культура — каждая из них вращается вокруг своего «осевого принципа». Особенно эгоистично и постмодернистски ведет себя культура в современном обществе и провоцирует массу аномальных парадигм, на которые с прибылью для себя ориентируются политика и экономика.

В самом деле, раньше культура (религия, философия, собственно высокое искусство) задавала некий неререфлексируемый, но притягательный цивилизационный образец-фрейм для подражания у остального общества. Как домен «возвышенного», ее авторитет базировался на разумной отстраненности от «падшего мира». Творцы и носители культуры всегда оставались сопричастными царству гуманистических «целей и смыслов», которые как таковые не входили в компетенцию других субъектов, работающих в сфере, которую обычно называют сферой «средств и инструментов»: техника, экономика, политика, медицина и даже наука. Сегодня культура, не «испытывая угрызения совести», шумно превращается в малочивилизованный феномен — «культурную индустрию» («культурку») времен постмодерна. На деле это означает, что культура вступила во взаимовыгодный симбиоз с тем, чему она была и должна оставаться настоящим ценностным ориентиром. Как результат, квазикультура, экономика турбокапитализма и популистская политика мачо-лидеров — все это процветает, а общество в целом теряет устойчивость и деградирует. Это тот вывод, к которому приходят сегодня многие ведущие социологи. Если в свете этих результатов задаться вопросом, а что есть социология и где ее «критическая бдительность» и «боевое искусство» (П. Бурдьё), то приходится признаться, что равнодушие и отсутствие критического отношения к происходящему было самым большим «смятением» для многих современников (Болтянски, Кьяпелло 2011).

Но дело не только в том, что в теперешней социологической «посткультуре» не хватает критического начала как такового. Уже говорилось, что такого начала на первый взгляд не было в системных моделях общества (у Т. Парсонса) или науки у Р. Мертонa. Тем не менее, в отличие от таких «критических» социологов, как, например, Ч. Р. Миллс, О. Гоулднер, А. Этциони, с этой стороны внесших свой вклад в социологию, Т. Парсонс, раз уж мы говорим о нем, интересен не прямой критикой современной ему реальности, а, повторимся, тем, что может быть названо картиной социума в универсальных и «абсолютных» терминах: и где «нормальный» означает «недевиантный», «непатологический», «недисфункциональный»; «гуманистический» — «достойный человеческого существования», «гармонический» — «когерентное» состояние главных институций общества (экономика, политика, экология, международный порядок). Представлять обществу с помощью социологии образ его (социума) «нормального» «иногобытия» — это в чистом виде критика «здесь-бытия», которое всегда полно аномалий и отклонений.

В этой связи небезынтесный момент. Социальная критика капитализма началась позднее, чем щедрое написание «положительной» картины человеческого будущего у социалистов-утопистов. Есть ли в этом своя закономерность и как эту закономерность можно сформулировать? Если общественная мысль (протосоциология) начала не с истребительной критики порочных «частностей» капитализма, а с образа будущего устройства социума как некой полноценной нормальности, то нельзя ли сказать, что критическая ценность такого варианта осмысления социальной реальности имеет свои преимущества: сразу видно, чего не хватает или что отсутствует у текущей современности по сравнению с моделью социума, описываемого, как правило, в футурологических и виртуальных терминах с «заботой о целом». Частичная критика общества (капитализма) — это, так сказать, «сопровождающая критика» без видения ситуации в целом, без взгляда «с высоты птичьего полета» и может сопровождать развитие, становление общества необязательно в направлении к «норме», «цивилизованности», своей полноценности. Могут возразить, что образ общества в подобном формате («норма», «цивилизованность», «полноценность») чреват утопизмом и характерными для утопизма проколами. Это — правда, по поводу которой можно сказать следующее: ошибки в понимании общества, соответствующего своей «природе», своей «норме», своему «определению» и т. д., не идут в сравнение с последствиями, которые мы можем наблюдать при частичной, сопровождающей, а значит, слепой критики как критики «с близкого расстояния».

Любопытную параллель мы находим в истории художественной литературы. Имеется в виду оценка пределов критического реализма в России во второй половине XIX столетия. Авторство этого наблюдения принадлежит Мих. Лифшицу, который пальму первенства отдает писателю и мыслителю Андрею Платонову, написавшему «однажды статью о Пушкине, в который была проведена совершенно верная мысль, согласно которой искусство нашего великого поэта является выражением положительного начала в самом высоком смысле этого слова и не может быть сведена к идее критического разоблачения действительности <...> Меня радуют высказанные ныне сомнения в безусловной применимости термина „критический реализм“ ко всем выдающимся произведениям художественной литературы <...> и желание подчеркнуть громадную роль положительного, нравственного и эстетического начала в русской классике» (Лифшиц 1983: 85–86).

Критика критической социологии открывает, таким образом, тот факт, что критическое отношение к действительности не сводится

только к непосредственной реакции (как правило, негативной) на эту реальность. Но это не умаляет и значения этой непосредственной, частичной, «с близкого расстояния» критики. Проведенная последовательно, она вполне может достичь видения картины предмета в его «нормальном будущем» («Вещи нет, когда она только начинается», как говорил один классик). Поэтому постмодернистская метаморфоза — это плохая услуга сегодняшней теоретической социологии, потому что в такой социологии нет вообще никакой критической интенции — ни критики непосредственной, ни критики опосредованной (опосредованной пониманием ситуации на сущностном уровне). В постмодернистски ориентированной социологии отсутствует по определению дух критики. Для такой социологии нет таких феноменов, как девиация и аномальность. Для такой социологии все состояния равнозначны. То, что с классических позиций является аномальным, с позиции социологии времен «постнауки» и «постправды» является просто «другой нормой». Все тонет в фарисействе «равнозначности» всех состояний, в стихии «множества истин» и всяких «аксиом» типа «правила Макнотена». Неудивителен и результат, который вынужден, например, констатировать известный социолог Г. Терборн: «Современная социология, к сожалению, не играет сегодня той решающей роли, которую она должна играть в современном мире» (Терборн 2013: 18).

И в качестве резюме. Да не будет оно выглядеть бегством от поставленной проблемы. У современной теоретической социологии накопилось столько внутренних методологических и эпистемологических проблем, что решение их займет годы и, возможно, будет проходить под знаком нового формата. Новое — хорошо забытое старое: в формате «неоклассики».

Источники

Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. VI, № 1. — С. 24–53.

Болтянски Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Давыдов Ю. Послесловие // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — с. 737

Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального! — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Лифшиц М. Плоды Просвещения / Мих. Лифшиц. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1983.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1955.

Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в современную эпоху. — М.: ИФ РАН, 2007.

Носов Н. Словарь виртуальных терминов. — М.: Путь, 2000.

Подвойский Д. Тропами модерна: социологические вариации на тему [Электронный ресурс]. — URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/tropami_moderna_sociologicheskije_variatsii_na_temu_2014-05-14.htm (дата обращения: 20.08.2021).

Терборн Г. Социология: призвание и профессия // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — № 1. — С. 5–19.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 20.08.2021).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.

Хоркхаймер М. Затмение разума. — М.: Канон+, 2011.

Цивилизация. Восхождение и слом: Сб. / Отв. ред. Э. В. Сайко. — М.: Наука, 2003.

Щёлкин А. «Культура нездоровья» как проблема практической социологии // Всероссийская научная конференция «Здоровье — основа человеческого капитала: проблемы и пути их решения». — СПб.: Вести, 2009.

Элиас Н. О процессе цивилизации. — Т. 1. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

BBC NEWS 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46590576> (дата обращения: 20.08.2021).

Burawoy M. For Public Sociology. 2004 Presidential Address // *American Sociological Review*. — 2005, February. — Vol. 70. — P. 4–28.

Goode. W. The Family. — Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, 1964. — P. 5.

References

Beck U. Kosmopoliticheskoye obshchestvo i yego vragi [Cosmopolitan Society and Its Enemies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. 6, no. 1. (In Russian)

Boltyanski L., Chiapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. Moscow, New Literary Review, 2011. (In Russian)

Burawoy M. For Public Sociology. 2004 Presidential Address. *American Sociological Review*, 2005, February, vol. 70. — pp. 4–28.

BBC NEWS 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46590576> (access date: 20.08.2021).

Davydov Y. Poslesloviye [Afterword], in: *Weber M. Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress, 1990. (In Russian)

Elias N. *O protsesse tsivilizatsii* [On the Process of Civilization]. Vol. 1. Moscow, St Petersburg, University book, 2001. (In Russian)

- Goode. W. *The Family*. Englewood Cliffs (New Jersey), Prentice-Hall, 1964, p. 5.
- Habermas J. *Modern — nezavershennyi proyekt* [*Modern — unfinished project*] [Electronic resource]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (access date: 20.08.2021). (In Russian)
- Horkheimer M. *Zatmeniyе razuma* [*Eclipse of the mind*]. Moscow, Kanon+, 2011. (In Russian)
- Huntington S. *Stolknoveniyе tsivilizatsiy* [*The clash of civilizations*]. Moscow, AST, 2003. (In Russian)
- Lifshits M. Plody Prosveshcheniya [Fruits of Enlightenment], in: *Lifshits, Mich. V mire estetiki* [*In the World of Aesthetics*]. Moscow, Fine Art, 1983. (In Russian)
- Marx K. K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedeniye [To the criticism of the Hegelian philosophy of law. Introduction], in: *Marks K., Engels F. Sochineniya* [*Collected Works*], vol. 1. Moscow, Politizdat, 1955. (In Russian)
- Motroshilova N. *Tsivilizatsiya i varvarstvo v sovremennuyu epokhu* [*Civilization and barbarism in the modern era*]. Moscow, Institute of Philosophy of RAS, 2007. (In Russian)
- Nosov N. *Slovar' virtual'nykh terminov* [*Dictionary of virtual terms*]. Moscow, Put, 2000. (In Russian)
- Podvoisky D. *Tropami moderna: sotsiologicheskiye variatsii na temu* [*Paths of Modernity: Sociological Variations on the Theme*] [Electronic resource]. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/tropami_moderna_sociologicheskije_variatsii_na_temu_2014-05-14.htm (access date: 20.08.2021). (In Russian)
- Shchelkin A. “Kul'tura nezdorov'ya” kak problema prakticheskoy sociologii [“The Culture of Illness” as a Problem of Practical Sociology]. *Vserossiyskaya nauchn. konferentsiya “Zdorov'ye — osnov achelovecheskogo kapitala: problemy i puti ikh resheniya”* [*All-Russian scientific. conference “Health is the basis of human capital: problems and solutions”*]. St Petersburg, Vesti, 2009. (In Russian)
- Terborn G. Sociologiya: prizvaniye i professiya [Sociology: vocation and profession]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [*Journal of Sociology and Social Anthropology*], 2013, no. 1, pp. 5–19. (In Russian)
- Tsivilizatsiya. Voskhozhdeniye i slom. Sbornik* [*Civilization. Climbing and scrapping. Collection*]. Ed. by E. V. Saiko. Moscow, Nauka, 2003. (In Russian)
- Zhizhek S. *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo!* [*Welcome to the Desert of the Real!*]. Moscow, Fund “Pragmatics of Culture”, 2002. (In Russian)

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
evropa.ru@gmail.com

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
evropa.ru@gmail.com

IN MEMORIAM

DOI: 10.25990/socinstras.pss-16-6

Памяти Светланы Владимировны Лурье

Двадцать пятого августа 2021 г. ушла из жизни ведущий научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, доктор культурологии Светлана Владимировна Лурье.

Светлана Владимировна родилась 8 января 1961 г. в Ленинграде в семье преподавателей Полиграфического института. Окончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета. В 1989 г., не имея специального образования и опыта работы в социологии, приняла участие во Всесоюзном конкурсе исследовательских программ молодых социологов, где заняла первое место. В том же году была приглашена Б. М. Фирсовым в создаваемый Ленинградский филиал Института социологии Академии наук СССР (в настоящее время — Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН), в котором прошла путь от младшего до ведущего научного сотрудника. В 1994 г. победила в Международном конкурсе молодых социологов при Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде с междисциплинарной работой по социологии, этнопсихологии и востоковедению «Динамика русско-армянской контактной ситуации в Закавказье».

В 1996 г. в Институте востоковедения РАН защитила кандидатскую диссертацию по теме «Российская и Британская империя на Среднем Востоке в конце XIX — начале XX века: идеология и практика». В 1998 г. получила ученую степень доктора культурологии. Стала известна своими трудами по исторической этнологии и психологической антропологии. Вышедшее в 1996 г. учебное пособие «Историческая этнология» выдержало четыре издания, его продолжением стало опубликованное в 2005 г. под грифом Министерства науки РФ учебное пособие «Психологическая антропология». В 2012 г. опубликовала книгу «Империи» о разных аспектах имперской истории Римской, Византийской, Российской, Советской и Британской империй.

В последние несколько лет продолжала разрабатывать проблемы общей теории культурологии и особенно продуктивно занималась исследованиями межнациональных браков, опубликовав по этой теме около 20 научных статей.

Персональный сайт Светланы Владимировны Лурье:
www.svlourie.ru

Интервью Светланы Лурье Борису Докторову из книги
«Биографические интервью с коллегами-социологами»:
<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/kontekst/zvezdnyi-put-avtora-teorii-etnicheskih-konstant>

Памяти Будимира Гвидоновича Тукумцева

Как-то не укладывается в сознании, что нет больше Будимира Гвидоновича. Он прожил и пережил столько, что казалось, он будет жить еще очень долго и сто лет для него — не предел. Он при жизни стал живой легендой нашей социологии, проработав в ней 51 год! И работал до последних дней своей жизни. Он был человеком эпохи 60-х гг. XX в., когда наша страна отходила от сталинского кошмара и бурно развивались все сферы общественной жизни. Именно тогда вновь возродилась и российская социология, и Будимир Гвидонович был у ее истоков.

Помню тот день в 2005 г., когда открылась дверь в сектор «Социологии науки и инноваций» и его руководитель Александр Васильевич Тихонов пропустил впереди себя высокого худощавого человека какой-то нездешней, европейской внешности и провозгласил: «Прошу любить и жаловать, наш новый сотрудник — Будимир Гвидонович Тукумцев». И тут я его сразу узнал. До этого момента я дважды встречал его. Первый раз, когда учился на факультете социологии и социальной психологии ленинградского Университета марксизма-ленинизма (да, был такой). Собственно говоря, с этого факультета и начался мой путь в социологию. И тот же Александр Васильевич Тихонов, который читал там курс социологии, в один из дней представил слушателям Будимира Гвидоновича как крупнейшего в СССР специалиста в социологии труда. И Будимир Гвидонович прочитал нам интереснейшую лекцию об исследовании трудовых коллективов, в которых он участвовал. Было это в 1979 г. И тогда отложились в памяти и его образ, и удивительная манера чтения лекции, когда он разыгрывал настоящий спектакль, показывая различные типы рабочих и руководителей.

Второй раз я встретился с Будимиром Гвидоновичем, когда уже работал заводским социологом на одном из крупных производственных объединений Ленинграда. Для нас, молодых социологов, действовала «школа заводского социолога», которой руководил Борис Иванович

Максимов, возглавлявший тогда социологическую службу Кировского завода. И на одном из занятий этой школы в 1983 г. я снова увидел Будимира Гвидоновича. Тогда главной проблемой для заводских социологов было внедрение бригадных форм труда на предприятиях. И Будимир Гвидонович прочитал нам лекцию об опыте внедрения бригадного подряда на АвтоВАЗе, в котором он участвовал как исследователь и консультант. Эта лекция и те статьи Будимира Гвидоновича, которые я отыскал в Публичной библиотеке, очень помогли мне тогда в работе.

И мне предстояло работать с этим «гуру» заводской социологии в одном секторе!

Теперь я вспоминаю время моей работы вместе с Будимиром Гвидоновичем как лучшее в моей социологической карьере. Мы вместе осваивали совершенно новую для нас обеих отрасль знания «социология инноваций». Особенно мне запомнилась работа по возглавляемому Будимиром Гвидоновичем гранту РГНФ «Формирование инновационной культуры как условия перехода России к инновационному развитию». Это были 2006–2008 гг., годы медведевской «оттепели». Я поражаюсь, с каким энтузиазмом Будимир Гвидонович работал над этой проблематикой. Он предложил новый подход к изучению инновационной культуры, основывающийся на культуральной социологии Дж. Александера. И это в 80-летнем возрасте! Результатом деятельности Будимира Гвидоновича в социологии инноваций явились 14 публикаций по этой тематике с 2007 по 2014 г. Без сомнения, эти работы войдут в классику социологии инноваций в современной России.

Для меня так и осталось загадкой жизненное и творческое долголетие Будимира Гвидоновича. Очень многие коллеги сходили с «научной дистанции» задолго до того возраста, в котором он продолжал полноценную научную жизнь. У меня есть на этот счет гипотеза. Будимир Гвидонович был среди нас человеком из «другой России», той, «которую мы потеряли». Будимир Гвидонович много рассказывал мне о своих предках, среди которых были предприниматели, офицеры старой русской армии, ученые. Можно ли встретить сегодня среди нас человека, который знает свою родословную с XV в.?! А Будимир Гвидонович знал своего предка, который в XV в. приплыл в Латвию из Любека среди немецких переселенцев. В роду у него перемешалось столько национальностей, что даже трудно их все перечислить. Я долго думал, откуда в Будимире Гвидоновиче столько аристократизма и интеллигентности. Мне иногда казалось, что он мог бы сниматься в исторических фильмах в роли гвардейских офицеров или высших сановников. Как-то он показал мне свою фотографию в форме железнодорожных войск,

ведь по первому своему образованию он был инженером-железнодорожником, а до 1956 г. весь инженерный и управляющий состав железных дорог принадлежал к железнодорожным войскам. Так вот, форма эта на нем сидела как влитая. Вот что значит «порода», сформированная веками отбора всех лучших качеств многих поколений предков, преданно служивших России.

Будимир Гвидонович, кроме научной деятельности, занимался также и историей своего рода. Я знаю, что он написал об этом книгу, а также мемуары о своей жизни. Мне кажется, что биографический фонд нашего института должен обязательно включить эти материалы в свою коллекцию. Сама жизнь Будимира Гвидоновича может быть материалом для исследований не только социологии и истории науки, но и истории России.

Я счастлив, что мне довелось работать совместно с таким выдающимся человеком. Светлая память о нем будет поддерживать меня до конца моих дней.

Мищенко Александр Сергеевич,
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН

Памяти Александра Васильевича Тихонова

К большому прискорбию, спустя два дня после смерти Будимира Гвидоновича Тукумцева скончался его друг и единомышленник Александр Васильевич Тихонов. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, они, по мнению Б. З. Докторова, принадлежали к одному и тому же социологическому поколению и к одной и той же Ленинградской социологической школе. Эти два человека сыграли огромную роль в моей профессиональной жизни. Я хочу поделиться своими воспоминаниями об Александре Васильевиче, которые, может быть, помогут лучше понять жизнь и творчество этого незаурядного человека и выдающегося ученого.

Впервые встретился я с Александром Васильевичем Тихоновым в 1979 г. Я был молодым инженером, работавшим в одном из проектных институтов Ленинграда. Как молодого коммуниста, меня направили на учебу в Университет марксизма-ленинизма Ленинградского горкома КПСС. Так я оказался на отделении социологии и социальной психологии. Занятия проходили в Таврическом дворце. И на первой же лекции в большом зале к нам вошел высокий, элегантный и какой-то очень обаятельный человек лет сорока. Он резко контрастировал с теми преподавателями общественных наук, с которыми мне приходилось встречаться до этого, учась в Политехническом институте. «Доцент Тихонов, Александр Васильевич», — представился он. Я тогда и подумать не мог, что с этого момента начнется мой путь в социологию.

Александр Васильевич был главным преподавателем на отделении, он читал нам курс «Методология и методика социологических исследований», но на самом деле это был полноценный курс «Общей социологии», начинающийся историей социологии как науки, обзором основных социологических концепций и заканчивающийся собственно методикой проведения эмпирического социологического исследования. Именно на этих лекциях перед нами развернулась картина настоящей «науки об обществе». Время было глубоко застойное, вопросов

о «развитом социализме» накопилось у всех предостаточно, и часто занятия заканчивались дискуссией по поводу реального социализма и почему он так отличается от теоретических построений марксизма. Александр Васильевич не уклонялся от самых острых вопросов, сводя ответы к тому, что это результат того, что при Сталине была уничтожена социология, чьей задачей и является изучение общества для его совершенствования. Конечно, речь шла о марксистской советской социологии. К концу первого года обучения вокруг Тихонова сложился кружок энтузиастов, интересующихся социологическими исследованиями, среди которых оказался и я. И в один прекрасный день Александр Васильевич предложил создать общественную социологическую лабораторию при отделении социологии и социальной психологии. Все мы с радостью согласились. Было нас человек двадцать, молодых коммунистов, работающих на различных предприятиях и в организациях Ленинграда.

Второй год обучения оказался еще более интересным. Он был посвящен различным отраслям социологии. Александр Васильевич приглашал специалистов для чтения лекций по различным направлениям «социологических теорий среднего уровня». Ах, какие это были специалисты: В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан, И. С. Кон, С. И. Голод, Б. М. Фирсов, А. В. Баранов. Цвет и гордость советской и российской социологии, ее отцы-основатели, создатели и представители Ленинградской социологической школы. Это я сейчас понимаю, а тогда мы все, не представляя, какого уровня ученые перед нами выступают, слушали их затаив дыхание, так было интересно все, что мы слышали. Мне думается, что и само отделение социологии и социальной психологии было «проектом» этой самой школы и одним из инициаторов его был Александр Васильевич.

А в общественной лаборатории мы разрабатывали проект исследования «Политическая культура советского человека», который предложил Александр Васильевич. К концу обучения была разработана концепция и методика исследования. После получения нами дипломов социологов работа по этому проекту переместилась в лабораторию проблем профсоюзного движения, которая функционировала при Высшей профсоюзной школе культуры, которой и заведовал тогда Александр Васильевич. Мы собирались у него в лаборатории и готовили полевой этап работы. Все мы работали в разных организациях и предприятиях Ленинграда, и каждый из нас проводил анкетный опрос у себя на работе. Получилась очень представительная выборка из более чем 2 тысяч анкет. Они были обработаны в одном из вычислительных центров города. Было решено по результатам этого исследования выпустить

сборник статей. Именно тогда я под руководством Александра Васильевича написал свою первую социологическую статью, называлась она, насколько я помню, «Политическая культура советского инженера». Статья Тихонову понравилась, и он совершенно неожиданно для меня предложил перейти на работу к нему в лабораторию в качестве лаборанта. К тому времени я уже понимал, что социология мне интереснее, чем моя инженерная специальность. А на дворе стояло лето 1983 г. И в один из вечеров мне на домашний телефон вдруг неожиданно позвонил Александр Васильевич. Он задал мне вопрос о том, не хочу ли я поработать социологом на одном крупном научно-производственном объединении города. Причем ответ нужен сразу, потому что он уходит с должности заведующего лабораторией и другого случая мне уже не представится. Я предложил встретиться и обсудить эту работу. Александр Васильевич ответил, что нам теперь не стоит встречаться и что он теперь «под колпаком у Мюллера». Он продиктовал мне телефон заведующего заводской социологической лабораторией и попрощался со словами: «Поработайте на заводе, наберитесь опыта, наше время скоро придет».

Работа, которой я тогда занимался, меня совсем не привлекала, перспектив особых не было, и я подумал: «Почему бы и нет?» Позвонил по предложенному телефону, прошел очень «жесткое» собеседование и, неожиданно для себя, был принят на должность старшего инженера-социолога. Сказалось полученное образование и опыт работы с Александром Васильевичем. Вскоре через общих знакомых я узнал, что Александр Васильевич исключен из КПСС и что его делом занимается КГБ. Еще через некоторое время узнал, что следствие против него прекращено. Уже впоследствии, читая интервью Б. З. Докторова с Тихоновым, я узнал, что у него в лаборатории работал осведомитель КГБ, который донес об «антисоветской» направленности исследований лаборатории. В анкете был вопрос: «Ожидаете ли вы перемен?» Это и явилось причиной преследований. Ничего вам не напоминает?

Я проработал заводским социологом до 1989 г. Интересно, что два члена нашей общественной лаборатории тоже стали заводскими социологами, я потом их встречал на семинарах для заводских социологов. Значит, проект Ленинградской социологической школы по подготовке кадров социологов сработал. Об Александре Васильевиче слышал, что он тоже работает на одном из предприятий, но в какой должности, не сообщали.

Началась перестройка, сначала социология получила необычайную популярность, потом предприятия получили «свободу» и тут же

начали избавляться от ненужных им подразделений. Наше избавилось от социологической службы. Я довольно легко нашел работу в коммерческой социологической фирме, которых к тому времени появилось много в городе. И в августе 1990 г. как-то вечером зазвонил телефон, и я услышал в трубке знакомый баритон: «Александр Сергеевич, как я и говорил, настало наше время. Не хотите пойти преподавателем социологии ко мне на кафедру?» Оказалось, что Александра Васильевича восстановили в КПСС и предложили работу на кафедре социологии и социальной психологии Ленинградской высшей партийной школы при ЦК КПСС. К тому времени я уже занимал довольно антикоммунистическую позицию, присоединившись к демократической платформе в КПСС, и выразил сомнение в необходимости моей работы в такой организации. На это Александр Васильевич ответил, что скоро никакой партийной школы не будет, а преподаватели социологии будут очень нужны. Александр Васильевич обладал удивительным прогностическим даром. Действительно, в следующем, 1991 г. партийная школа была преобразована в Политологический институт, а после путча и роспуска КПСС преобразована сначала в Северо-Западный кадровый центр, а потом в Северо-Западную академию государственной службы.

Во всех этих учебных заведениях я работал преподавателем кафедры социологии с 1990 по 1998 г. В 1990–1991 гг. главным направлением исследовательской работы было изучение социальной политики. Александр Васильевич считал, что необходимо в корне менять эту политику, которая осуществлялась в СССР «по остаточному принципу», необходимо исходить из реальных потребностей людей. Закончилось это тем, что его пригласили работать заместителем председателя демократически избранного Ленгорисполкома по социальной политике. Александр Васильевич оставил руководить кафедрой своего заместителя, но сам продолжал читать курс по социальной политике. Сам он говорил, что рассматривает эту работу как социальный эксперимент и возможность на практике реализовать свои идеи по изменению социальной политики. Александр Васильевич проработал в должности зам. председателя исполкома до июня 1991 г., когда мэром был избран А. А. Собчак, который уволил предыдущую администрацию Ленгорисполкома. Александр Васильевич рассказывал, что он получил очень интересный опыт на этом посту, понял, каким образом реально управляется город. По-видимому, тогда он и задумался о работе в новом направлении — социологии управления.

В январе 1992 г. А. В. Тихонов вернулся заведовать кафедрой уже в Северо-Западный кадровый центр. И сразу же предложил новое

направление развития кафедры социологии управления. Главным отличием его от традиционной социологии менеджмента и социального управления было исследование социологическими методами процессов управления как социальных процессов.

К этому времени сложился прекрасный состав преподавателей кафедры. Большинство из нас были молоды и жаждали новых знаний, тем более что впервые открылись безграничные возможности их получения. Мы учили студентов и сами учились. Это было одним из лучших времен в моей профессиональной деятельности. К сожалению, в руководстве кадрового центра сохранилось слишком много сотрудников бывшей партийной школы, да и директор оказался приверженцем консервативных взглядов. Так или иначе, к середине 1993 г. у Александра Васильевича возник конфликт с руководством, в результате чего он вынужден был оставить руководство кафедры. При этом он продолжил читать курс «Социология управления».

И случился новый, совершенно неожиданный для нас поворот в судьбе Александра Васильевича. Он сначала возглавил одну из начавших появляться тогда частных страховых компаний, вывел ее в число одних из ведущих страховщиков в городе, а затем стал ее единственным владельцем. Как он шутил, наука в его лице показывает свою производительную силу. Часто он также говорил, что не занимается бизнесом, а осуществляет включенное наблюдение над управлением бизнесом в рамках социологии управления. При этом он продолжал преподавать на созданной им кафедре, читая и совершенствуя курс «Социология управления». Занимался он и исследовательской работой. В 1993–1994 гг. он организовал проведение исследования, посвященное изучению рисков ведения бизнеса в России того времени. Это было одно из первых исследований в рамках такого направления, как «социология риска».

И, самое удивительное, Александр Васильевич в это же время работал над монографией «Социология управления. Теоретические основы». Мне посчастливилось помогать ему в этой работе. Монография увидела свет в июле 2000 г. Осенью этого же года на основе монографии на социологическом факультете СПбГУ А. В. Тихонов блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме «Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины» (специальность 22.00.08 — «Социология управления»). Тем самым он подтвердил свой статус ведущего специалиста в этой области социологии и статус самой «Социологии управления» как отраслевой социологической теории.

К этому времени возглавляемая Александром Васильевичем страховая компания «Сфинкс» также достигла пика своего успеха. Ей принадлежал огромный офис в бизнес-центре на площади Конституции, который занимал целый этаж здания. В компании работали десятки сотрудников.

Мне пришлось в 1998 г. уйти с кафедры социологии тогда уже Северо-Западной академии государственной службы. Я работал в различных коммерческих социологических фирмах, но не терял связи с Александром Васильевичем, время от времени выполняя по его заказу различные исследовательские работы. Как всегда внезапно, в июле 2003 г. мне позвонил Александр Васильевич и сообщил, что он стал директором Социологического института РАН и предлагает мне работу в нем. Я хорошо был знаком с институтом. С некоторыми его сотрудниками мне приходилось сотрудничать по тем исследованиям, которыми я занимался, работая в академии. Поэтому это было предложением, от которого я не смог отказаться.

Александр Васильевич поделился со мной планами начать в институте новое научное направление «Социология инноваций», объясняя, что это очень перспективное направление, что страна нуждается в переходе на инновационное развитие. Тем более что это направление вытекало из курса «Социология управления», в котором был раздел «инновации в организациях», который основывался на работах Н. И. Лапина и А. И. Пригожина. Для развития этого направления Александр Васильевич организовал в институте сектор «Социологии науки и инноваций», который сам и возглавил, а я стал его первым сотрудником. Опять началась интереснейшая работа по созданию программы наших исследований, освоению совершенно новой для меня проблематики. В 2004 г. Александр Васильевич пригласил в сектор в качестве сотрудника Иванову Елену Александровну, работавшую в Санкт-Петербургском научном центре РАН. В 2005 г. коллектив сектора пополнился такими известными социологами, как Будимир Гвидонович Тукумцев и Борис Иванович Максимов. Казалось бы, перспективы прекрасны. Однако в конце 2005 г. Александр Васильевич покинул пост директора института. Обстоятельства этого он раскрывает в интервью, данном им Борису Зусмановичу Докторову в 2016 г. Он переехал в Москву, где занял пост руководителя Центра социологии управления и социальных технологий, где он и проработал последние 16 лет своей жизни.

Созданный же Александром Васильевичем сектор «Социологии науки и инноваций» проработал, под руководством Ивановой Елены Александровны, в составе петербургского Социологического

института РАН до 2016 г. Практически все это время он работал по программе, намеченной Александром Васильевичем. К сожалению, всегда очень прозорливый в своих прогнозах, на этот раз Александр Васильевич ошибся в предсказании того, что Россия перейдет на инновационный путь развития. Впрочем, возможно, все еще впереди. И результаты исследований, которые велись в секторе «Социологии науки и инноваций», еще будут востребованы.

Мне очень посчастливилось встретить на своем пути Александра Васильевича Тихонова. Он стал моим учителем и определил всю мою последующую жизнь. Я думаю, что память об этом удивительном человеке и большом ученом сохранится в Санкт-Петербургском научном сообществе и в истории петербургской социологии.

Мищенко Александр Сергеевич,
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2021
Выпуск 16

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 526.
Тел.: +7 (812) 316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. А. Нотик*
Дизайн обложки *Т. Б. Тиунова*
Оригинал-макет *Е. О. Пучков*

Подписано в печать 24.12.2021. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 300 экз.
Заказ № 306С.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК